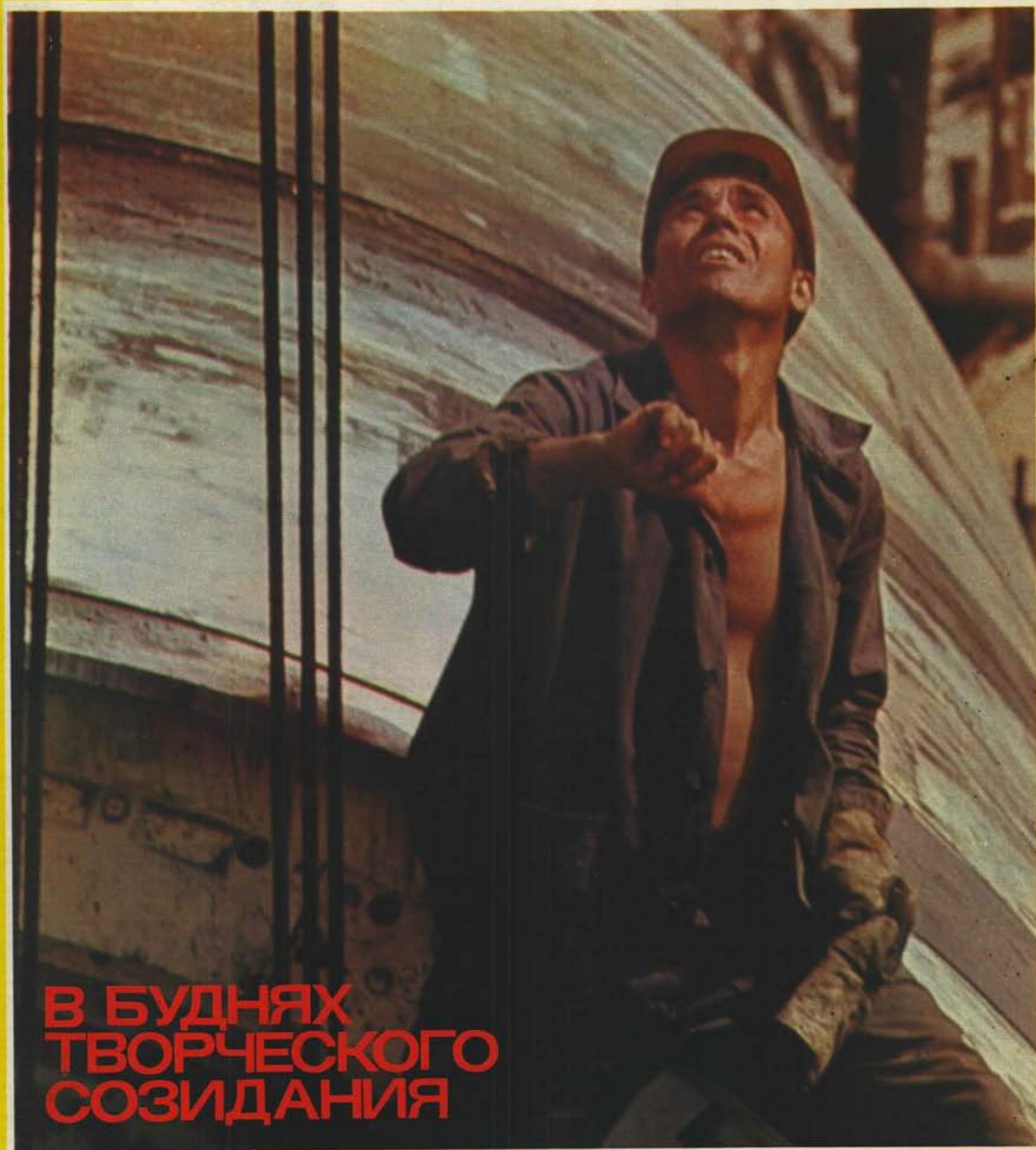

СМЕНА

№ 19 ОКТЯБРЬ 1980

**В БУДНЯХ
ТВОРЧЕСКОГО
СОЗИДАНИЯ**

В ОКОШКЕ

Комсомол и система профессионально-технического образования. Эти два понятия становятся неразрывно близки, когда мы говорим о трудовом обучении и воспитании широких масс молодежи. Их роднит одна цель, одно стремление: дать Родине высококвалифицированные кадры молодых рабочих, наделенных глубоким чувством гражданской ответственности.

Отмечая в дни подготовки к XXVI съезду КПСС юбилей системы профтехобразования, мы публикуем очерк о недавнем секретаре горкома ВЛКСМ, ставшем директором технического училища.

Валерий КУЦ

Мотор автобуса смолк. Водитель вытянул затекшие ноги и накрыл лицо газетой. «Конечная»,— устало сказала кондуктор, разворачивая сверток с бутербродами.

От остановки Валерий Николаевич Редников двинулся напрямик, пустырем. Шагал и перебирал в памяти собеседование, вспоминал, как серьезно секретарь горкома партии, пожав на прощание руку, произнес: «Доверяю тебе будущее наше».

Вот и стройка. Когда огляделся, приподнятое настроение сменилось досадой: обломки кирпичей, ржавые куски труб, арматура валялись вокруг двухэтажного учебного корпуса. Тихо на стройке, безлюдно. Рабочих перебросили на «горящие» объекты.

«А мой — не горящий?» — Редников в сердцах пнул подвернувшееся ведро. Оно, закинув, укатилось под голубой вагончик-подсобку. Заглянул в вагончик — натоптано, грязно.

Из пары палок, связанных проволокой, получилась швабра. Подвернул до колен брюки, поплевал в ладони и приступил к исполнению служебных обязанностей.

Воду в ведре пятый раз менял, ступеньку последнюю домывал, а тут за спиной знакомый голос:

— Валерий Николаевич, вы?

Секретарь комитета комсомола одной из стройорганизаций Георгиевска Юрий Бобылев смотрел, как моет ступеньки подсобки... первый секретарь горкома комсомола.

— Я, Юра,— рассмеялся Редников,— не знаешь?

Бобылев поглядел на раскрасневшееся лицо Редникова, на мокрые босые ноги, на грязную тряпку в ведре и простодушно посочувствовал:

— Кем же теперь?

— Директором, Юра, директором.

Бобылев буркнул виновато:

— Прости, худое подумал. Разве начальство полы моет?

— Ладно. Ты пришли, пожалуйста, трактор. Переатем мой временный «кабинет» поближе к училищу. За вашим братом строителем глаз да глаз нужен. Завтра ругаться пойду «наверх». Срок сдачи когда еще истек?

Юра согласно кивал, а сам думал: «Или послезавтра придет приказ приступить к отделке учебного корпуса, или я не знаю Редникова».

Вот так 13 апреля 1976 года 27-летний коммунист Редников провел свой первый рабочий день в новом качестве.

Сегодня там, где директор ТУ-23 Редников увидел «голый» учебный корпус с зияющими глазницами окон, груды мусора, канавы,— бело-голубой городок в хороводе цветущих по весне яблоневых аллей.

Спортивный комплекс, розарий, комфортабельное общежитие, первоклассные учебные аудитории, осна-

щенные современной оргтехниккой и наглядными пособиями, библиотека, столовая — владения четырехсот юношей и девушек, будущих консервщиков. Они учатся мариновать овощи, варить фруктово-ягодные компоты и варенья, готовить марочные вина, управлять сложными автоматическими технологическими линиями, холодильными установками, производить химико-бактериологические анализы.

Сегодня у ТУ-23 репутация престижного, «конкурсного». Эта репутация наполнена особым смыслом, так как именно «трудные», педагогически запущенные подростки составляют большую часть абитуриентов. У Редникова — высокий итог: счастливые человеческие судьбы. Конечно, это хорошо, что консервная промышленность страны получает квалифицированные кадры, но какой мерой оценить посеянное в душах добро, честность, веру в собственные силы?

«Прошло четыре месяца, но в памяти первое сентября остается солнечным и звонким. Училище понравилось сразу: светлые учебные лаборатории, классы, спортзал, общежитие. Я каждый день спешу на занятия. Там мои друзья, мои дорогие педагоги».

Ирина Волкова
 (из письма маме)

...Юрий Бобылев действительно неплохо знал характер бывшего вожака городской комсомолки. Отделка учебного корпуса возобновилась. Объемы работ к августу намеревались. Строго контролировал Редников качество («Не на три года пришел»), но самым трудным оказалось набрать первый курс. Порою набор проходил так:

— Кабинет директора? — переспросил усатый маляр в газетной треуголке двух девушек, опасно переступивших заляпанный побелкой порог. — Он и есть.

— А директор где сидит?

— Сам? В «летней резиденции». — Маляр был молод, и девушки ему нравились. — Слышите, как по телефону ругается? Подайвай ему розовые стены в учебных аудиториях. Меня перебеливать заставил две лаборатории, колер, видишь ли, невыразительный. — Маляр отставил кисть и поинтересовался: — Отличницы?

Девушки поднялись по ступенькам в вагончик. Директор предложил сесть, а они директору предложили сигареты «Кэмэл». Та, что в желтом батничке и голубых джинсиках, прибавила многозначительно: «Фирма», — и потянулась к зажигалке Редникова.

«Отличницы» писали в заявлении (они до сих пор хранятся у Редникова рядом с их же телеграммой о поступлении в техникум): «Хачу учица», а направила их в училище детская комната милиции.

— Ну, милые мои, завтра приступаем к учебе. — Редников вместо огня протянул подружкам два красных яблока: мама в портфель положила утром.

Девушки яблоки взяли, но удивились. Какая учеба? В училище грязь по колено, стекло из-под белил не разглядишь. «И вообще, завтра же воскре-

сенье», — негодуя, пристукнула по коленке остреньким кулачком та самая, в желтом батничке. Чувствовалось, в паре старшая она.

Редников подумал: «Пожалуй, начинать надо с учебного корпуса. Сейчас оно для них просто новое неопрятное здание, чужое и холодное, а жить в нем долго». Редников видел в окошко, как с брезгливой миной переступали недавние собеседники строительный мусор. «Вот попотеем завтра на воскреснике, тогда совсем иначе воспримется царापина на тобою покрашенной панели»...

Желтый батничек остановился около усатого маляра. Вспыхнул огонек зажигалки. Редников усмехнулся. От подружек отказались в четырех городских училищах. Они пришли в пятое, даже не поинтересовавшись, кого оно готовит. Надеялись на очередной отказ? Дудки, милые мои, дудки!

Первыми на воскресник приехали музыканты. Редников волновался, придут ли абитуриенты.

Пришли. Ребячья река захлестнула коридоры, училищный двор. Девчата мыли стекла, панели, полы. Та, вчерашняя, в желтом батничке, нашла иное применение былой сметке и предприимчивости: видя, как простаивают девчата из-за нехватки тряпок, кликнула подружку, и они исчезли. Через полчаса бывшие без «орудий производства» девчата с треском разрывали старые простыни, рубахи, халаты, которые выпросили по соседним улицам подруги.

Ребята не отставали от девчонок: копали ямы под столбы для забора, строительный мусор носилками таскали в одну большую кучу. Кто умел столбярничать — подгонял рамы и двери, приколачивал таблички.

Под крики «Ура-а-а!», «Поше-е-е!» выкатили к обочине дороги ненужный уже голубой вагончик с поблекшей надписью на двери: «Кабинет директора ТУ-23».

Работалось дружно, всю старался, играл без устали оркестр соседнего завода.

В гуце дел директор. Копают яму — быстрее всех. Моет пол — чище всех. Работает, а сам шутит, песни затягивает. Но и командовать тоже успевает.

...Пришла пора считать сделанное. «Ого!» — только и сказал вызванный прораб.

Кто-то из толпы крикнул: «Завтра придем, не прогоните?»

Автора идеи, худенького пацана в футболке под номером четыре, принялись качать, а прораб, обрадовавшись нечаянному пополнению, едва успевал записывать фамилии добровольцев. Командиром строительного отряда «Консервщик» выбрали пацана в футболке. В характеристике командира значилось: «Увливает от школьной практики». Позднее Редников попросит его прокомментировать заключение школьных учителей. Тот скажет: «Пусть с тяпкой девчонки нянькаются. Я мужчина», — и выпатит цыплячью грудь.

К вечеру рухнул на город грозовой августовский ливень, и, не сговариваясь, все ринулись под теплые струи и долго стояли, задрал к небу лица, лоя губами, ладонями крупные капли. Они стояли пока порознь в толпе: педагоги, директор, ребята, но были уже вместе. То, что не говорилось вслух, говорилось в письмах. Слова те были бесхитростными и потому особенно дорогими. Пусть и не знал о них Редников. Главное, они были.

«Я поняла, дорогая сестричка, в группе прислушиваются к моему мнению, считаются с моими советами. В школе я оставалась в стороне, обычно не высказывала мысли вслух, была малоактивной, а теперь это все исчезло. Я стала смелее в суждениях, в тот счастливый «строительный» день поняла, что я — не пустое место. В школе не хотелось поручений. Теперь я член редколлегии, член библиотечного совета, радиодиктор и член художественного совета училища».

И еще я хочу написать, что училище стало мне вторым домом, когда я уезжаю домой по субботам,

**ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ СТРАНЫ.
ОТСЮДА СЕГОДНЯ УХОДИТ В
ТРУДОВУЮ ЖИЗНЬ РАБОЧАЯ
ЮНОСТЬ. ЗАВТРА ОНА СТАНЕТ
ЧАСТЬЮ РАБОЧЕГО КЛАССА.**

Фото Андрея ФИЛИПОВА

На училищных часах 7.59.

Редников приостановился у двери, глубоко вздохнул и, пробормотав некиминное: «Ну, милые мои», — встал за ручку. И.

И тряпка для мытья доски, завинув, прилипла к стене. Мотнувшись тахвинно, удар получился крепким. Не числись Редников в свое время второй перчаткой института, вряд ли успел бы уклониться. «Снайпер» остолбенел от страха, выпрямившись во все свои 184 сантиметра на столе у третьего окна.

Группа смеялась, а в химическом шкафу жалобно звякали пробирки и колбы. Басок с «камчатки», наполненный нагледой, резюмировал: «Ну, дебилы, сейчас орать будет. Держись!».

Редников раньше в подобных случаях паниковал, и тогда каменели скулы, судорожно сжимались кулаки, а сегодня спокоен. Было, милые мои, сто лет назад еще. Потом он прочтет: «Из ложного стыда я сделался циником и насмешником, я притворился, что презираю вежливость, тогда как просто не умел быть вежливым». Жан-Жак Руссо. «Точно подмечено», — заключил Редников, — вежливости нужно учиться, этим и займемся».

Когда затих смех, Редников спросил у класса: «Ребята, кто, по-вашему, может считаться культурным человеком? Какой смысл заложен в определении: «культурный человек»? Знакомый басок с «кам-

я очень хочу поскорее вернуться, я не представляю, как буду все ханиккулы сидеть дома, я очень буду скучать по друзьям».

Т. Крапивина
(из письма)

Так рождалась традиция — в дни, предшествующие учебе, наводить порядок, чистить, строить. Вот откуда цветущий сад, розарий, домашний уют в общежитии, инструменты для вокально-инструментального ансамбля, спорткомплекс. Слово эстафета передавалась новичкам. Пришел учиться — покажи, на что

способен. Мастерок не держал — научим. Хочешь розы выращивать — пожалуйста. Умеешь стеклить — вот тебе фронт работ.

Редников записал однажды в своем дневнике: «Взрослый человек — путешественник в загадочную страну подростков. Ему необходимо проникнуться ее законами. Иначе не понять нужность «ненужных» вещей, цель «бесцельных» поступков, смысл «бесмысленных» драк, мотивы «безмотивных» проступков. Не осилил — будешь смотреть и не видеть, слушать и не слышать, помогая — вредить».

чатки» не хотел уступать и выдал новую порцию юмора: «Тот, кто уши моет». «Хочешь, чтобы я накричал, — подумал Редников, — нет, милые мои, смелый солдат выигрывает бой, а войну выигрывает терпеливый. Вот из них я, из терпеливых».

И он попросил ребят показать содержимое карманов. Чего только в них не нашлось, и всего-навсего четыре носовых платка. К тому же чистоты весьма сомнительной. Пришел черед и карманов директора. Кроме каких-то не удививших ребят вещей, там были свежее выглаженный платок и миниатюрная одежная щетка.

— Вот здорово,— протянул знакомый басок с «камчатки».— Где купили, Валерий Николаевич?..

Постепенно, не сразу, не после пятого и даже не после десятого редниковского «урока» стали подтягиваться ребята. Приходить в начищенных ботинках, выглаженных брюках. Ну, а иметь при себе небольшую щетку стало в училище модным. Вместе с расхлябанностью, неопрятностью как-то пропадало и желание дурачиться: несолондо, же!

И молоденькая учительница, пришедшая в группу после первого полугодия, сказала подруге в учительской: «Милые ребята, вот только рослые очень».

Владимир Афанасьевич Морозов, заместитель по учебно-производственным вопросам, любит вечерние дежурства. Тихо в длинных чистых коридорах, притушены лампы, училищный люд укладывается спать, умаявшись за день. Хорошо думается над листами бумаги. За 30 лет работы в системе профтехобразования (начинал лаборантом) накопилось немало «нетипичных» случаев. Вот и последний не останется без анализа.

Блокнотный листок лежал под дверью.

«Для меня группа не существует. Я живу себе, она себе. Никто никогда не поймет, почему мне одиноко среди людей. Посоветуйте, как быть дальше? Мои силы на исходе. Ну почему меня все ненавидят? Т. Е.»

Морозов знал, где искать автора. Едва наступали сумерки, светловолосая девушка пробиравшаяся в дальний класс и сидела там за полночь. Он и без «письма» догадывался: неладно дело. Попытался поговорить, но неизменно наталкивался на злое молчание. Иногда она пропадала на два-три дня. Возвращалась взвинченная. В ее клятвы верилось мало. Собрались исклочьить.

Ноябрьский вечер лохматил тучи— дождь, очевидно, до утра, а они сидели в кабинете Морозова. Разговаривали неторопливо, чай пили с карамельками. Со стороны глянуть— дочка с батею о жизни душевно толкуют. Было о чем, ох, и было.

У семнадцатилетней девушки оставалось одно платье и на зиму и на лето. А когда она в последний раз приехала в воскресенье домой и постирала его, то родные решили платье пропить. Пришлось убежать.

Год Морозов и «крестница» шли рука об руку. Случалось, едва не теряли друг друга, скользили порою на поворотах, но именно тогда вместе с верой родилась надежда.

Белокурая «крестница» — начальник цеха в соседнем районе. У нее дом, муж, сын.

Можно год помогать человеку выйти на верную дорогу, а можно и за пять минут дать почувствовать, «кто есть кто».

Учащийся Виктор Андреев внес чемодан и поставил аккуратно в угол кабинета.

— Ушел из дома,— ответил на вопрошающий взгляд Морозова.

— Насовсем? — уточнил тот.

— Да, Владимир Афанасьевич. Представляете,— зачастил Виктор, упиваясь собственной решимостью.— прошу у родителей тридцатку к стипендии, туфли сосед продает модные. Не дали! Говорят, на пальто зимнее откладывают, пальто мне, дескать, нужнее. На танцы в субботу не в чем идти. Стыдно.

— Жить, конечно, собираешься в общежитии? Выбери.

— Морозов протянул Виктору палку.

— Комнату? — улыбнулся беглец.

— Да,— как бы между прочим, не отрывая взгляд от бумаг, негромко сказал Морозов,— и подсказки, кого выселить из иногородних.

Виктор опешил. Морозов сделал вид, что не заметил, и продолжал нарочито спокойно:

— Выселим, выселим. Не сомневайся. У тебя трагедия, я понимаю.

Сел Виктор на стул, от стыда щеки стали красными, а Морозов продолжает:

— Не в службу, а в дружбу, выручи. В универмаг ботинки нужного размера завезли. Вот деньги,— протянул конверт,— передай директору универмага. Хотим ребят, у которых отцов нет, порадовать обновками.

«Беглеца» точно ветром сдуло. Поручение исполнено в точности.

Не знаю, какой художник пленяет Морозова. Может быть, случайно именно ему завхоз повесил копию картины Саврасова «Грачи прилетели». Суть не в этом. В один из приездов захожу в его кабинет, а там подростков набилось человек пятнадцать. Один даже на ковре сидит. Спорят о чем-то ребята, руками размахивают в запале, и на равных с ними— седой человек в аккуратном черном костюме. Глядел на них и думал: на крыло ставит своих грачат-несмышлешней Морозов. В полет готовит.

— Случайных людей у нас нет. Не держим,— заметил мне как-то Редников.

...В сумерках у стены вскипела драка: месиво разгоряченных тел, кто-то залощно кричал, звал на помощь.

Худенькая женщина отшвырнула хозяйственную сумку, разбрызгивая лужи, кинулась в гущу дерущейся оравы и закричала неожиданно громко для ее фигуры голосом: «Прекратить, пре-кратить!»

Те, кого били, смеялись. Улыбались и нападавшие. «Проверочка,— процедил прыщавый малый, отряхивая шапку.— Шутка».

Так проверяли Валентину Алоян, секретаря парторганации, преподавателя эстетики. Как говаривал Редников в минуту доброго расположения духа: «Она мой заместитель по красоте. По красоте, милые вы мои».

Алоян такая. Может маленькими ладошками намертво перехватить занесенную на слабого руку. Живя в соседней станице Незлобной, может заявляться в ночь-полночь в спальне общежития — проверять порядок. Оставить на попечение соседки захворавшего сынишку, чтобы, как всегда, изысканно одетой, красиво причесанной, сесть за фортепиано. Мягко порхают кисти рук над клавишами, а дежурные в коридорах покидают посты и тихонько, на цыпочках крадутся к двери: «Алоян играет!»

Алоян учит. Читает логику звука, мысли. Саша Назаров, тот самый Назаров, что и высказать толком мысль не умел, потел, исходил пятнами от смущения на уроках, стал лауреатом краевого конкурса чтецов. Ему вручали диплом, подарок. Потом в общежитии свежеспеченный лауреат читал Блока, Ахматову, закончив концерт-соло ее, Алоян, любимым «Вы помните, вы все, конечно, помните».

Вот чего она добились: ребята начинали смотреть на мир ее глазами, мерили добро и зло ее мерками. Алоян сказала на одном из выпускных вечеров: «Мы работаем на будущее, колоса молотить не нам».

Сказано хорошо, но слишком самокритично. Созревают колосья и на вашей сегодняшней педагогической ниве, Валентина Алоян, из зерен, брошенных вашими руками.

Удивительный она человек, Алоян. Ее внутренний мир адекватен поступкам, внешности, ей хочется верить, и ей верят.

Саша Бернов и Коля Алексеевко, староста группы и заместитель секретаря комитета комсомола училища, решили приобрести обновку: фуражки. Долго приценивались и наконец-то купили огромные «аэродроны», сшитые из зеленого в синюю клетку одеяла оборотистыми ребятами из города Баку. Группа последовала примеру. Пришли показать обновку Алоян. Ей бы рассмеяться. А она просит ребят пойти с нею в магазин. Там и прочла лекцию о цвете, об искусстве одеваться. Наутро мусорщики, приехавшие в училище, недоуменно рассматривали новенькие кепки, валяющиеся в контейнере. В журнал эта лекция не вошла, как не предусмотренная учебным планом. В работе Алоян многое не внесешь в план.

...Женщина в черном переступила порог кабинета. Присела на краешек стула. Заплакала.

Они молчали, не решаясь посмотреть друг другу в глаза. Алоян знала о показаниях свидетеля: «На автобусной остановке подросток, одетый в спортивную куртку, ранил ножом человека».

Их компанию задержали через 42 минуты. В кафе. Еще медленно растекалось мороженое по серебряным блюдцам, еще официантка приходила в себя после резкого: «Всем оставаться на местах». В жизни Степана Н. наступала семнадцатая зима.

В операционной городской больницы свет выключили утром. Белые улицы, белые халаты, белое лицо раненого. Будет ли жить человек, вышедший купить хлеба к ужину? На этот вопрос врачи ответа не давали. А хлеб приобщили к делу как вещественное доказательство. На вопрос следователя, почему постоянно носил нож в кармане, Степан ответил:

— Удобно открывать бутылки.

О чем думала в это время Алоян? Ответственности она не боялась. Она мучительно искала ответа на вопрос, почему педагога училища, она сама не смогла, не успели разглядеть беду подростка. Что их успокаивало? «Пятерка» по поведению? Авторитет лучшей школы Георгиевска? Пожалуй, и это. Но почему школа не призналась в ошибке? Напиши классный руководитель в характеристике: «Склонен к употреблению спиртного», — кто знает, упала бы капля крови на хлеб? И сами хороши! Закрутившись в первые дни учебного года, не разобрались, отчего сразу после занятий Степан уходил. С кем он дружил? Где и как проводил свободное время? Воспитывала или только кормила его семья? Сколько вопросов! На все необходимо отвечать, и за все необходимо братья. Не успели.

«...Очевидно, мы ошибаемся, обращая в начальный период учебного года особо пристальное внимание на «неординарную» личность: злостный нарушитель дисциплины, тулиган, вчерашний ворюга. Словом, человек, не укладывающийся в стереотипный образ «хорошего». Потом поняла, мы путаем «хорошего» с «удобным», не мешающим работать. Оказывается, именно «удобный»

требует пристального внимания. В нем плодится самое страшное: равнодушие. Равнодушие ко всему живому».

(Из выступления В. Алоян на педагогическом совете)

Слова капали редко, точно вода из прохудившегося крана:

— Валерий Николаевич, я больше группу не подведу. Не отчислите, пожалуйста.

Худой, болезненного вида подросток не поднимал взгляда от носков обшарпанных ботинок. Свалывшиеся волосы падали на лоб, уши адели. Голос дрожал, вот-вот сорвется на слезы.

Редникову тоже было далеко до хорошего настроения. Он встал, быстро заходил по кабинету, полы пиджака смахнули какие-то бумаги со стола. Не заметил.

— Алешка, Алешка... — только и проговорил вслух.

Что же сказать тебе, паренек, какие слова найти? Десять суток пропадал. Домой отправить? Родители недавно развелись, не согреть порушенный очаг. В группу? Она зла на Алешку: теперь первого места — поездки в горы — ей не взять. Несколько месяцев образцовой учебы, поведения — все насмарку.

Как быть?

Тягостную тишину прервал Цапенко:

— Я в клинике возьму справку. Мне дадут, вы знаете почему. Уйду сам. Ребята не пострадают из-за меня?

— В случае, если группа откажется от тебя, — коротко отрезал Редников, и снова в кабинете надолго воцарилась тишина.

Выгнать — значит, отступить. Оставить — на парне будут срывать зло, еще больше замкнется в себе.

— Иди пока, Алеша. Я подумаю, что будем делать, посоветуюсь.

Совет Редников держал с комсомольской организацией группы, где учился Алексей Цапенко.

Я видел протокол собрания. Там значилось: «Цапенко поверить в последний раз. Прикрепить его на буксир к лучшему учащемуся». Последнее взял на себя комсорг, как автор предложения.

На выпускном празднике Алеша Цапенко сфотографировался с комсоргом и директором: фотокарточка лежит под стеклом директорского стола. На ней улыбающийся Алешка крепко обнимает друзей. Вот так и ушел в жизнь, с улыбкой. Директор поверил группе, а группа поверила Цапенко. Почему? Я думаю, потому, что все училище знает: присловье директора «милые вы мои» не дань привычке, а жизненная позиция, и подростки стараются следовать ей.

Потом секретарь Редникова, Валя, принесет письмо, написанное мамой Алеша Цапенко, сбивчивое и сердечное. Приведу оттуда лишь одну строчку: «Спасибо, что о сыне побеспокоились первыми».

Вот этому чувству не научись специально. Оно должно присутствовать даже тогда, когда, кажется, нет к нему особых причин.

Однажды он пришел на классный час в группу холодильщиков после урока физкультуры. Ребята переоделись и заявили в домашних шлепанцах. Ноги, говорят, устали от физкультуры. Можно пожурить за нарушение формы одежды или разъяснить правила приличия, послать переодеться. А он вот что предпринял. Утром следующего дня в кинозале состоялась лекция, читал ее стройный, лет шестидесяти мужчина, городской нотариус. Рассказывая о нотариальном производстве, он два часа ходил по сцене от плаката к плакату. В тишине скрипели новенькие ботинки.

Когда лектор закончил, Редников поднялся на сцену и сказал: «Иван Павлович Гуров лишился ног еще в годы войны». Зал испуганно охнул, в едином порыве встал и разразился аплодисментами. Гуров принципиально читает лекции стоя, считая не вправе сидеть перед аудиторией. Остается только гадать, какого усилия воли стоит ему часами ходить по сцене и улыбаться.

«Холодильщики» покинули кинозал последними. И долго еще при встречах с директором краснели. Так о чем была лекция, организованная директором? О нотариальном производстве? О мужестве? О человеческом достоинстве?

И еще об одном письме, с воинским штемпелем. Один из бывших «трудных», моряк Тихоокеанского флота, помня о привычке Редникова допоздна задерживаться на работе, писал: «Окошко в кабинете светит, как маяк, и греет, как ладонь друга. Кто-то должен его не гасить, указывать верную дорогу. Спасибо, милый вы наш».

Недавно Редников звонил поздно вечером: «Вычитал у Хемингуэя программную, можно сказать, фразу: «Человек один не может ни черта». Завтра покажу ее пацану, заявившему мне, что проживет прекрасно и сам. Как думаешь, ну, пусть мне не поверил, но Хемингуэю-то должен?»

Я взглянул на часы. Еще чуть-чуть, и полночь. Редников не мог лечь спать, не найдя довода в неоконченном споре. Такой вот человек.

Юлия ДРУНИНА

Из забытых тетрадей

Солнцем продубленная долина,
Раскаленный ветер жжет лицо.
Вот лягушки,
Как пловцы с трамплина,
Плюхаются в лужу-озерцо.
Ковыля, полыми буйный праздник
На себе ловлю я чей-то взгляд:
То глаза орленка —
Очи Азии,—
Не мигая, на меня глядят.
И опять
Под этим взглядом странным,
В этом знойном, словно ад, раю
Чувствую разлуку,
Будто рану,
Чувствую, что снова на краю...

Три дня и четыре ночи —
Много ли это, мало?..
Были они короче
Грозных секунд обвала,
Когда никуда не скрыться,
Когда никуда не деться
От каменного убийцы,
Что вот-вот раздавит сердце.

Три дня и четыре...
Вспомни —
Много ли это, мало?..
Были они объемней
Жизни иной, пожалуй.
Замешано было круто
В них счастье
С приправой боли.
Неполных четверо суток
Наедине с тобою...

Бежала от морозов —
Вот беда:
От них, должно быть,
Никуда не деться.
Сковали землю Крыма холода,
И добираются они
До сердца.

Я, как могу,
Со стужей борюсь —
Хожу на лыжах в горы,
А под вечер
Твержу, чтобы согреться,
Наизусть
Скупые наши,
Считанные встречи.

Была счастливою с тобой —
Такой счастливой я!
Но счастье рухнуло в забой,
Как тяжкая бадья.
(Мы все осуждены судьбой
На тьму небытия...)

Бездонна шахта и темна,
В ней вечный мрак и лед...
И чья вина?
Ничья вина,
Кому представишь счет?

Благодаримье?
Скучная игра!
В ней проигрыш
Заране обеспечен.
Живем, как это всем известно,
Раз.
Легко ли, если жизнь
Припомнить нечем?

А как ее припомнишь,
Если ты
Чтил только прописи
В подлунном мире,
И никогда
Не преступал черты,
И твердо знал,
Что дважды два —
Четыре?..

Ненависть

Враг мой где-то по соседству рыщет,
Слышит, как смеюсь я и пою,
Прячет, словно нож за голенище,
Ненависть угрюмую свою.

Что ему я сделала?
Не знаю.
Просто ненависть —
Любви двойник.
Это рана,
Страшная, сквозная,
Это боли иступленный крик.

Гордость,
Приходи мне на подмогу!
Знаю,
Ты меня не подведешь.
Настрадалась столько —
Слава богу,
Никакой уже не страшен нож.

Смешно, что считают сильной,
Просто смешно до слез! —
Дочь твоя, Россия,
Я не пугаюсь гроз,
Но мелкой грызни мышинной
До паники я боюсь,
Больно мне давит спину
Всякий житейский груз.
Яростно Время мечет
Беды со всех сторон.
Обороняться нечем —
Последний храню патрон...

Лежит земля покорная у ног —
Куда я захочу, туда и двину.
Меня пьянит свободы холодок,
Тугой рюкзак лишь выпрямляет спину.

Натянут каждый мускул, как струна,
Пружинисто ступаю и легко я.
Ох, как давно я не была одна,
И сколько в одиночестве покоя!

Какой покой?
Не слишком верь мне, друг...
Я попросту пытаюсь перебиться,
Чтоб дотянуть свой человеческий круг,
Преодолеть последнюю границу.

Рисунок
Владимира ДЕЛБЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 19 (1281) ОКТЯБРЬ 1980

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ТРУДОВЫЕ
БУДНИ БАМА.

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС.
Очерк Валерия КУЦА «СВЕТ В ОКОШКЕ».
- 3 Стихи Юлии ДРУНИНОЙ.
- 4 Очерк Юрия ШАБАНОВА «ЗЕРНО ПРО ЗАПАС».
Стихи Владимира ТЕРЕХОВА.
- 7 КОНКУРС ИНТЕРЕСНОГО ПИСЬМА.
- 8 Рассказ Виталия ЗЛОТНИКОВА
«В ВЕЧНЫХ СНЕГАХ».
- 10 С НАМИ ГОВОРIT ЛЕНИН.
Валентин ЧИКИН. «ГЛАВНОЕ СЛОВО».
- 13 К ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ «СМЕНЫ»:
ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ!
- 14 АВТОБИОГРАФИИ.
Игорь ИЛЬИНСКИЙ. Народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии.
«ЭТОТ ТРУД ЗОВЕТСЯ СЧАСТЬЕМ».
- 18 «А ЧТО У ВАС?».
Информационная страница «Смены».
- 20 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Повесть Инизеро КРЕМАСКИ «ЧЕРНАЯ КОЖАНКА».
- 24 «НИКАРАГУА: МИРНЫЕ БАРИКАДЫ».
Очерк Александра КАРМЕНА.
- 27 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Александра ПИСТУНОВА. «СИНЯЯ БАБОЧКА».
- 28 ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
«ГРАД ИМЕНЕМ ТОБОЛЕСК».
Фотоочерк Юрия ТЮРИНА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 30 «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».
Конкурс одного стихотворения.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1980 г.

Владимир
ТЕРЕХОВ
1

МАМА

*Расчленила матушка опару.
Хлопотливо одеялами укрывала.
Петушиного рассвета не проспала.
Про заботы никому не говорила.*

*Меж подушек неостывших на кровати,
Опясанная связкой полотенец,
Потихонечку опара угревалась
И пыхла, и дышала, как младенец.*

*Из пропаренных одежек выростала...
Ну, а матушка пыталась, причитая,
Урезонить расхोлившееся тесто.
Только тесту было весело и тесно.*

*Только тесто, как шальное, подходило.
Заниматься им до срока приходилось.
Мама руки мыла теплою водою,
Подбирала тесто доброю ладонью.*

*Мама тесто разминала кулаками,
Словно скульптор неудавшуюся лепку.
И выкатывала белыми руками
Все мукою пересыпанные хлебы.*

*Каждый хлеб она пошлепает легонько
По бокам незагорелым, неупругим
И выкладывает рядом на клеенку
Друг за другом.*

2
*В хате света еле-еле —
Занавешено окно.
За окном на самом деле
День давным-давно.*

*Щель в окне, лучи повисли:
Стерегут покой.
В хате сумрак, пахнет кисло
Тестом и мукой.*

Когда на моих глазах режут хлеб, я вспоминаю, как это делала моя ленинградская родственница, пережившая блокаду. Аккуратно, с крестьянской основательностью она расстилала чистую тряпицу, брала в руки каравай и нож и, держа хлеб на весу, так, чтобы ни одна крошка не упала на пол, отрезала ломоть. Собранные в горсть крошки рассыпала на балконе — птицам. Иногда, забывшись, подносила ладонь ко рту и осторожно подбирала их губами. Перехватив мой взгляд, виновато улыбалась: «Никак не избавлюсь от этой блокадной привычки».

До сих пор ее преследует страшное зрелище, очевидицей которого она была: горят хлебные Бадаевские склады, в отчаянии мечутся вокруг них люди, плотная серая масса крыс ползет к Мойке...

Хлеб, насыщенный хлеб наш! Величайшим изобретением человечества назвал его академик К. А. Тимирязев. Ценность, которой нет цены. Пища, которую мы едим каждый день и которая никогда не приедается. Что может быть дороже человеку, чем ломоть хлеба?! Исполком веков у всех народов ты был символом благоденствия, здоровья и счастья. Символом мира. Хлебом-солью издавна встречали на Руси дорогих гостей. Зернами пшеницы осыпали новобранцев, желая им тем самым счастливой и безбедной жизни. Хлебные колосья вплелись в герб нашей страны.

И тетка моя, горько плачущая над сожженной пшеницей, и потомственный хлебороб, плывущий на степном корабле в море колосьев, и мальчишка, разламывающий прямо на улице пышущий жаром калач, несут в сердце своем святую и нежную любовь к тебе. Орловский, ситный, бородинский, заварной, рижский, подовый... Названий много, а имя одно — Хлеб. Говорят, когда Владимиру Ильичу Ленину задали вопрос, как лучше сформулировать то, за что борются большевики, он ответил: «Хлеб».

Его справедливо ассоциируют с зерном — солнцем рожденным концентратом. Но не из каждого зерна можно испечь хороший хлеб. Нужно, чтобы в нем было определенное количество высококачественных, нерастворимых в воде белков — так называемой клейковины. Тогда каравай получится пышным, упругим, с ноздреватым мякишем. Таким требованиям в большей степени отвечает пшеница. Недаром ее называют главным хлебом планеты.

Но прежде чем пшеничные зерна обратятся хлебом или другими изделиями, их надо вырастить и, что не менее важно и сложно, хорошо сохранить. Каким же образом? Об этом и пойдет наш рассказ.

Для чего требуется хранить пшеницу, зерно вообще, тратить на это уйму денег и средств, строить гигантские хранилища? Не проще ли, собрав жатву, смолотить муку и тут же испечь хлеб? Оказывается, нет. Не проще. И невозможно.

Свойства хлебного зерна таковы, что они вызывают необходимость его сохранения в течение длительного периода, причем сохранения в особых условиях. Во-первых, производство зерна сезонно: его собирают раз в год, а потребление постоянно — хлеб мы едим каждый день. Стало быть, оно должно быть сохранено как минимум до нового урожая. Кроме того, требуется создавать запасы зерна на случай стихийных бедствий. Во-вторых, зерно — живой организм, в нем все время происходят биохимические процессы.

Оно быстро реагирует на внешние неблагоприятные условия и прежде всего на влажность и температуру воздуха. Под их влиянием может не только ухудшиться качество зерна, но и произойти его порча — оно станет непригодным ни в пищу, ни на посев. А чтобы этого не случилось, нужно так наладить хранение, чтобы свести на нет неблагоприятные факторы. И, в-третьих, как доказано учеными, убранное с полей зерно еще не обладает полной физиологической зрелостью. Оно должно пройти послеуборочное дозревание в течение нескольких месяцев.

История хранения зерна уходит в глубокое прошлое. На территории Египта, острова Мальты и других древних поселений человека археологи до сих пор находят вырытые в земле ямы, по форме напоминающие огромные бутыли, со следами хранившегося в них когда-то зерна. Стены бутылей изнутри были покрыты соломенными матами, хворостом или выложенные камнем.

Такой способ хранения хлеба на заре цивилизации нашел широкое распространение. Подземные кладовые имели немало преимуществ. Они были дешевы и просты в устройстве. Ровная и сравнительно низкая температура почвы, пониженная влажность (ямы рыли на склонах песчаных холмов или высекали в скалах) тормозили жизненные процессы в зерне, не давали развиваться микроорганизмам. Кроме того, ямы легко было скрыть от врага.

Наполняли хранилища зерном постепенно, тщательно утрамбовывая каждый слой. Сверху зерно покрывали соломой, затыкали горло бутыли воздухо-непроницаемой глиняной пробкой и засыпали землей. Подобным образом устраивали зернохранилища и в древней Руси, только что ямы рыли квадратными.

Но были у них и существенные недостатки. Беда в том, что из ямы нельзя извлекать зерно небольшими

ОБОРУДОВАНИЕ ЗЕРНОХРАНИЛИЩА ДОЛЖНО РАБОТАТЬ КАК ЧАСЫ. ЗА ЕГО БЕЗОТКАЗНОСТЬЮ СЛЕДИТ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНАЯ БРИГАДА СЛЕСАРЕЙ.

ВЕ ПРО

ПЕЧЕТ ХЛЕБ

На столе подходят хлебы
И растут, растут...
На дворе смеется лето
Каждому листу.

Под сараем квочка квочет,
Кур назойливых гоня.
Возле печки мать хлопочет—
Печь полна огня.

Курая навильник бросит—
Затрещит курай.
Полыхнет из печки грозно
Пламя через край.

Мать заслонится рукою,
Словно от судьбы.
Пошурует кочергою—
Искры из трубы.

По глаза платок надвинув
(Палит из печи!),
Подметет крылом дрофиным
Чисто кирпичи.

И без лишних разговоров
(Нужно жар беречь!)
Хлеб на под подсадит споро
И закроет печь.

На дымарь казан надвинет
И положит гнет.
Щели влажной мешковиной
Плотно подоткнет.

Печка рыжая парует,
В печке зреет хлеб.
Мама вымазала руки
В тесте и золе.

3

Уж хлеб давно в жару печи томится.
А мать ни шагу—словно бы зарок.
И печь вздыхает тягостно, кормилица,
И терпеливо ожидает срок.

Бока у печки трескаются с жару.
Прилипшие соломинки блестят.
Скрипит в пыли по улице мажара,
И мужики, приветствуя, галдят:

— Смотри, соседка, чтоб не пригорело!
А мать у печки нюхает: еще!..
И всполошилась, наконец,—пора за дело!
Отбросила загнетку—горячо!

И вот вытаскивает, обжигая пальцы,
Таких красавцев ладных, близнецов.

Ну как при виде их не улыбаться!
И засветилось мамино лицо:

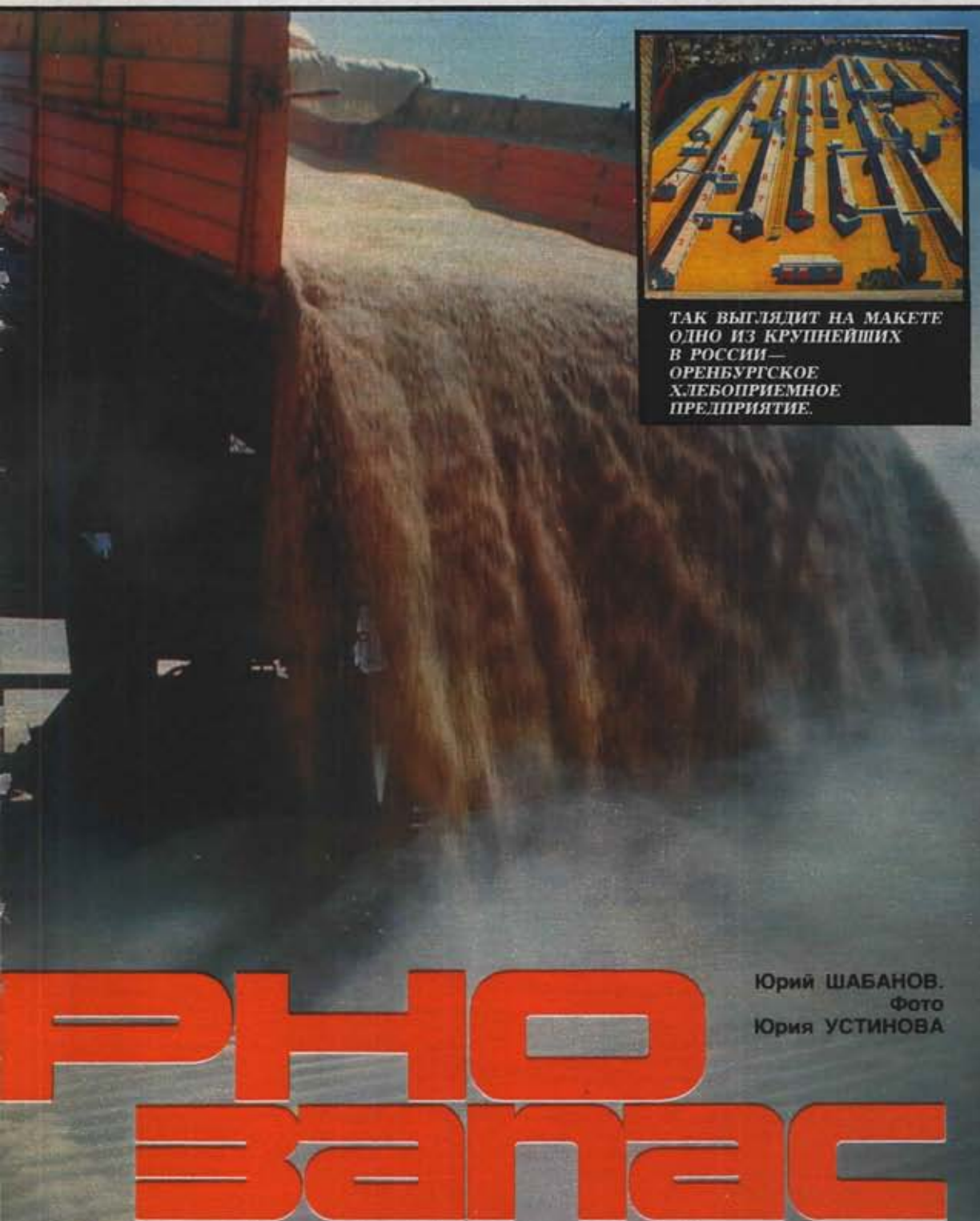
Удался хлеб! Куда какой пахучий,
Не подгорел и пропечен—как раз!
Под корочкой и мягко и могуче
В нем солнечная сила запеклась.

Пока все шесть увесистых буханок
Освободят еще горячий под,
Аж руки млеют, вены набухают,
На лбу с натуги проступает пот.

«Ну, скоренько, сынок, неси его на лавку!»
С окна на лавку свету натекло...
А хлеб лежит, похрустывая лакомо,
И наполняет горницу теплом.

А мать войдет без суеты ненужной.
Не помня бед, от солнышка светла,
И взбрызнет хлеб, из кружки отхлебнувши,
Укроет—чтобы корка отошла.

И, сотворивши таинство такое,
Задумавшись о чем-то о своем,
Рассеянно утрет щеку рукою,
Как будто опаленную огнем.

ТАК ВЫГЛЯДИТ НА МАКЕТЕ
ОДНО ИЗ КРУПНЕЙШИХ
В РОССИИ—
ОРЕНБУРГСКОЕ
ХЛЕБОПРИЕМНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ.

партиями, ибо нарушение водо- и воздухопроницаемой пробки делает опасным его дальнейшее хранение. Да и выбирать оттуда зерно—дело трудоемкое, неудобное. Вот почему в более поздние времена люди стали строить надземные хранилища, в виде высоких и узких шахтообразных сосудов (силосов), поставленных рядом и имеющих у самого дна выгрузные отверстия, через которые зерно выходило само-теком...

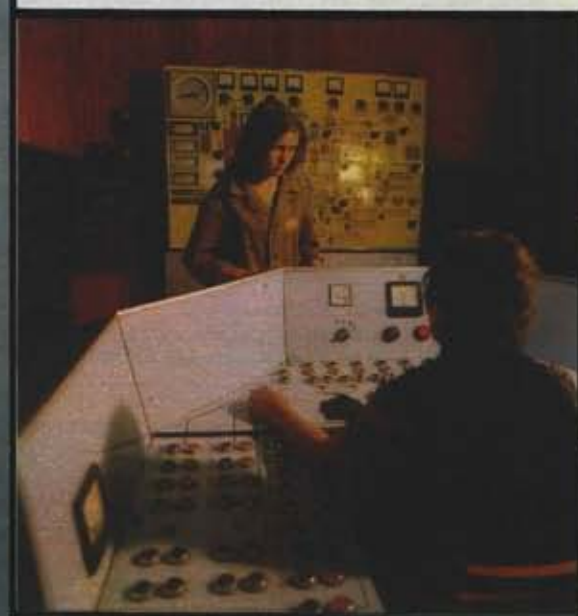
Такие хранилища, представляющие собой переходную форму от простейших зерновых ям к современным элеваторам, строили в древнем Риме, Сирии и государствах Малой Азии.

В средние века зерно чаще всего хранили рассыпанным на полу одно- или многоэтажных складов. Появились специальные городские и государственные хранилища, где накапливались запасы хлеба на случай неурожая. Для этой цели использовали старинные замки, массивные стены и своды которых защищали зерно от влаги и высоких температур.

Первый силосный элеватор, где все процессы, связанные с передвижением, очисткой и взвешиванием зерна, выполнялись механически, был построен в 1845 году в американском городе Буффало. Надо сказать, что по принципу устройства он мало чем отличался от современных элеваторов. В России планомерное строительство элеваторов началось в 1911 году.

Преимущества силосных элеваторов в их компактности, возможности полной механизации производственных процессов и сравнительно большой вместимости. Собственно говоря, латинское слово «элеватор» обозначает подъемник—главный механизм в

**ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ЗЕРНА В ХРАНИЛИЩЕ
РЕГУЛИРУЕТ ДИСПЕТЧЕР
АВТОМАТИЗИРОВАННОГО
ПУЛЬТА УПРАВЛЕНИЯ.**

Юрий ШАБАНОВ.
Фото
Юрия УСТИНОВА

РНО Запас

зернохранилищах, служащий для перемещения зерна. Этим словом в Америке стали называть и само сооружение. Затем название перекочевало в страны Старого Света. Сегодня этот тип зернохранилищ вместе с горизонтальными является самым распространенным.

...Железобетонная стена кончилась, и я очутился перед массивными воротами, над которыми аркой изогнулись буквы: «Оренбургское хлебоприемное предприятие». За воротами, в глубине двора, стелились по земле длинные склады, в середине каждого ряда — их было четыре — ввинчивались в небо рослые башни — сушилки.

Да, читатель, я привел вас не на элеватор, а в зернохранилище горизонтального типа. Но пусть вас это не смущает, ибо все манипуляции с зерном здесь те же, что и в силосных элеваторах, и механизация производственных процессов доведена практически до ста процентов. Автоматика и электроника получили на предприятии постоянную прописку. К тому же горизонтальное зернохранилище обладает неоспоримыми преимуществами. Судите сами. Максимальная емкость элеваторов в нашей стране — 150—170 тысяч тонн. А вот цифры, характеризующие мощность Оренбургского хлебоприемного предприятия, к слову сказать, крупнейшего в России. В его складских помещениях умещается 262 тысячи тонн зерна. Это не считая механизированных площадок, где во время жатвы хлеб хранится в бунтах под брезентом.

Обратите внимание и на другую немаловажную деталь. Преимущество элеваторов в компактности, но именно здесь-то и кроется их слабое место. В силу этого они имеют четыре, ну, шесть приемных точек. На Оренбургском приемном предприятии таких точек шестнадцать, а вместе с четырьмя филиалами — пятьдесят одна. Нет нужды говорить, где больше пропускная способность.

Итак, стою я у ворот, за которыми начинается... — Нет, — качает головой миловидная женщина, — вы уже стоите на территории хлебоприемного предприятия. Видите перед воротами двухэтажное здание? Это контрольно-визировочная лаборатория. А я там начальницей. Зовут Татьяной Ивановой. Фамилия — Солнышкова... Прежде чем машина пойдет на разгрузку, она непременно остановится около лаборатории.

Лаборатория — это сердце зернохранилищ, которое гонит по их артериям хлебные потоки. Отсюда берет начало долгий и весьма сложный путь зерна по транспортерам и нориям в очистители (сепараторы) и сушилки, складские помещения и вновь, если требуется, сушилки, накопители и выгрузные бункера. А затем в вагоны и автомобили, которые повезут золотые россыпи хлеба на мукомольные и комбикормовые комбинаты. Здесь, в лаборатории, в страдные дни жатвы наиболее отчетливо слышен пульс зернохранилища — горячий и учащенный. Очень это важно — точно определить качество зерна. Скрупулезный анализ дает ответ, как и где его разместить и хранить, каким образом рассчитаться с хлебодатчиками. Известны, скажем, два вида пшеницы: мягкая и твердая. Из мягкой пшеницы готовят кондитерские изделия и пекут хлеб. А наиболее ценная твердая пшеница идет на производство макарон, вермишели и круп. За высококачественные твердые пшеницы хозяйство получает 65—100 процентов надбавки к закупочной цене. Кроме того, разные типы пшеницы требуют различного режима хранения.

Тип пшеницы опытные лаборанты могут определить по внешним признакам, так сказать, визуально. А для того чтобы оценить другие качества зерна, необходимо прибегнуть к помощи специальных приборов.

Представим, что мы попали в лабораторию в обычный день уборочной страды. Обычный — это значит, одна за одной подкатывают к зданию машины, визжат тормоза, кто-то нетерпеливый сигналист так, что в ушах стоит немыслимо пронзительный вой, солнце плавится, растекается бесформенным желтком по небу, и мокрая от пота рубашка липнет к телу; лица и руки шоферов и лаборантов покрываются пшеничной пудрой, и от этого все они напоминают усталых цирковых клоунов. Девчонки челноком снуют по комнате, что-то кричат, высунувшись в окно, передают друг другу пробы с зерном и накладные, торопливо строчат в них, колдуют у приборов.

Рабочий день катит своим чередом. Каждый лаборант выполняет одну-две операции: без специализации и здесь не обойтись. Одновременно обслуживаются два потока автомашин. Идет формирование среднесуточных образцов. Но прежде нужно оценить качество поступившего хлеба с тем, чтобы не мешкая направить машины к определенным точкам разгрузки.

Визировщица Алла Саврова забирает накладную из рук шофера и включает механизм пробоотборника. Норийные щупы (цепи с ковшами) погружаются в зерновую массу. Для более объективного анализа выемка зерна ведется в четырех — восьми точ-

ках — в зависимости от размеров кузова. Если зерно поступает из хозяйства однородное, оно тут же смешивается. Полученная масса — до 16 килограммов — называется исходным образцом. Из нее выделяется два килограмма — средний образец. Он тоже делится на несколько частей (навесок), которые разбирают лаборанты для проведения различных анализов.

Так вот, Алла Саврова, открыв путь зерну в хранилище, передает накладную своей подруге Оле Кузнецовой. Обе они горожанки, работают на станкостроительном заводе, но вот уже несколько лет каждую страду приходят на помощь хлебозаготовителям. (Кстати говоря, в этот период штат лаборатории разрастается почти в пять раз.) Работают девушки сноровисто, к хлебу относятся уважительно. Оля как заправский лаборант может точно определить тип зерна. А Люда Филатова на специальном приборе проверяет, не заражено ли оно. У Таси Арслановой задача несколько посложнее: она определяет на влагомере влажность, придиричливо смотрит, нет ли в хлебе вредителей. Знать это важно, иначе не избежать порчи зерна. По данным комиссии по продовольствию и сельскому хозяйству ООН, небольшие клещи и жуки уничтожают в течение года во всем мире (имеется в виду при хранении) столько хлеба, что им можно прокормить все население Африки.

На этом предварительный анализ качества зерна заканчивается. Старший лаборант Мария Марковна Скрынникова заносит данные в огромную книгу-турникет, глядя в которую без особых трудов определишь, какое зерно сдает то или иное хозяйство, подписывает накладную и возвращает ее шоферу. Все операции заняли ровно минуту.

Николай Павлович Шарин наслаждался неторопливым хождением по кабинету. Директор хлебоприемного предприятия смаковал каждый шаг. Медленно, расслабленно опускал ногу, проверяя, прочно ли она стоит на полу, и только потом, с ленью, с восхитительным блаженством на лице, отрывал другую. Все это походило на какую-то детскую затею.

— Мне ведь в основном бегать нынче приходится, — перехватив мой недоуменный взгляд, сказал Николай Павлович. — Хлебозаготовки — такая карусель. Редкие минуты в кабинет заглядываю. А как зайду, повалюсь в кресло, отдышусь, а потом жожу, жожу...

Да, хозяйство у Шарина сложное, беспокойное. Зерно — живой организм, и нужен четкий контроль за его состоянием.

На Оренбургском хлебоприемном предприятии действует дистанционная система автоматического контроля температуры зерна в хранилищах. Сотни датчиков, опущенных в зерновую массу, фиксируют ее состояние. Оптимальная температура в хранилищах в зимнее время от минус пяти до плюс десяти градусов. При таких условиях замедляются жизненные процессы, и зерно дольше хранится. Колебания температуры передаются на релейные блоки, которые несут информацию на пуль управления электронной установкой МАРС-1500. Если требуется охладить зерно, автоматически включаются специальные устройства, и происходит активное вентилирование массы. Для этого склады оборудованы устройствами активного вентилирования и аэрожелобами.

Но зерно надо не только сохранить в целостности, но и улучшить его качества, довести до высоких товарных и посевных кондиций. Четыре сушильно-очистительные башни общей мощностью 140 тонн в час в дни страды пышат жаром. На сепараторах отсеивается примесь. Режим огневой сушки, которая ведется прогрессивным рециркуляционным методом, тоже должен быть строго выдержанным: пересушить зерно значит потерять клейковину.

Круглые сутки ползут вверх-вниз труженицы-нории, захватывают зерно ковшами, перемещают его из сушилки в склады и в разгрузочные бункера. Но случаются и неожиданности...

Дело было в декабре, под вечер. Заканчивалась смена. Дежурные слесари Михаил Крапивин и три Николая — Леонтьев, Дорохин и Мезенцев уже помылись в душе и собирались домой. В раздевалку влетел запыхавшийся главный инженер хлебоприемного предприятия Сергей Цыкало. Обвел всех взглядом и выдохнул:

— Беда, ребята, оборвалась лента нории в сушилке. Там завал зерна. Выручайте...

Каждый из четверых знал, что работенка эта не из легких, обычными темпами за неделю лишь можно управиться. Но не было у них этой недели. Заканчивалась вторая хлебная страда: зерно с открытых площадок перевозилось в складские помещения. Мешкать было нельзя ни минуты — хлеб мог испортиться. А вынужденное безделье сушилки в течение недели — это 5—6 тысяч тонн непросушенного зерна, которое нельзя положить на хранение. Каждый из них мысленно подсчитывал убытки. Молчали...

— Пошли, мужики, — буднично произнес Крапивин и стал стягивать чистую одежду. Четверо ушли в темноту, ушли в тридцатиградусный мороз. Зашли в башню, огляделись и присвищнули. Ленту с ковшами завалило толстым слоем зерна. Надо было брать лопаты и расчищать его. А в башне особо не развернешься. Надели рукавицы и взялись за дело. Пар скоро шел от них клубами.

— Вот банька так банька, — удивлялся самый молодой, Колька Мезенцев, — а мы, дураки, душ принимали...

Ленту откопали. Теперь ее нужно поднять наверх, сшить и сменить поврежденные ковши — 100 штук. На каждом четыре болта. А на верхотуре ветер гуляет, мороз лицо и руки обжигает крутым кипятком. Решили так работать: двое внизу, двое сверху, потом меняться. По очереди бегали греться в раздевалку. Там им чай покрепче приготовили. От тепла размарило. Дорохин уснул даже за кружкой чая. Потому особенно не расслаживались.

Вверх ленту тянули полугоратым краном. Три раза она обрывалась и падала вниз. В четвертый раз потянули осторожно, дышать боялись. А тут кран смолчал. Ровно в два часа ночи. Стали чинить. Ладно, вытянули. За ковши взялись. Мороз жал все сильнее, а работать надо было без рукавиц, иначе гайки не закрутишь. Пальцы себе обморозили, в кровь содрали. Но боль от холода не чувствовалась, да и некогда было ее замечать.

Утром сушилка заработала. Шарин с Цыкало, как дети, прыгали вокруг башни, кидали вверх шапки и лезли к слесарям целоваться. А те качались от усталости и с трудом разлепляли веки.

— Все, спать, спать, — скомандовал директор. — Садитесь в машину, развезу по домам. Сегодня не приходите...

Они не утерпели. После обеда все четверо собрались у сушилки. Не сговариваясь. Пришли убедиться, что она работает.

— Гони их в шею, — приказал директор главному инженеру и улыбнулся. — Молодцы...

— Что там молодцы, — говорил мне потом Крапивин. — Подумаешь, ночь повкалывали. Редко такое нынче бывает. Вот раньше...

Раньше — это года три назад, до внедрения диспетчеризации на поточных линиях обработки и хранения зерна. На каждой такой линии около шестидесяти единиц оборудования. Их обслуживали 5—6 человек. Все транспортеры и нории включались и отключались автономно. Сушильные мастера за смену нахаживали по десять километров. А если вдруг какой-либо транспортер остановится? ЧП! Другие-то продолжают работать, зерно поступает на замершую ленту, и, пока мастер отключит их, образуется тридцатитонный завал.

Создали из молодых ребят группу по внедрению новой техники во главе с инженером Николаем Яковлевичем Самойловым. В 1977 году ребята разработали автоматизированную систему управления поточными линиями, стали ее внедрять. И... посыпались жалобы. Опытнейший сушильный мастер Елизавета Ивановна Лопина принесла директору заявление.

— Увольняюсь.

— Да ты что?

— Где мне с моим образованием в этих схемах разобраться! Ты зайди в диспетчерскую. Там лампочки какие-то мигают, кнопок десятки... Сам черт ногу сломит...

Теперь Лопина с закрытыми глазами в схеме разбирается. Нажмет нужные кнопки, и зерно потечет по определенному маршруту. Надо поменять его путь — пожалуйста. Щелк, щелк — и оно бежит другой дорожкой. Заклинит транспортер или норию — загорится лампочка на схеме, заверещит звонок. И тут же автоматически отключится все оборудование маршрута. На всей линии два человека работают. Никуда не бегают, сидят на месте, чай распивают.

— Мозговитые ребята, — говорит уважительно Лопина о парнях из группы внедрения.

Таких мозговитых туда директор специально подбирал. Молодые, горячие, грамотные, они за какие-то несколько лет настоящую техническую революцию устроили.

— Ай да Кулибин! — восхищался директор инженером Борисом Шубиным, когда тот предложил заменить пробки в лабораторных силосных банках шариковыми клапанами.

А он еще и подвесные тележки придумал использовать для выгрузки зерна с нижних ярусов складов, аэрожелоба оригинальной конструкции смастерил. Сейчас вместе с Самойловым готовит к испытанию гидравлические датчики, которые контролируют точность погрузки вагонов.

Николай Копылов — молодой экономист. Он участвовал во внедрении на предприятии щекинского метода организации и оплаты труда. В результате его применения высвобождены 33 человека, повысилась производительность труда и зарплата, снизилась текучесть кадров.

Словом, молодежь отлично себя зарекомендовала. На всех участках производства. Но приходится местным Кулибиным и отступать, сжимать в бессилии кулаки...

В кабинете директора зазвонил телефон, Шарин схватил трубку, с минуту слушал, потом в сердцах бросил ее на рычаг и потащил меня к дверям.

— Что-нибудь случилось? — встревожился я.

— Вагоны, будь они неладны...

Они стояли на железнодорожных путях. Самые обычные товарные вагоны без крыш. И страшно на них было смотреть. Будто под бомбежкой побывали. Щели, выбитые доски. А еще грязь, кучи засохшей грязи на полу и стенах.

— Удобрение возили, — мрачно сказал Шарин.

Рабочие хлебоприемного предприятия конопатили щели, прибавляли доски, отскребали прилипшие удобрения, поливали полы и стены водой, обклеивали вагоны изнутри бумагой.

— Разве не железнодорожники должны всем этим заниматься?

— Они, конечно. Теоретически. А на деле самим приходится. Видите, какие присылают. Зерновой порожняк на элеваторы и хлебохранилища не возвращают, пускают его под самые различные грузы. Вот и приходят к нам вагоны в таком виде. Мы уж на это не ропщем, хотя забот прибавляется. Одной бумаги только на то, чтобы хорошенько загерметизировать вагоны, закрыть ею грязь, за уборку тонны тратим. Но тут другая беда — не хватает вагонов. Зерно вовремя отгрузить не можем, потребители подводим, те штрафы на нас по вине железнодорожников накладывают. В августе прошлого года 28 тысяч рублей уплатили за невыполнение графиков поставки зерна. Еще и железной дороге платим за то, что долго на погрузке вагоны держим. Парадокс какой-то. Идем на вынужденные простои, чтобы их огрехи залатать, то есть вычистить вагоны, и им же штраф плати!

Меня поразили эти цифры. Три управления железных дорог — Куйбышевской, Южно-Уральской и Западно-Казахстанской, — которые обслуживают Оренбургскую область, во время прошлогодней жатвы недопоставили, как сказали в областном управлении хлебопродуктов, больше трех тысяч вагонов. Со складов и элеваторов из-за этого не вывезли около двухсот тысяч тонн зерна.

А сколько в дороге рассыпалось или какими-либо другими путями «улетучилось»? В накладной один вес проставлен, а при взвешивании на конечном пункте — другой, меньший. Железная дорога ответственности за сохранность грузов не несет, санкции применяются к хлебозаготовителям. Десятки тысяч рублей штрафа в прошлую уборку выплатило хлебоприемное предприятие за недопоставки зерна.

Стоп, стоп. Есть же ведь специальные зерновозы (хопперы) — вагоны типа цементовозов. Они герметичны и загружаются в три раза быстрее обычных. Увы, их крайне мало, единицы, можно сказать. Минтямаш СССР никак не наладит их массовый выпуск, хотя уже в нынешнем году намечалось 80 процентов зерна перевозить в хопперах.

Вагонная чехарда — беда не единственная. Страшный бич еще и бездорожье. Годровой ущерб, наносимый им сельскому хозяйству во время заготовок, составляет миллиарды рублей. Эти данные привел заместитель министра автомобильных дорог РСФСР А. Николаев. В Оренбургской области, например, из 10 тысяч километров дорог общего пользования всего две тысячи покрыты асфальтом. Есть еще 13 тысяч внутрихозяйственных дорог. О тех и говорить нечего — яма на колдобине. И дело тут не только в нерасторопности местных дорожников, но и в материальном снабжении. Требовалось им в прошлом году 25 тысяч тонн битума — не дали ни одной. Просили они 8 тысяч кубометров леса на сооружение и ремонт мостов — выделили смехотворно мало, всего 120 кубометров. И техника дорожная потребность далеко не удовлетворяет.

Такие они, проблемы. И не только у хлебозаготовителей Оренбуржья. Это беда союзного масштаба. В Министерстве заготовок СССР каждый год за голову хватаются: нет того, нет другого. А ведь речь о хлебе идет, золотом нашем фонде, главным продукте питания. Мы расклеиваем плакаты в столовых с умными словами: «Хлеба к обеду в меру бери, хлеб — драгоценность, им не сор!» Мы совестим детей малых, когда они бросят ненароком на пол горбушку. И теряем тысячи тонн зерна при перевозках. Это ли не обидно!

...Когда-то жнецы с песнями уносили с поля последний сноп. Несла его самая красивая деревенская девушка. Сноп украшали лентами и хранили дожинок всю зиму. Как символ будущего урожая, напоминание, каким трудом достается хлеб. Пусть у каждого из нас — и тех, кто выращивает хлеб, и тех, кто хранит его, и тех, кто просто ест, — всегда стоит перед глазами этот сноп. Пусть каждый поклонится ему в пояс и тихо скажет: «Да святится имя твое, Хлеб...»

Конкурс интересного письма

«...И ПРОБУЖДАЕТСЯ ПОЭЗИЯ ВО МНЕ...»

Ловлю себя на мысли, что в последнее время я стала все чаще задумываться о жизни: в чем ее глубинный смысл, в чем состоят подлинные радости?

Иногда мне кажется, что только поэту под силу высказать самые сокровенные тайны и человеческого бытия и мироздания.

«О жизнь, ты — миг, но миг прекрасный, нам невозвратный, дорогой; равно — счастливый и несчастный расстаться не хотят с тобой». Я прочитала однажды эти строки поэта Апухтина и подумала, что здесь нет ни одного лишнего слова, что здесь только чистая мысль поэта. Вообще мне кажется, что поэзия включает в себя одновременно и живопись и музыку. Да и сама наша жизнь, ее печали и радости — по-своему поэзия! Когда меня переполняют чувства, я пытаюсь писать стихи. Лес, река, небо и солнце — все это поэзия, которую мне хочется выразить в точных, единственно возможных образах.

У меня есть и еще одна большая радость в жизни. Я увлеклась палеонтологией. Все началось с выставки «Удивительное в камне», где я побывала в прошлом году. На выставке я познакомилась с будущим руководителем кружка Антоном Александровичем Эрлангером, который увлеченно рассказал нам об удивительных свойствах и красоте камней, об ископаемых видах растений и животных. Потом мы ходили на лекции, ездили в карьеры, на поиски новых образцов камней, в мастерской обрабатывали породы. Очень хочется, чтобы это увлечение стало моим призванием. Уже сейчас я занимаюсь с доктором геолого-минералогических наук, профессором Андреем Борисовичем Ивановским по предложенной им теме — о происхождении кораллов. Под его руководством я делаю шлифы, тонкую и трудную работу, цель которой — изучение структуры ископаемых кораллов.

Как интересно бывает, когда во время экспедиции где-нибудь в песчаном карьере мы находим кость или зуб ихтиозавра! Воображение переносит тебя в тот век, когда земля населяли гигантские ящеры, когда океаны бушевали там, где сейчас пустыни...

А красота кремня, с виду неказистого, грубого даже! Но вот распилишь его — будто разольется по нему радуга. Не так ли и с человеком? Узнаешь его внутреннюю сущность — всей душой полюбишь.

Так живут во мне геология и поэзия, и я хочу стать для них преданным другом на всю жизнь.

Маша БОЙЦОВА,
14 лет,
Москва

КЕМ БЫТЬ? КАКИМ БЫТЬ?

Как дорогая реликвия хранится в нашей семье медаль «За освоение целинных и залежных земель». Это мамина медаль. Гордости моей нет границ! Отец сказал, что из всего студенческого отряда было награждено шесть человек, среди них наша мама.

Юность — пора мечтаний, поиска, раздумий о человеческом и гражданском назначении, пора выбора путей-дорог, решения сложных и трудных вопросов: «кем быть?» и «каким быть?». На каждого из нас, вступающих в комсомол, падает отблеск славы, добытой предыдущими поколениями на поле брани и на фронте труда. И цель каждого комсомольца — быть достойным этой славы.

На вопрос «кем быть?» я еще не могу дать окончательный ответ. Но на второй вопрос — «каким быть?» — ответ я уже знаю. Я буду такой, как моя мама, как тысячи комсомольцев, ее друзей и подруг, которые в трудное для страны время на призыв партии ответили дружно и без колебаний: «Есть!»

Ирина ТАРНОПОЛЬСКАЯ,
16 лет,
Тирасполь

СТАЛА ВЕЧНОЮ СЛАВОЙ МГНОВЕННАЯ СМЕРТЬ

«Первый в войне великий подвиг самопожертвования во имя социалистической Родины был совершен ротным политработником. В боях под Новгородом политрук А. К. Панкратов, бывший рабочий из Вологды, в критический момент, увлекая за собой бойцов, с возгласом «Вперед!» бросился на вражеский пулемет и грудью закрыл его огонь».

(«История Коммунистической партии Советского Союза», Изд-во политической литературы, 1970 г.)

Почти каждую осень я еду в Новгород, в город, где в жестоких боях с врагом крепла моя комсомольская юность.

Перед рекой Малый Волховец у так называемого Синего Моста я выхожу из автобуса и иду к скромному обелиску. На сером его граните выбито:

«СТАЛА ВЕЧНОЮ СЛАВОЙ МГНОВЕННАЯ СМЕРТЬ»

Герою Советского Союза младшему политруку Панкратову Александру Константиновичу, закрывшему своим телом вражеский пулемет 24 августа 1941 года в боях за Новгород».

Я хочу рассказать о подвиге комсомольца Александра Панкратова.

...Шел 1941 год. Обстановка на фронтах была крайне напряженной. Враг бешено рвался к Ленинграду, и Новгород был важным стратегическим пунктом на подступах к нему. Враг прорвал фронт в районе Шимска и устремился к Новгороду и Чудову, стремясь перерезать Октябрьскую железную дорогу, соединяющую Москву и Ленинград. Первый бой за Новгород наша дивизия приняла в районе Старой Мельницы, затем отошла на левую сторону вала Софийской стороны города. На окраинах города появились фашистские танки. Вокруг все горело и громыхало. Враг забрасывал Новгород тысячами бомб и снарядов. В небе беспрерывно гудели вражеские бомбардировщики. Ничто не могло сломить мужество защитников города: ни днем, ни ночью не прекращались бои, тяжелые, изнуряющие и, самое главное, неравные.

Захватив на одном из островов Кириллов монастырь, немцы оборудовали на нем наблюдательный пункт, с которого корректировали огонь своих батарей.

Отряду лейтенанта Платонова, где младшим политруком был Александр Панкратов, приказали захватить монастырь и уничтожить вражеских наблюдателей.

Высадка на остров прошла незамеченной, однако, когда смельчаки бросились на штурм монастыря, враг открыл ураганный огонь. Особенно бесновался пулемет на левом фланге. Александр Панкратов с возгласом: «Вперед! За Родину!» — подбежал и бросил гранату. На какое-то мгновение пулемет затих, но как только наступающие поднялись для решающего броска, застрочил снова. И тогда младший политрук рванулся вперед и своим телом закрыл дуло пулемета...

Теперь уже ничто не могло остановить наших воинов — они прорвались в монастырь и уничтожили фашистов. Приказ командования был выполнен. Это было на 64-й день Великой Отечественной войны.

И кто знает, может быть, беспримерный героизм политрука Панкратова, невысокого, щупленького вологодского паренька, придал силы коммунистам Ивану Герасименко, Александру Красилкову и Леониду Черемнову, которые спустя несколько месяцев, там же, в Новгороде, неподалеку от того же Кириллова монастыря, повторили его подвиг.

...16 марта 1942 года Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил Александру Панкратову звание Героя Советского Союза.

П. КОНСТАНТИНОВ,
ветеран Великой
Отечественной войны,
Костромская обл.

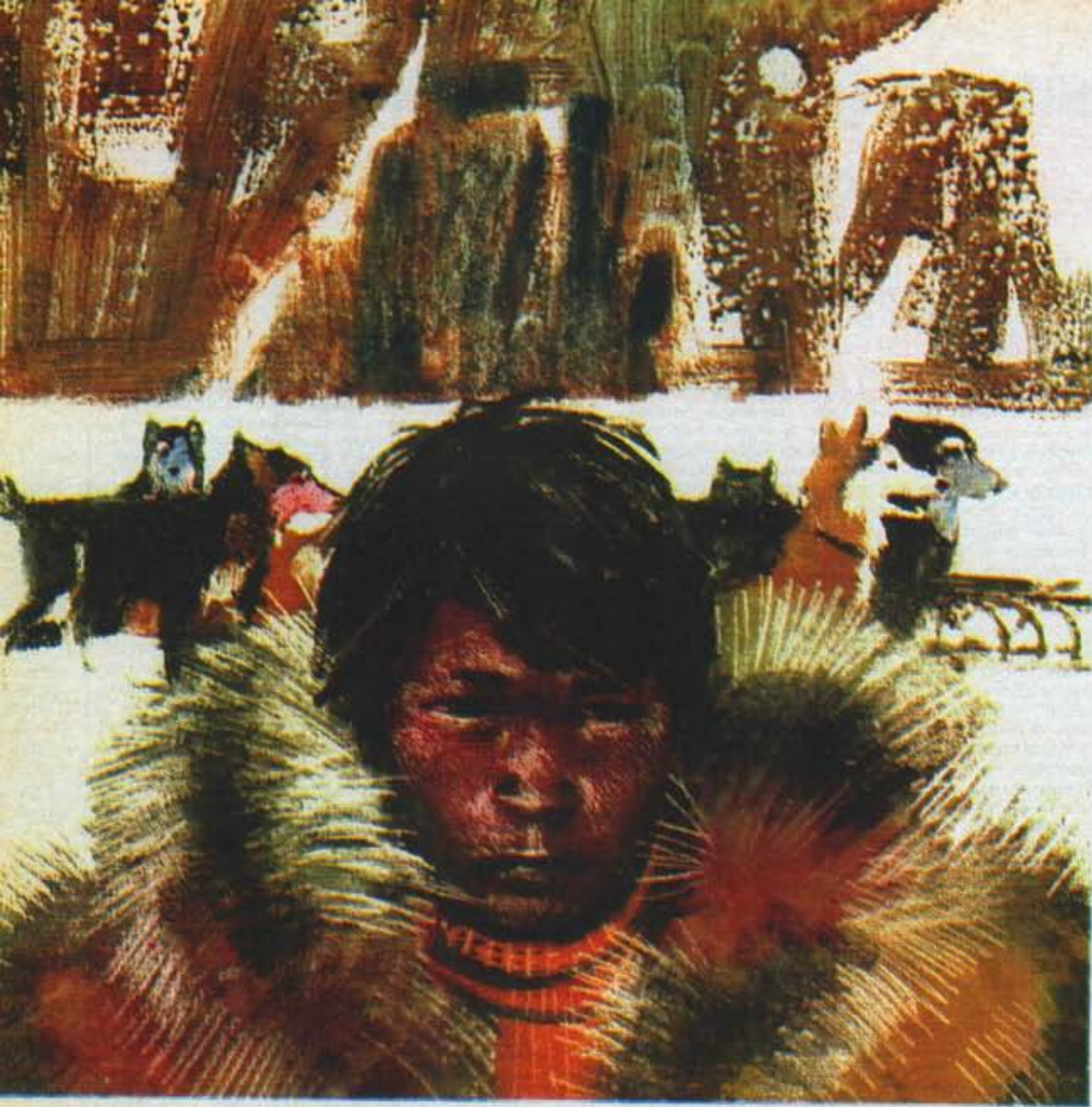

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

на месте и заниматься традиционным для ненцев ремеслом.

Попасть на полярную станцию обычным путем очень нелегко, нужно проходить множество всяких инстанций. Но Ямал сумел обойти их. Дело в том, что многие самолеты по пути на север или с севера совершали посадку у них в поселке—всегда требовалось что-нибудь привезти или увезти. Ямал водит дружбу с летчиками и упросил одного из них, чтобы тот прихватил его с собой поглядеть на полярную станцию. А уже оказавшись там, он ни в какую не захотел возвращаться обратно.

Начальник станции Иван Ефимович, еле сдерживая улыбку, пытался его уговорить:

— Да пойми ты, садовая твоя голова, что не имею я права оставлять тебя здесь.

— Да как же это так!—искренне возмущался парень.—Я родился на Новой Земле, а вы говорите, не имею права. И отец мой Ваули Иванов родился здесь, и дед Вэнвэсота Иванов родился здесь, и прадед Сусуй Иванов, и прапрадед Тайшин Иванов...

Все население станции окружило их, явно симпатизируя парню.

— Иван Ефимович, ну, может, оставим его? Я его буду радиоду обучать, может, из него второй Кренкель выйдет,—подал голос радист Женька Караваяев, а радист, кто знает, это царь и бог полярной станции!

— Я вам не помешаю,—продолжал упорствовать Ямал.—Кушаю я мало-мало, сплю мало-мало, работаю много-много.

В конце концов после долгих уговоров Иван Ефимович, одновременно исполнявший обязанности врача, подверг его строжайшему медосмотру и, найдя совершенно здоровым, оставил на станции к великой радости всех остальных. Так Ямал оказался за несколько сот километров от родного дома, почти у самой северной оконечности архипелага.

Сейчас он возвращался из Медвежьего ущелья, что находилось километрах в трех от станции. В ногах у него лежал карабин и мешок с двумя песцами, которых он только что вынул из капкана.

Из-за туманов уже целый месяц не было самолета, и ребята изголодались по свеженине, так что вся надежда была теперь на Ямала. Хотя официально он был зачислен на должность повара, готовить он почти совершенно не умел, так что эту обязанность взяли на себя все остальные, а главным образом метеоролог Николай Иванович, который при своей точности просто не мог не быть отменным поваром.

В ВЕЧНЫХ СНЕГАХ

Виталий ЗЛОТНИКОВ

РАССКАЗ

Я мал гнал упряжку чуть ли не по самой кромке припая. Слева метрах в пятидесяти от него припай кончался, и начинались открытые разводья, начиналось Баренцево море. А справа в тумане дыбились крутые скалистые берега Новой Земли, почти сплошь затянутые ледниками.

В этом году весна ранняя. Еще в марте завернул к ним откуда-то теплый циклон, и море открылось. И хотя в последние дни снова повернуло на мороз, теперь льды уже не свяжешь—разбрелись они по всему морю, сталкиваясь, крошась и самоуничтожаясь. А с гор потекли ледники, плавно, словно со ступеней, спуская в море свои корабли-айсберги.

Конечно, спокойнее было бы держаться ближе к берегу—если льдину оторвет от припая и понесет в море, беды скорее всего не миновать. Не одна горячая голова навсегда затерялась в сумасшедшем крошеве весеннего половодья. Но возле берега ледники искромсали припай, так что очень трудно продираться упряжке среди бесчисленных торосов. Там уж не то что тебя собаки везут, а самому приходится, согнувшись в три погибели, подталкивать нарты, помогая животным. А с краю припай ровный, упряжка бежит по нему легко и быстро.

Ямал, хотя и был исконным новоземельцем, но родился на самом юге архипелага среди тундры и все никак не мог привыкнуть к вечным снегам Северного острова, к почти полному отсутствию растительности, к бесконечным нагромождениям льда, которые выглядят совершенно одинаково и

зимой и летом. Ему казалось удивительным и почти непостижимым, что этот лед никогда не тает.

Гляциолог Саша Крючков, пытаясь объяснить ему этот феномен, долго рассказывал об испарении, о балансе твердых атмосферных осадков, о каких-то бороздах таяния, якобы имеющих самое непосредственное отношение к образованию вечных снегов.

Из его мудреных объяснений Ямал усвоил только одно: льды и снега вокруг их полярной станции вечны, как мир. А раз так, то выходит, что какой-нибудь ничтожный ледяной холмик, который ничего не стоит за несколько минут расколоть топором, который в его родной тундре растаял бы на весеннем солнце за три часа, здесь пребывает в своем неизменном виде десятки и сотни тысяч лет, во много раз превосходя по древности знаменитую пирамиду Хеопса.

Сделав этот глубокомысленный вывод, Ямал решил как-то использовать эту вечность: не пропадать же ей зря! Бродя в одиночестве вокруг станции, он останавливался возле первого подавшегося ледяного тороса и ножом вырезал что-нибудь, дабы оставить память о себе грядущим поколениям. Чаще всего это была просто коротенькая, скромная надпись, состоящая всего из нескольких слов: «Полярный исследователь Ямал Иванов». А внизу стояла соответствующая дата.

В прошлом году Ямал окончил школу и стал работать у себя дома в рыболовецком колхозе, как его отец и старшие братья. Но, поработав совсем немного, он решил уехать на полярную станцию. Что-то неосознанное бродило в нем, мешая сидеть

Зато Ямал оказался прирожденным охотником и рыболовом и выполнял функции мясозаготовителя, благо что на полярные станции не распространяется запрет на охоту, за исключением разве что ошкуча, как называют на Севере белого медведя.

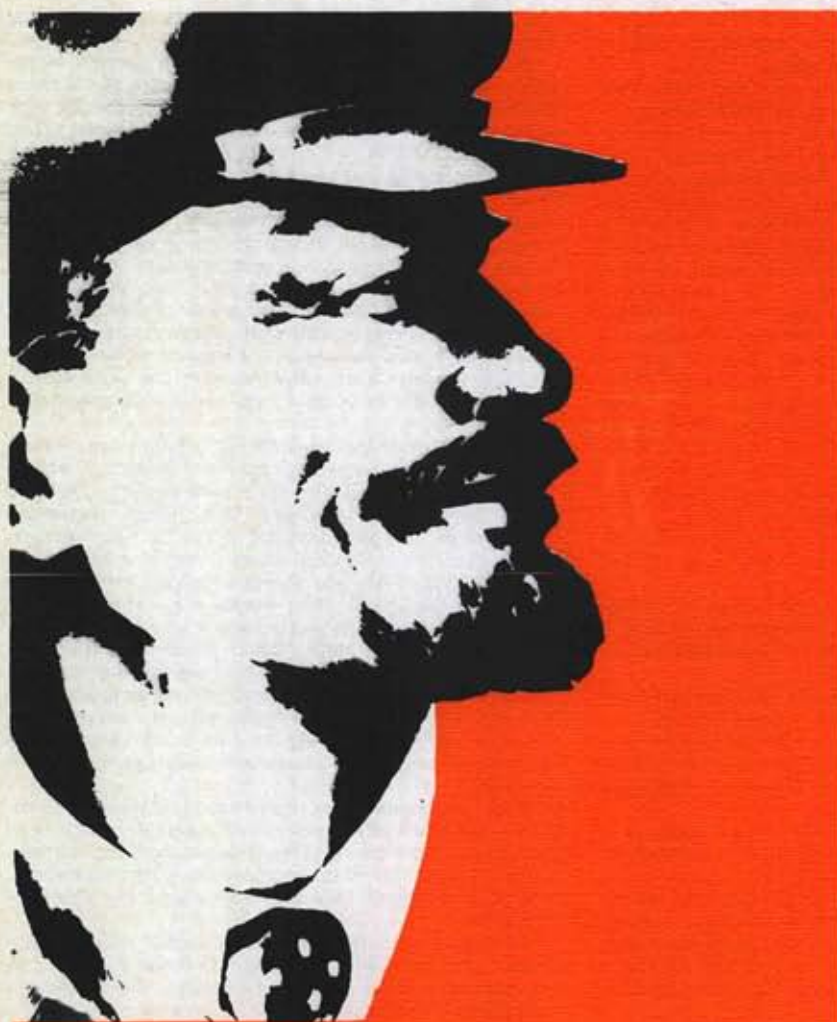
У себя дома Ямал не раз промышлял нергу и тюленя и даже хаживал на самую опасную охоту в Арктике—на моржа. Но здесь начальник станции строго-настроено запретил ему морской промысел—очень рискованно ходить на утлой лодчонке среди плавающих льдов, когда на тебя каждую минуту грозит обрушиться с гор безжалостная новоземельская бора. Моторный же катер для этих целей совершенно не годился—ни один зверь не подпустит к себе. Так что вся надежда теперь была только на сухопутную охоту.

Поблизости от их станции водились лемминги—излюбленная пища песца. И хотя песец не часто заходит в такие высокие широты, Ямал упорно бродил по окрестностям, надеясь на удачу. И в конце концов ему повезло. На прошлой неделе в Медвежьем ущелье он обнаружил следы двух песцов—в это время года они обычно ходят парами—и поставил капканы. И, что случается далеко не всегда, попались оба.

Ямал представлял себе, как обрадуются сейчас ребята его неожиданной удаче, и покрикивал на собак:

— Шаман, ты что, заснул?.. Ну-ка, Забава, прибавь оборотов! Лютый, совсем распустил свору! Какой же из тебя после этого вожак!

Надо сказать, что, подобно большинству северян, Ямал был очень молчаливым и застенчивым в

Заветом всем поколениям советских людей стала речь, произнесенная Владимиром Ильичем Лениным 60 лет назад, 2 октября 1920 года, перед делегатами III съезда комсомола. Ее непреходящая историческая ценность в том, что каждое Ильичево слово служит надежным жизненным путеводителем для миллионов юношей и девушек, зовет их к активной борьбе за торжество коммунистических идеалов.

Сергей БЕЛАШ, токарь Кировского электромашиностроительного объединения имени Лепсе, делегат XVIII съезда ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Мне, как члену бюро обкома комсомола, часто приходится встречаться с комсомольцами: школьниками, учащимися ПТУ, студентами. Помню, однажды только представили меня классу и разговор еще не успел как следует завязаться, встает мальчишка с дерзкими глазами и спрашивает: «Сергей Дмитриевич, а зачем вы норму перевыполняете? Мне, например, не приходится в голову читать два параграфа из учебника, если один задан».

Честно говоря, вот так в лоб о работе до этого меня никто не спрашивал. Как ответить?

— А зачем,—спросил я, в свою очередь, парнишку,—в наше время космических скоростей, комфортабельных лайнеров некоторые люди отправляются в океан на утлых суденышках, да еще в одиночку? Что принуждает их подвергать свою жизнь опасности? У них есть дом, семья, работа, и они могли бы жить, довольствуясь обычными человеческими радостями. Но что-то ведь заставляет их

идти вперед... Может быть, жажда славы? Нет, для славы достаточно одного такого рискованного путешествия, они же, не успокаиваясь на достигнутом, ставят новую цель...

Смотрю, парень рот приоткрыл, слушает с интересом. Ну, и сказал тогда ему, что, наверное, ни летчик, испытывающий новый самолет в головокружительном полете, ни спортсмен, стремящийся побить фантастический мировой рекорд, ни ребята, едущие из больших городов в районы вечной мерзлоты, подобных вопросов—на счет лишнего параграфа—себе в детстве не задавали. Просто делали то, что положено, и еще чуть-чуть больше.

Вот так я и объяснил тому парнишке давно для себя решенное и понятное. Что радостен труд только в полную силу. Когда знаешь, что сегодня сделал столько, сколько смог, а завтра сделаешь еще больше. Знаю, что можно трудиться иначе, сделал норму—и гуляй. Но я иначе не могу. И дело тут не только в долге. Просто работа тогда утратит для меня всякий интерес.

В моей работе я вижу достаточно романтики. Ведь в этом понятии много слагаемых. Так, путь рабочего к мастерству всегда лежит через познание. Некоторым познание представляется высокой горой, на вершине которой в порядке вознаграждения за ее штурм лежат синенькие корочки диплома. Я тоже мечтаю поступить в институт, но мыслей уйти от станка у меня не было никогда. Потому что считаю: на вершине той горы—творчество, способностью к которому одаривается всякий, сумевший покорить эту вершину.

С нами говорит Ленин

**Валентин ЧИКИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола**

глави

В одном из многих сотен изданий ленинских «Задач союзов молодежи», десятками миллионов распространенных по миру,—в последней молодоговардейской книге-альбоме к титульному листу прикреплен делегатский билет на III съезд комсомола. Ответственный мандат как бы вручается нашему современнику, и он становится участником исторического события, переступает порог зала, где шестьсот сверстников Павла Корчагина с нетерпением ждут Владимира Ильича. Рядом с ними он займет свое место, вместе с ними услышит и к нему обращенное ленинское слово...

А у Владимира Ильича и этот, можно сказать, именной для комсомола день на пределе. Важно именно сегодня, 2 октября, отправить духоподъемное послание незаможным селянам Украины о защите крестьянской земли и народной власти от нашествия Врангеля. И составить четкие директивы делегациям на переговорах о мире с Польшей и Финляндией. Надо срочно разобраться с ситуацией под Ковелем, где противником прорван фронт. И тотчас направить ответственных комиссаров в Конармию для решительной активизации политической работы. Непременно дать деловой ход вчерашним решениям о восстановлении производства на заводах электротехнической промышленности. И взвесить основательность расчетных смет военных ведомств. И сегодня же—два съезда. Высшее собрание союза кожевников ждет доклада о международном и внутреннем положении республики. Ждут и комсомольцы в Большом зале коммунистического университета.

Делегация комсомольцев пришла в Кремль. Говорили о положении в Союзе молодежи, объединившем уже 12 с лишним тысяч ячеек. О самом съезде. Очень представительный по территориям, районам страны. Больше половины делегатов—рабочие и крестьяне. Преобладающий возраст: 18—20 лет. Пятеро из каждых шести—коммунисты. Помимо отчета ЦК, подготовлены доклады о военном и хозяйственном положении республики, о Коминтерне молодежи, о социалистическом воспитании, о физическом развитии, о милиционной армии, о программе и уставе... Очень бы хотелось комсомольцам в день открытия съезда услышать слово Ленина. По любому вопросу, пусть, мол, решит сам...

Да, ему многое нужно сказать молодым товарищам. В последнее время—и перед завершением войны, и при разработке государственного плана с большим загодом, и в спорах о Пролеткульте, и в связи с конгрессом Коминтерна—немало пришлось рассуждать и размышлять о коммунистической смене. Вечером он обязательно придет на съезд молодежи.

...А бывший купеческий клуб на Малой Дмитровке, плотно заставленный чем ни попадя—от случайных кресел до садовых скамеек,—уже гудит молодым нетерпением. Гимнастерки, блузы, зипуны, толстовки, кожанки, белокурые чубы, стриженные головы, широкоскулые улыбки, искрящиеся глаза. «Дубишка», «Яблочко». «Смело мы в бой пойдем...» И вдруг шквал оваций: Ленин, Ленин... Не унять, не успокоить этот взволнованный порывами молодого энтузиазма зал. Хоть грози пальцем, хоть сколько угодно демонстрируй бегущие стрелки часов... Наконец, будто спадает волна...

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим—

Николай ПАРЛОВСКИЙ,
секретарь
комитета ВЛКСМ
Московского
электромеханиче-
ского завода имени
Владимира Ильича

КОМПАС ПОДХОДА

Для нас, ильичевцев, следовать заветам В. И. Ленина — особая честь и ответственность. Ведь именно к рабочим нашего завода был обращен 30 августа 1918 года призыв вожда «ворить свою революционную работу».

В чем сегодня состоит суть нашей «революционной работы»? Думаю, в том, чтобы работать во всеоружии современных знаний. Много ли их нужно, чтобы выпускать первосортную продукцию? Раньше я, слесарь-сборщик, студент вечернего факультета института, считал, что мне моих знаний вполне достаточно. Но вот два года назад избрали меня секретарем заводской комсомольской организации, а это около 900 членов ВЛКСМ, и я понял: прежний багаж знаний меня не устраивает. Ведь теперь я имею дело не с бессловесными приборами и станками, а с живыми людьми. Комсомольскому работнику необходимо умение заглянуть в душу человека, доверительно выслушать и понять его заботы. Конечно, хорошо, если это качество самой природой заложено в тебе, но этому можно и учиться. В незримой духовной работе над собой

огромное значение имеет жизнь Владимира Ильича Ленина. Особенно близки мне такие черты характера вожда, как принципиальность и умение вести за собой массы людей.

Помните, в своей исторической речи на III съезде РКСМ В. И. Ленин подчеркивал: «...Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». Коммунистическая мораль, нравственность. Чем измерить эти понятия? Я думаю, прежде всего поступком. Конкретным поступком молодого рабочего, комсомольца. Таким, например, как установление трудового рекорда. Или переходом в отстающую бригаду — специально, чтобы помочь другим своим товарищам «подтянуться». Или спасением народного добра от огня или наводнения с риском для собственной жизни... Естественно, подобные поступки определяются образом нашей советской жизни. Воспитанием юношей и девушек в духе коммунистической морали.

Лично для меня компасом подхода к самовоспитанию и самосовершенствованию остаются взаимоотношения с членами комсомольско-молодежной бригады имени 60-летия Ленинского комсомола, в которой я начинал свою производственную деятельность. Ею и сейчас руководит Валерий Тысячин. Он, как и делегат XVIII съезда ВЛКСМ токарь-расточник Василий Блоков, обмотчица Татьяна Губанкова, токарь Вячеслав Филиппов и другие, выполнили личную пятилетку к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Эти комсомольцы и сегодня мои самые близкие друзья и единомышленники, их рабочий настрой и суждения по тем или иным вопросам жизни являются

краеугольным камнем в моей работе. Потому что они очень органично сочетают в себе будничную труд с коммунистическими идеалами.

Леонид КОЗЛОВ,
художник,
лауреат
премии
Ленинского
комсомола

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Творческая судьба моя сложилась так, что в ее начале мне довелось сыграть эпизод в роли Карла Маркса в фильме «Год, как жизнь», в съемочной группе которого я работал ассистентом художника-постановщика. Сыграть по чистой случайности: актер, исполнивший эту роль, внезапно заболел. Три часа, в течение которых снимался эпизод, посчастливилось мне жить думами и мыслями молодого Маркса, уезжающего в Англию после драматических событий революции 1848—1849 годов, пронесшейся над Западной Европой. Я всем своим существом ощутил необъятную многогранность образа великого человека. Пришло озарение, которое так дорого художнику.

Эти впечатления послужили затем идее создания изобразительной биографии Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Чтобы осуществить ее, понадобилось десять лет: не просто решить

политическую тему в лирическом плане. Около шестисот рисунков легло на книжные страницы.

Несколько лет назад издательство «Молодая гвардия» предложило мне проиллюстрировать речь Владимира Ильича Ленина на III съезде комсомола «Задачи союзов молодежи». Я стал вчитываться в каждое слово Ленина, изучал ее так, что в конце концов знал почти наизусть. Но уверенности, что эта работа мне по плечу, не было. Шутка ли сказать: до читателя требовалось донести глубинку ленинских слов изобразительными средствами. Предстояло сделать нечто вроде кино-книги, книжного фильма.

Нужен был какой-то ключ, какая-то отправная точка, чтобы найти художественное решение книги. Я еще раз, уже как бы отстраненно, стал просматривать текст речи. И вдруг мысль приковалась к первой фразе Ильича: «Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать...»

Вот оно... Именно **сегодня** говорит Ленин с нами, современниками, а задачах союзов молодежи. Я понял, что вот это вневременное, историческое значение заветов вожда я и должен передать образным языком графики. Чтобы, глядя на картины и рисунки, являющиеся иллюстрацией того, о чем говорил Ильич с делегатами съезда, читатель сопереживал им, ощущал сиюминутность происходящего. Чтобы в нем, сегодняшнем комсомольце, медленно рождался импульс ответного действия — вдохновенной работы. Как у тех парней и девушек в кожанках и буденовках, к которым обращался вождь революции.

Ключ к замыслу был найден. Эти ленинские слова я вынес на обложку новой книги...

О СЛОВО

каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще...

Внимательный и серьезный взгляд смягчает едва уловимая улыбка: да, да, пусть молодые товарищи не удивляются, разговор пойдет не на привычные темы, не на злобу дня, а о будущем. Он пришел сюда выразить самое сокровенное — свою мечту о человеке, который будет строить коммунизм и строить самого себя. Поколение Октября исполнило свою миссию: власть завоевана, новое общественное устройство создано; оно еще может успеть заложить фундамент будущего, но строить его будет вот это молодое племя, поколение, вступающее в работу уже при новых условиях. Именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. И Владимиру Ильичу очень хотелось бы обясниться с этим олицетворенным будущим, в доверительной беседе передать и наказ, и раздумье, и мечту — все то, что выносил, выстрадал, выверил всей своей жизнью...

Делегат съезда И. ЧИЧЕРОВ. *Лицо его было освещено мыслью, согрето огромной внутренней страстью. Оно становилось вдруг даже строгим, как бы нахмуренным, глаза его то выражали иронию и гнев, то радостно освещались улыбкой, то становились озабоченными. Ленин как будто все время изучал своего аудиторию, проверял, доходят ли до ее сознания и сердца его слова... Каждому из нас казалось, что в зале сидишь только ты один и Ленин... На сцене все пропадало, был только один Ленин, его невысокая, плотная фигура, его полное жизни лицо...*

Первое и самое главное, что важно усвоить молодому поколению: задача состоит в том, чтобы учиться.

Делегат съезда М. ДУБРОВСКИЙ. *Мы думали, что Ленин будет разъяснять перспективы мировой революции, положение на фронтах гражданской войны, большие хозяйственные задачи. А говорил он... об учебе.*

Учиться, как бы рассуждает сам с собой Владимир Ильич, это пока лишь «одно слово». Оно не дает ответ на существенные вопросы: чему учиться и как учиться? Ну, самое первейшее — элементарная грамотность. Он подводит молодежь к пониманию той истины, что социализм должен ликвидировать безграмотность: ведь необъятное число молодежи — 17 миллионов — совершенно неграмотно. Надо биться буквально за каждый школьный очаг. И тут мало приказать или выдвинуть правильный лозунг, тут недостаточно направить на это дело известную часть лучших работников — проявите массовую самостоятельность, советует комсомольцам Владимир Ильич, объедините все силы полумиллионного союза, чтобы, усваивая знания, помогать всей молодежи высвободиться из тьмы невежества.

Существенно: чему и как учиться? Диалектика революционной эпохи диктует: с одной стороны, воспитание и образование новых поколений, которым предстоит строить коммунизм, не может быть старым; с другой стороны, новое общество неизбежно возводится на базе той суммы знаний, организаций, человеческих сил, которые остались от прежнего строя. Чем опасна старая школа? Ее самое большое зло в полном разрыве книги с практикой жизни. Книга идеализировала капиталистическое общество, а жизнь являла совсем иную картину. Старая школа

утверждала, что учит наукам вообще, воспитывает всесторонне образованного человека, а каждое слово ее пропитано было классовым духом, подделано в интересах буржуазии. Старая школа гордилась системностью, методичностью, а на деле внедряла муштру, зубрежку, массу мертвых знаний и превращала своих питомцев в подогнанных под общий ранжир чиновников.

Но было бы огромной ошибкой, предупреждает Владимир Ильич, отказаться от усвоения накопленных знаний. Надо научиться различать: что в старой школе плохого, а что — полезного нам; и уметь выбрать все, что необходимо для коммунизма. Решительным образом предотвратить всякое верхоглядство, не дать увлечь себя легковесными выдумками.

Из зала пришло потом записку: «Трудно нам в деревне с учителями ладить: большинство из них зажиточные, многие из кулацких семей; как же быть?»

Не отталкивать, не чваниться, не горячиться, а тактично, терпеливо работать с ними. Без привлечения учителей на нашу сторону с задачами учебы не справиться. Смелее привлекать их к пропаганде естественных знаний, втягивать в свои кружки, такая активность скорее всего сделает их сторонниками и помощниками в строительстве новой культуры.

Ленинский план культурного обновления страны практичен и прост.

Первая группа задач сводится к ликвидации отсталости, к ликвидации безграмотности, ибо в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя.

Услышав недавно восторги по поводу первых успехов Советской власти на культурном фронте, Владимир Ильич возразил Кларе Цеткин: «Конечно, без хвастовства мы можем сказать, что в этом отношении нами многое, очень многое сделано. Мы не только «сняли головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран... но мы также просвещали головы; мы много голов просветили... А, между тем, мы народ нищий, совершенно нищий...» А потом, когда речь зашла о балете, об опере, о выставках новейшей скульптуры, Владимир Ильич не преминул заметить, что он вовсе не недооценивает этих проявлений общественной культуры. Но ему больше по душе создание двух-трех начальных школ в захолустных деревнях, чем самый великолепный экспонат на выставке.

Вторая группа задач в плане культурного обновления формулирует отношение к наследию, ставит цель — овладение лучшими достижениями человеческой культуры. Старую культуру освой, советует он молодому поколению, и критически переработай.

— Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Наконец, третья группа задач определяет пути создания новой культуры на основе вовлечения в творческий процесс широких масс трудящихся. Знак равенства Ленин ставит между словами «коммунизм» и «пролетарская культура». Но его очень заботит: как бы молодежь не заблудилась в крикливых лозунгах жрецов «новой культуры», которую буржуазные интеллигенты выводят «лабораторным путем»; как бы не попали в объятия вечно паразитирующих оппортунистов, они ведь тоже произносят слова о широком распространении элементов классической и буржуазной культуры, но при этом доказывают, что, мол, пролетарской, социалистической культуры не только нет, но и никогда не будет. К той же капитуляции перед буржуазной идеологией, только с другой стороны, подводит и лозунг «свободной анархической конкуренции» в художественном творчестве.

Сплошным вздором называет Ленин «лабораторные открытия» пролеткультовцев». Пролетарская культура не является высочившей неизвестно откуда, она является чьей-то выдумкой. Она наследует революционным классом из тех богатств, которые уже созданы. Владимир Ильич указывает молодежи те пути, которые подводили и продолжают подводить к пролетарской культуре, и советует

при создании новых духовных ценностей отличать то, что является необходимым для коммунизма.

Одно слово «учиться» наполняется для нас особым содержанием — учиться коммунизму, учиться революционному делу...

Делегат съезда А. БЕЗЫМЕНСКИЙ. Большинство делегатов почувствовало облегчение. Учиться коммунизму — это понятнее... Неужели тут надо что-то объяснять? И разве самый лучший способ учиться коммунизму не заключается в том, чтобы громить буржуев на фронте?..

Очень заботит Владимира Ильича, чтобы задача здесь не ставилась упрощенно, не понималась однобоко. Опасно, кстати, механическое усвоение коммунистических лозунгов. Немало, к сожалению, любителей революционной декламации, увлекающихся лозунгами. Сколько копий ломано в сражениях с ними. Он много размышлял над природой опьяняющего революционного фразерства, и всегда одно и то же открытие: оказывается себя мелкобуржуазная стихия. Да, да, одно из проявлений следов мелкобуржуазности состоит именно в податливости на революционную фразу. Это старая истина, старая история, слишком часто становящаяся новинкой... Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не сказали про нас: «Революционная фраза погубила революцию».

Важно предостеречь молодых и от прямолинейности книжного усвоения коммунистических истин, от витаминного потребления того, что содержится в учебниках, брошюрах и трудах. Так легко получить слишком много коммунистических начетчиков и хвастунов, что сплошь и рядом наносило бы вред и ущерб.

Делегат съезда Д. ШУШПАНОВ. Ироническая улыбка появилась на лице Ленина, когда он говорил о начетниках и хвастунах...

(Позже, при переизданиях речи, в пояснениях догматизма и начетничества будет приведено ироническое ленинское замечание по поводу погуманных упреждений меньшевиков: «Они книжки видали, книжки заучили, книжки повторили и в книжках ничегошеньки не поняли».)

Нужно подытожить: без работы, без борьбы книжное знание коммунизма равно ничему не стоит. Молодые товарищи как аксиому должны усвоить: коммунизмом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Причем всю сумму этих знаний надо взять так, чтобы коммунизм не был бы чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что каждым продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования.

Делегат съезда Н. КОПТЕВ. Для нас, овеянных пороховым дымом, делегатов Северного Кавказа, где еще полыхало пламя гражданской войны, призыв Ильича «учиться коммунизму» прозвучал неожиданно...

Для этого зала, думается, самым близким, доступным, убедительным образцом научного синтеза человеческих знаний будет самый сложный образец — марксизм. Проанализируйте то, что вы читали и слышали о развитии коммунистической теории, приглашает Владимир Ильич, и вы придете к неизбежному выводу: Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме. Именно при помощи того, что дала прежняя наука, он мог исследовать пути восхождения человеческого общества и доказать неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму.

Каждый сидящий в зале понимает, что таким же убедительным образцом является учение, история жизни и борьбы самого Ильича. И каждый собственным опытом сознает: для ленинцев познание, теория — не самоцель, они владеют и самым методом претворения марксистской науки в жизнь. Каждый с готовностью воспринимает настоятельный ленинский наказ:

— ...Превратите коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратите коммунизм в руководство для вашей практической работы.

Делегат съезда И. ИСАЧЕНКО. Эта идея по ходу выступления В. И. Ленина все больше облекалась живой плотью, становилась для нас более доступной и понятной. Ленин говорил нам о задачах хозяйственного возрождения всей страны, о реорганизации, восстановлении и промышленности, и земледелия на современной технической основе...

Последнее слово технической науки концентрируется для Владимира Ильича в образе электричества. Пока еще план электрификации окончательно не сложился, но работа над ним завершается, остались считанные недели до того, как соберется VIII съезд Советов и примет план ГОЭЛРО. Но уже глубоко заботит практическая реализация этой «второй программы партии». В лице молодого поколения видится Ильичу грядущая армия электрификаторов; сегодня уже молодые должны усваивать, как технически приложить электричество к промышленности и к земледелию.

Рисует мощная картина преобразующего труда, когда единый, монолитный, многомиллионный коллектив работает по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Союзу коммунистической молодежи Ленин отводит место ударной группы, «которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин».

Делегат съезда К. ЛИЧНОВ. Мы как бы заглянули вместе с Лениным в будущее, в завтрашний день молодых рабочих, крестьян, близкой нам интеллигенции. Он раскрыл глубокий смысл работы комсомола, показал, как воспитывается человек нового типа...

Все дело воспитания, образования и учения молодого поколения, по мысли Ленина, должно вести к утверждению коммунистической морали, коммунистической нравственности. Чтобы определить ее содержание, Ленин предлагает исследовать сами истоки общественной морали: она всегда носит классовый характер, каким бы «велемием бога», какими бы «идеалистическими или полудиалистическими фразами» ее ни прикрывали. Для нас, подчеркивает Владимир Ильич, нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата. Тут, как на оселке, испытываются твоя цель и характер твоего союза: защищаешь ли ты интересы рабочих и крестьян? Помогаешь ли в черной работе или предпочитаешь иждивенчество? Привлекаешь ли их личным примером или отталкиваешь?..

Коммунистическая идейность — сама сердцевина новой морали — вбирает в себя целый комплекс человеческих достоинств. Это — глубокое осознание смысла и цели жизни, одухотворенность великой идеей, революционный романтизм, пафос борьбы, искрящаяся жизненная активность, естественный энтузиазм... Это — принципиальность, честность, человеколюбие, благородство, беззаветная преданность делу партии, непримиримость к врагам революции... Многие вбирает в себя понятие коммунистической идейности.

Открывая широкий простор благородным человеческим проявлениям, коммунистическая нравственность предлагает в качестве жизненного руководства принцип высшей справедливости — благо людей труда. Новая мораль утверждает себя в борьбе с пережитками, рецидивами старой морали. Аморализм эксплуататорства может принимать самые беззастенчивые формы, но от этого не перестает быть грабежом чужого труда. Владимир Ильич предлагает схему для анализа: если я беру себе известный кусок земли, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и

излишками спекулирую — разве я тогда поступаю как коммунист? Нет, как эксплуататор и собственник... Если я имею свое местечко, как врач, инженер, учитель, служащий, и, потворствуя, угождая власть имущим, сохраняю свое местечко, да еще норолво пробиться — разве это нравственно? Нет. Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

Новое, коммунистическое воспитание, разъясняет Владимир Ильич, должно состоять не в облыщении молодежи усидительными речами и правилами о нравственности, а в борьбе против эксплуататоров, против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

— Коммунистический союз молодежи только тогда оправдывает свое звание, что он есть Союз коммунистического молодого поколения, если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования связывает с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплуататоров.

Сформулировав основные задачи молодежи, желающей научиться коммунизму, Владимир Ильич отвечает и на вопрос, как этому учиться. Только организуясь и сплачиваясь, объединяя все подрастающее поколение, отдавая свою работу, свои силы на общее дело...

Делегат съезда И. ЕРМАКОВ. 29 февраля 1920 года Красная Армия освободила Ставрополь и прилегающие к нему районы от белогвардейских банд... А спустя месяц — 30 марта — состоялось первое организационное собрание молодежи города, на котором были созданы комсомольская организация и оргкомитет РКСМ. Несколько позднее меня избрали председателем Ставропольского горкома комсомола. До этого я работал кузнецом, опыта руководства организацией, конечно, не имел и очень смутно представлял свои обязанности... Простые, душевные слова Ильича глубоко проникали в наши сердца и вызвали горячий отклик...

Основываясь на первом опыте молодежных организаций, Владимир Ильич дает предметные, самые жизненные и в то же время масштабные задания:

- объединимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность;
- возьмем под свою опеку пригородные хозяйства, чтобы помочь в снабжении населения необходимыми продуктами;
- покажем примерную работу на коммунистическом субботнике;
- обеспечим чистоту в своей деревне, в своем квартале;
- организуем отряды молодых людей для помощи старым, больным, нуждающимся в нашей заботе семьям...

Не бояться, не чураться никакого труда, как бы он ни был грязен и труден, а исполнять его образцово, примерно, как того требует коммунистический порядок. Только в такой работе молодой человек или девушка превращается в настоящего коммуниста.

Делегат съезда А. МИЛЬЧАКОВ. В наше сознание вкладывалась гениально простая мысль о том, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную конкретную задачу строительства коммунизма. Нам говорил Ленин, говорила партия: в небольшой будничной работе ты должен видеть великую цель...

Владимир Ильич убежден: по мере того, как молодежь будет практически решать задачу общего труда, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование и молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Так решающим образом связывается жизнедеятельность юного племени коммунистов с будущим страны. Предсказывая наступление зры коммунизма, Владимир Ильич от лица пятидесятилетних революционеров как бы передает эстафету поколению пятнадцатилетних, которое должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

Делегат съезда В. БОГДАНОВ. Нас буквально потрясла убежденность Владимира Ильича в том, что именно из нас, совсем еще молодых, малообразованных и малознающих тогда, вырастут в конце концов настоящие строители коммунизма.

Нет убедительнее доказательств мудрости ленинского провидения, чем сама славная шестидесятилетняя история строительства новой жизни; чем во сто крат возросшие когорты комсомола; чем поражающие своей силой и чистотой духовные ценности, обретенные поколениями.

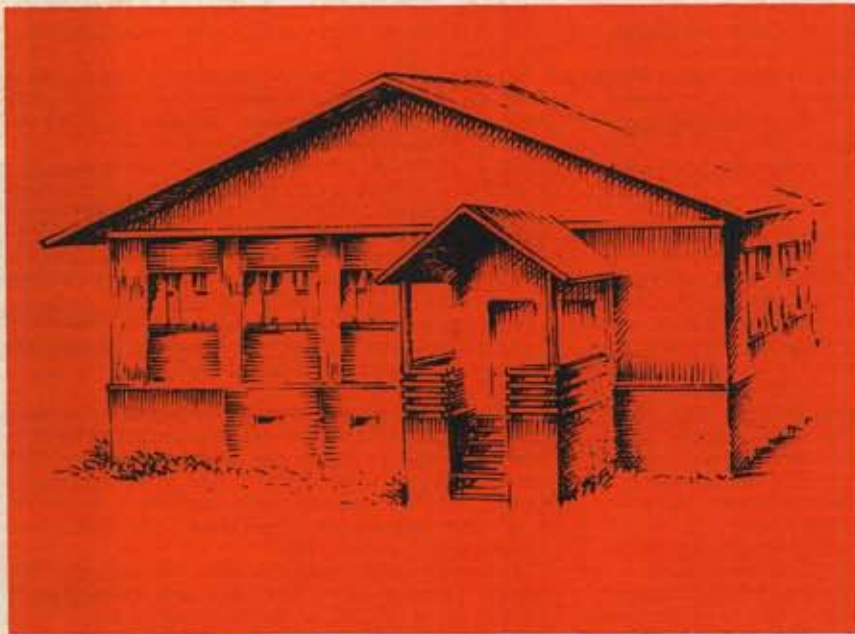
К моменту созыва третьего съезда комсомола Николаю Островскому минуло шестнадцать. Организовав ячейку, он уходит сражаться в отряды Котовского. Клинок и свинцом прошла юность через гражданскую войну — за каждую победу, за каждый урок революции заплачено кровью. Не менее жестока и война с разрухой. Можно с уверенностью сказать: корчагинская узкоколейка стала нелегким прологом к БАМу. Социализм вырастал вместе с юным поколением Октября, запечатлевая все приметы его мужания. Днепрогэс и волжский Тракторострой, Магнитка и Комсомольск, Турксиб и Метрострой — это ведь не просто титульный список масштабных объектов. Это и вершины социальной, духовной зрелости Союза молодежи.

В то время, как Николай Островский, поведав пламенную историю Павки Корчагина, перевернет первые страницы биографии комсомола, жизнь заполнит ее новые главы, откроет новых героев. Комсомолец Макар Мазай пойдет уже на штурм мирового рекорда выплавки стали, Паша Ангелина выведет в поле первую в стране комсомольскую бригаду девушек-трактористок. В год ленинского призыва, когда Островский получит партбилет большевика, родится Александр Матросов, которому, как и миллионам его сверстников, выпадет нести корчагинскую эстафету на самом тяжком отрезке пути — через фронты Отечественной. В сорок третьем, когда не станет Матросова, за парту сядет Юрий Гагарин. Комсомольский билет и рабочую профессию он получит в пору послевоенного возрождения, когда страна поднималась из руин, приступала к грандиозным новостройкам, открывала богатейшие кладовые недр. С началом целинного штурма он уже поднимется в первые тренировочные полеты... К моменту, когда Гагарин переступит порог Вселенной, в комсомол придут уже те, кому предстоит осваивать Самотлор, прокладывать БАМ, пускать КамАЗ, возводить «Атоммаш»...

Поколение за поколением приходят с комсомолом на коммунистическую стройку, и для каждого руководством к действию становится программная ленинская речь.

«Чему должны мы учить молодежь и как она должна учиться (конечно, не только в школьном, но в более широком смысле — смысле науки и жизни), чтобы стать достойной строительницей коммунизма, — это и теперь главное в работе комсомола и в партийном руководстве этой работы», — подчеркивал Л. И. Брежнев в своей речи на XVIII съезде комсомола.

Каждое новое поколение молодых перечитывает замечательную страницу великого ленинского наследия новыми глазами — глазами своего времени и непременно находит мудрый совет в решении самых жизненных своих проблем. И в то же время всматривается взором тех первых шестисот, что затаив дыхание слушали живое слово Ильича на третьем съезде: всматривается, чтобы по Ленину сверить точность своего исторического маршрута.

К ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ «СМЕНЫ»

ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

Постоянные читатели «Смены» знают о нашем общем деле и дорожат им: год назад, в 1979-м, мы сообщали подарить Уренгою — поселку газиков на севере Тюменской области — библиотеку. Читатели по призыву редакции прислали 25 тысяч книг, а журнал организовал строительство библиотеки, которую сделали и смонтировали комсомольцы Ново-Вятского комбината древесных плит из Кировской области.

Редакция и ее друзья благодарны уренгойцам за то, что библиотеке присвоено имя журнала, уренгойцы же благодарны всем, кто прислал книги, — читателям «Смены» из всех уголков страны. Подводя итоги доброду делу, мы писали о том, что создание библиотеки интересно прежде всего общественным характером дела, сердечным отношением к заботам уренгойцев тысяч граждан нашей страны, для которых Уренгой — столица громаднейшего газового промысла, место, где посланцы комсомола приумножают славу ВЛКСМ своей работой в тяжелых северных условиях.

Хотим доложить читателям «Смены» и всем участникам прошлогодней операции «Смена» — Уренгою, что библиотека наша общая работает, теперь в ней уже 31 тысяча книг, при библиотеке существуют передвижки, которые доставляют книги геологам, лесорубам, строителям, на газоконпрессорные станции, проводятся встречи с прозаиками и поэтами (их командирует журнал), читательские конференции, при библиотеке работают кружки и клубы по интересам — словом, наше общее детище стало подлинным духовным центром Уренгой, а Уренгой теперь получил статус города.

Казалось бы, все в порядке.

Но тут мы хотим привести письмо читателя В. А. Панкратова из города Свердловска.

«Года полтора назад, — пишет он, — вами проведена кампания по сбору книг для Нового Уренгой. Дело это очень хорошее. В нем принял участие и я. Но мне кажется, что на этом останавливаться нельзя. Библиотеку нужно пополнять. Поэтому сбор книг следует продолжать. Здесь важно не выделение книг, а именно сбор их, как форма шефства над молодежью, работающей все же в экстремальных условиях. Мог бы принять в

этом участие и я, бывший комсомолец 20-х годов, для комсомольцев восьмидесятых. Тем более, при существующем книжном голоде таким путем можно собрать больше разнообразной литературы, чем даже приобрести за деньги».

Здесь надо заметить, что такие письма мы получаем время от времени, и редакция сердечно благодарна и читателям, и писателям, продолжающим присылать свои книги для Уренгой.

А город тем временем растет. Новый отряд комсомольцев уехал в Уренгой. Гремят на севере свадьбы. Прирастает городское население юным народом: в Уренгое уже три с половиной тысячи детей. Школа, пока единственная в городе, работает аж в три смены. А детей все прибывает. И надо сказать, в приполярном городе, где взрослые заняты нелегкой работой, не так уж много отдушин для ребят. Скажем определеннее: дети требуют в Уренгое особой заботы и особого внимания. Ведь это северные дети, которым, будем откровенны, много не хватает из того, что стало нормой для ребят наших городов и сел: и детских кинотеатров, и фруктов, и вкусного мороженого, и книг.

Да, не хватает книг. И наша сменовская библиотека не может им помочь по-настоящему: у нее своих, взрослых, забот достаточно, ведь едва ли не каждый второй человек в молодом городе студент-заочник, папы и мамы работают да и учатся, и библиотека «Смены» должна им помогать.

Но детей нельзя забывать. Это одно из славных правил нашей страны. Детям нужно очень много читать.

И вот какое письмо мы получаем снова. Причем его подписали все руководители всех организаций города. Нельзя ли, обращаются они к «Смене», построить еще одну библиотеку — детскую. Точно такую же, как и взрослую, на 25 тысяч книг. На вырост, как говорится. И поставить ее прямо напротив уже существующей.

Редакция, что называется, изучила возможности. Комсомольцы все того же отзывчивого Ново-Вятского комбината древесных плит берутся построить и смонтировать библиотеку. Миннефтегазпромстрой СССР принимает участие в решении экономических проблем. Министерство культуры РСФСР — в оборудовании ее. А «Смена» вновь организует и стройку, и сбор книг, и организацию всего дела от начала до конца.

Но что такое «Смена»? Это ее читатели! Без читателей журнал ни на что не способен. Без читателей мы ничего не сумели бы, в том числе и наш первый опыт не получился бы. Но он получился.

И вот мы снова обращаемся к читателям. К вам, наши дорогие, отзывчивые, сердечные друзья! Давайте построим детскую библиотеку в Уренгое! Давайте соберем 25 тысяч детских книг! Давайте делом позаботимся о детях северян, о детях-северянках! О тех, кому пока еще так не хватает счастливых детских радостей!

Хотим сказать здесь, что детскую библиотеку собрать можно интересно и содержательно. Почти в каждой семье есть дети. Они вырастают. Книжки копеечные, в тонких переплетах выбрасывают истерзанные. Но вот детскую книгу, изданную хорошо, с красивыми картинками, в твердом переплете, выбросить рука не поднимается, а сдать в букинистический бывает недосуг. Вот в этих-то книгах, тоскующих во взрослой семье, мы видим главные резервы для Уренгойской детской библиотеки. Впрочем, и тонкие книжки в хорошем состоянии будут хорошим подарком юным уренгойцам. Достойная мысль — передать новым детям книги, прочитанные собственными детьми. На наш взгляд, в этом поступке есть высокий нравственный смысл. Особо приглашаем мы к сбору книг для своих товарищей с севера пионеров, школьников, комсомольцев, народ, который славится жадной любовью к хорошим книгам.

Итак, «Смена» приглашает читателей прислать книги для детской библиотеки в Уренгое. На этот раз мы просим прислать их прямо на север, по адресу:

626718,
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
ГОРОД НОВЫЙ УРЕНГОЙ,
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ЖУРНАЛА «СМЕНА»,
ДЕТЯМ УРЕНГОЯ.

И пусть слова детям Уренгой станут девизом нашего нового дела.

Одно необходимое пояснение: библиотеку имени «Смены», ту самую взрослую библиотеку, которую мы открыли в прошлом году, редакция считает своим отделом, поэтому мы и просим книги присылать прямо туда, чтобы обойтись без лишней их «перевалки», а работники библиотеки станут оперативно передавать нам списки всех приславших хотя бы одну книгу и все письма, вложенные в бандероли. Поэтому «Смена», постоянно информируя о сборе книг, как и в прошлом году, назовет имена всех без исключения дарителей.

Итак, книги — детям Уренгой!

Ждем их!

Строим детскую библиотеку в юном городе!

В конце двадцатых годов я работал в театре Мейерхольда, снимался в немом кино и одновременно выходил на эстраду в качестве чтеца. Искусство чтеца обрело для меня громадное значение прежде всего потому, что здесь все зависело от меня самого: меня никто не учил, никто не режиссировал.

Все: выбор произведения, каждое решение, каждый вздох — было исключительно моим. Я делился со своими слушателями сокровенными мыслями, дорогими мне идеями добра, человечности.

Однако расторопные администраторы нередко использовали такие концерты в своих целях. В газете «Правда Востока» тех лет я прочел в стопроцентно халтурных рекламках: «К нам едет король экрана. Нас посетит закройщик из Торжка, похититель трех миллионов, личный друг Месс-Тель и возлюбленный Аэлиты — Игорь Ильинский! Ждите! Скоро!»

Малокультурная часть зрителей, психологически не подготовленная к восприятию художественного чтения, увидев такие афиши, приходила просто поглазеть на «живого» киноартиста. От меня, артиста комедийного, ждали веселых рассказов о «муках творчества», забавных анекдотов из актерской жизни... Но творческий путь — это серьезная тема для актера-художника, о ней не расскажешь за пятнадцать минут с эстрады.

Профессия актера — трудная профессия, которой надо отдавать всю жизнь. Я не знаю иной профессии, которой надо столько разносторонних знаний и умений. Ведь недаром в Толковом словаре, кроме прямого толкования слова «артист», есть и переносное: «Артист — человек, достигший в чем-либо высокого мастерства». И когда молодежь обращается ко мне с вопросом «Как стать актером?», я отвечаю: «Учитесь и трудитесь». В любой профессии, посвятив ей себя целиком, можно стать артистом, если не в первом, то во втором смысле этого слова.

Оглядываясь сейчас на мою жизнь, я вижу, что она состоит не только из счастливых и несчастных обстоятельств, ошибок, потерянного времени и легкомыслия, но прежде всего из дней и часов кропотливого труда, неудовлетворенности собой. Она состоит из бесконечных поисков, иной раз на ощупь, а иной раз целеустремленных, переходящих после множества неудач и отчаяния в творческое удовлетворение художника.

...Первые смутные детские впечатления начинаются у меня с катка, с его елками, флагами и

название чего стоило! Фррра-Дьяво-о-ол! «Фра-Дьяволо» была первой оперой, которую я услышал в Большом театре. Не менее неизгладимое впечатление, чем сама опера, произвел на меня весь стиль Большого театра: торжественно-помпезный, с золотом и бархатом лож и кресел, роскошным занавесом с огромными кистями, с таинственным полумраком гаснущего фойе и капеллинерами в ливреях, которые, священнодействуя, провозжают в ложи и на места на дышочках спешащую и опаздывающую публику...

Такой театр на всю жизнь стал для меня олицетворением старинной театральности.

В детстве родители часто водили меня с сестрой в Большой и Малый театры. Отец мой был доктором по профессии, но по натуре — художником. И он и мама по-настоящему интересовались искусством и любили его. Артисты-пациенты знали об этом пристрастии отца и доставали ему контрамарки.

Помню, мне особенно понравился хор мальчиков в опере «Кармен», и я начал им даже что-то кричать из ложи... Но тут меня бесповоротно унесли из театра. Я долго жалел, что недоглядел оперы, в которой, по моему разумению, должны были бодаться и драться между собой быки.

Я шел на «Снегурочку» в Малый театр и спрашивал у мамы: «А она растает по-настоящему?»

Позднее мне полюбился «Дмитрий Самозванец» в Малом театре. Помню, я всецело был на его стороне и жалел, что его авантюра не удалась. Может быть, это было потому, что его играл дядя Остужев, знакомый и пациент моего отца, мимо ног которого я не раз старался лихо прокатиться на трехколесном велосипеде, как бы невзначай раскатаясь в приемную.

К этим впечатлениям относятся еще и встречи с кинематографом, который как раз в эти годы впервые появился в Москве.

Немудрено, что вскоре у меня появился свой собственный театр «Кю-Сю». Я хотел, чтобы в нем все было всамделишное. Билеты с линией контроля, номера на стульях. Афиши я хотел расклеить в передней и гостиной, где ждали больные, но домашние этому воспротивились. Монеты, вырванные за спектакль, должны были пойти на покупку лошади. Как вы уже знаете, я собирался стать извозчиком. Во всем представлении участвовал я один. Сначала давалась трагедия собственного сочинения, а потом я показывал туманные картины через «волшебный фонарь».

За вечерним чаем отец читал вслух Чехова, Гоголя, Горбунова, Диккенса, М. Твена, Джерома.

женские команды пополнялись подростками, среди которых оказался и я. Позже я стал капитаном второй команды «Яхт-клуба», образованной из подростков.

И именно в год своего спортивного апогея я вновь стал заядлым театралом. Моему новому увлечению помогли отпели той зимы, которые надолго закрывали каток. Незаметно я преисполнился безграничной любовью к театру, и в шестнадцать, когда я поступил в театральную студию, времени для спорта у меня вдруг... не оказалось вовсе. Театр безгранично завладел мной.

Вместе с моим товарищем Тамировым мы решили держать экзамены сразу в две студии и, к нашему удивлению, были приняты в обе. Мы выбрали школу-студию Ф. Ф. Комиссаржевского в Настасьинском переулке: самый ее дух как бы говорил, что здесь нас ожидает настоящее «учение» и «посвящение».

Но очень скоро два пусть разновеликих, но очень важных для моей жизни события отаекли меня от новых интересов. Через две недели после поступления в студию умер отец. Я так и не успел ему рассказать, что решил стать актером.

А через неделю после похорон отца прогремела Октябрьская революция.

В первые годы Советской власти появилось множество поэтических и литературных кафе. Как-то по дороге в студию в Настасьинском переулке я обратил внимание на странно одетых людей, которые разрисовывали стены внутри маленького домика. Я приплюснул нос к оконному стеклу: двое «маляров» подошли к окну и стали делать мне какие-то знаки, по-видимому, спрашивали, нравится ли мне их работа. Я отвечал им соответствующей мимикой. Коренастый быстро нарисовал на стекле окна круг и на нем студенческую фуражку. Затем появились глаза, приплюснутый нос, линия рта. Я знаками показал, что портрет мне нравится. Тогда высокий рядом нарисовал еще круг, приделал к нему студенческую фуражку, а в круте нарисовал вопросительный знак...

Позже группа студийцев-комиссаржевцев уговорила меня пойти посмотреть, что делается в этом футуристическом кафе.

— Там Маяковский читает «Облако в штанах». Здорово читает.

Каково было мое удивление, когда я узнал в Маяковском того «маляра», который поставил вопросительный знак на моем лице. Его товарищем оказался художник Бурлюк.

Первое посещение «Кафе поэтов» и стихи Ма-

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

ЭТОТ ТРУД

чугунными печками. Мог ли я подумать тогда, трехлетний карапуз, что начиная с этого 1904 года более пятидесяти лет буду скользить по льду катка Петровки, 26! За свою долгую жизнь я жил в разных квартирах; с юных лет работал в разных театрах, но вся моя «физкультура» была сосредоточена на Петровке, 26. Зимой — с трех-четырёхлетнего возраста — коньки, летом — теннисные корты. Вот почему я и начал с этого катка воспоминания о детстве.

Второе яркое воспоминание детства — московские извозчики с голубыми, розовыми, желтыми, синими и зелеными санками. Сестра на облучок или на козлы и править лошадкой было первой страстной мечтой моего детства, как первым желанием моего сына было стать шофером. Летом, в деревне, мое желание осуществилось, и в три года я смог проехать верхом на смиренной кобыле, никем не поддерживаемый, сам. «Я сам! Сам!» — услышал я через много лет и от своего сына, а потом и от внука. Такое желание испытать все самому, недоверчивость к чужим советам и мнениям, с одной стороны, ведет к самостоятельности и независимости в будущем. С другой же, увы, излишняя дозировка «самости» ведет к эгоизму и нетерпимости. Ведь и Хлестаков кричит: «Я сам! Сам везде!»

Первое мое публичное выступление состоялось в пять лет. Это выступление никакого отношения к театру не имело. В пятилетнем возрасте я начал заниматься в русско-чешском гимнастическом обществе «Сокол». Смутно помню громадное просторство манежа, освещенного фантастическим светом газовых фонарей, песчаный пол, как в цирке, гулкие звуки команды и в далекой, страшной темноте публику, среди которой, я знал, сидела и моя мама.

В пять лет я впервые побывал в настоящем театре. Такое потрясение не прошло бесследно для впечатлительного человечка, каким был я. Одно

Этими чтениями против своей воли отец разжигал во мне желание идти на сцену, потому что, невольно увлекаясь, читал он как настоящий художник. Отец знакомил меня и сестру с бессмертными творениями русских и английских юмористов, исподволь развивая во мне любовь к юмору, которая превратилась в страстное увлечение. Отец водил меня, маленького мальчика, в сад «Аквариум» на все, что, по его мнению, было примечательного в области юмористики. А уже в первых классах гимназии я забирался в библиотеку и «заглатывал» комплекты «Сатирикона» и «Будильника». Вскоре я начал издавать «журналы» дома, печатая их игрушечным набором резиновых букв. Но к тринадцатичетырнадцатилетнему возрасту все чтения, кроме Пинкертон и Холмса в ярких обложках, увлечения театром и даже кинематографом, были отброшены ради спорта. Мои родители заволновались. Спорт в то время не был таким уважаемым занятием, как теперь. О футболе, например, говорили: «Из головы все ушло в ноги».

Однако как увлекательно шла моя жизнь на спортивном поприще! Какое наслаждение вдохнуть всеми легкими свежий воздух! После восьми — десяти часов пребывания на Воробьевых горах, где мы спускаемся на лыжах с гор и прыгаем с небольших трамплинов, с пылающими лицами и голыми как волки, мы поздно вечером возвращаемся домой. После беспробудного сна — гимназия и мое иронически-шутливое отношение ко всему там происходящему. А после уроков я с хоккейной клюшкой и коньками лихо вскакиваю в трамвай «А», который, дребезжа, спешит по бульварам к катку «Яхт-клуба». Все должны видеть, как молодой, ловкий спортсмен спешит на хоккейную тренировку!

Это были годы, когда в России только начинали играть в хоккей на льду. Существовал и женский хоккей. «Дам» в этом спорте явно не хватало, и

яковского произвели на меня неожиданное и неповторимое впечатление. Манера и стиль его чтения сочетали в себе силу и мощь стихов и голоса с особой убедительностью поэтического пафоса, который вдруг сменялся простыми, порой ироническими, а порой почти бытовыми интонациями...

Больше я кафе не посещал, да и не до того стало: наша семья жила все труднее, за год после смерти отца были распроданы многие вещи, оборудование его кабинета. Матери пришлось поступить на службу. Я же безуспешно пытался найти работу. В это время Комиссаржевский сказал:

— Я могу предложить работу. Службу актера. — И протянул мне договор. Я с радостью подписал этот первый в моей жизни договор с очень скромным окладом.

Я должен был играть небольшую драматическую роль в опере «Фиделио», постановка которой была приурочена к празднованию первой годовщины Октябрьской революции, торжественно отмечавшейся в Большом театре. Мы уже загремировались, но начало спектакля задерживалось, так как на сцене проходил митинг.

— Сейчас говорит Ленин, — сказал мне мой товарищ. — Хочешь послушать?

Мы прошли в артистическую ложу, и я первый и единственный раз увидел Владимира Ильича Ленина.

Я обратил внимание на то, что весь зал огромного Большого театра застыл во внимании и что оратор настолько овладел этим залом, что ему не нужно напрягать, возвышать голос. Я впитывал не только мысли, но и сосредоточивался на том, как он говорит. Невольно Ленин стал для меня учителем. Я убедился, что даже в Большом театре, овладев вниманием зала, можно говорить тихо. Я окончательно уверился в том, что естественность, непосредственность и правдивость, которые ясно ощущались в речи Ленина, являются лучшими каче-

ОТВЕТИТСЯ СЧАСТЬЕМ”

ствами не только оратора, но должны быть присущи и актеру.

Этот первый настоящий год работы в театре отличался тем, что я смело фантазировал: создавал каждый раз абсолютно новый и неожиданный образ, стремился перевоплощаться до неузнаваемости. Нагрузка в том сезоне была огромная, даже для молодых актеров-энтузиастов. На репетициях и спектаклях мы вели напряженную работу, которая подчас была тяжелой физически. В столовой по карточкам мы получали суп с тощей воблой и кусочком хлеба с отрубями на второе. Выручал наш заведующий студийным буфетом. Он ухитрялся давать мне дополнительные «бутерброды» — два кусочка черного хлеба с несколькими красными икринками на них. Их я радостно нес домой матери.

После окончания моего первого, тяжелого и ответственного сезона, казалось, можно и передохнуть. Но об этом и не думается в восемнадцать лет! Все лето я проработал в «Летучей мышке».

Осенью наш новый театр ХПСРО — художественно-просветительного союза рабочих организаций — открыл второй сезон. Но из-за разрухи в театре было холодно, зрители к нам не ходили, и в конце 1919 года наш театр закрылся.

Где я только не побывал за этот год, к каким театрам не причаливал! Начал я с Никитского театра оперетты и в том же сезоне умудрился участвовать в спектаклях губернского «Пролеткульта», в концертах в саду «Аквариум», работал в Детском театре и был участником первоймайской политической «петрушки» на улицах Москвы. Сейчас я с благодарностью вспоминаю о встречах с самыми разными жанрами и зрителями.

По рекомендации Комиссии государственных академических театров, которая приняла участие в судьбе молодого актера, я попал в Художественный театр. И, как мне показалось, пришлось не очень-то ко двору. Позже я узнал, что часть труппы считала,

будто меня прислали еще и как «актера новой формации»; к тому же приняли меня без соответствующего экзамена, поэтому столь громкая рекомендация и легкое «внедрение» определенным образом повлияли на мнение коллектива. Одевался я в то время необыкновенно красочно, что отражало мои юные настроения и красочность быта литераторов, художников и актеров в первые годы революции. И когда я пришел представиться Немировичу-Данченко в бордовой блузе и с тросточкой «под Маяковского» (я и походку сработал под него, хотя сам ниже среднего роста), то, конечно же, вызвал его удивление. Так что и внешне я, как говорят, не показался.

Правда, я и сам был, теперь уже понимаю, не безгрешен в отношении к Художественному театру: считал, что представляю более яркую, свежую и совершенную школу, не прозялав должного терпения в ожидании ролей. Ожидание это тянулось больше месяца, и я мучил и терзал свое самолюбие: «Вот, мол, застопорился, ходу нет», — не ведая, что в Художественном театре даже большие артисты терпеливо ждут и дольше. «Если бы молодость знала...» Так или иначе — юная энергия моя требовала выхода, и, аккуратно посещая Художественный, я начал репетировать роль Менго в «Фуэнте Овехуна» в Вольном театре.

И вот однажды мы в шубах, шинелях собрались в холодном зрительном зале. На сцене появился Мейерхольд. Говорил он достаточно просто, но с известным подъемом, присущим тому времени. Вид его, несмотря на кажущуюся простоту, был также несколько театрален: небрежно надетая шинель, обмотки и башмаки, кепка с приподнятым верхом и значком с портретом Ленина. Глуховатым голосом он призывал нас нести искусство народу, создавать театр, созвучный Великой Октябрьской революции. Я только позднее понял, что в еле уловимой противоречивости моего первого впечатления от Мейер-

хольда как бы заключалось «зерно» будущих моих раздумий над противоречиями его творческой личности, его искусства.

Через несколько дней мы узнали, что Мейерхольд хочет вести творческую работу в Вольном театре. Маяковский собирался писать для нашего театра. Он был моим любимым поэтом. Через него я стал понимать революцию.

В это же время в Художественном театре я получил роль «сидящего на заборе» в «На дне» Горького. Пришло время выбирать. И, к ужасу моей матери и многих знакомых, я выбрал театр, где появился Мейерхольд.

Всеволод Эмильевич переименовал «Вольный театр» в «Театр РСФСР I» и стал ориентироваться главным образом на молодежь. В спектакле «Зори», увидев «абстрактное» нагромождение кубов в макете декораций к спектаклю, я решил тоже играть в «футуристическом» стиле: во время монолога срывать с себя по частям маску и бросать ее в публику. Я думал поразить Мейерхольда своей находкой. Но Мейерхольд сказал:

— Товарищ Ильинский! Все мизансцены у меня скупые. Я прошу вас встать у куба с раскинутыми руками. Вот так и выпаливайте ваш монолог!

«Мистерия-Буфф» была первой советской пьесой, поставленной на театральной сцене. Репетиции начались не в театре, а в саду «Аквариум». Снег только что стаял, все мы были без шапок и пальто. Маяковский узнал меня и вспомнил, как я просил его написать куплеты для меня к оперетте «Гейша».

— Вот нам и суждено все же встретиться, — сказал Маяковский. — Теперь уж как следует поработаем. Мейерхольд нам поможет.

И вскоре в роли немца я наизусть жарю монолог с акцентом. Я счастлив, что монолог получается, что мне радостно улыбаются и любимый поэт и начинающий становиться любимым «Мастер». «Мастером» мы называли Мейерхольда.

— Ильинский хорош! — зычно говорит Маяковский Мейерхольд.

Даже Ярон, специально приглашенный на роль «меньшевика», не может сразу затмить меня. А роль «меньшевика» великолепно. Как бы мне хотелось ее играть!

И вдруг перед самой премьерой Мейерхольд подзывает меня к режиссерскому столику, за которым он сидит рядом с Маяковским.

— Ильинский, вы будете играть «меньшевика», — сразу огорошил меня Маяковский.

— ??

— А что?! — громыхает Маяковский. — Вы трусите, что ли? Но вы и немца будете играть тоже. Обязательно. Всеволод, немца только он должен играть. А продолжать роль немца будет другой актер.

— Конечно, — подтвердил Мейерхольд. — Мы для вас за кулисами поставим трех одевающихся и гримера. В двадцать секунд вы станете «меньшевиком» и первые слова начнете говорить за кулисами.

На следующий день Маяковский принес мне подарок в виде вставки в роль: «Кому бублик, кому дырка от бублика», — это и есть демократическая республика.

Лихорадочно перевоплощаясь за кулисами из «немца» в «соглашателя», хватая в последний момент зонтик у реквизитора, я как бы из одной роли на ходу въезжал в другую, озадачивая театралов, которые были уверены, что в программе закралась ошибка.

Нетрудно догадаться, что эта роль стала для меня этапной. Я получил признание театральной Москвы, сыграв по-настоящему живого, современного человека с помощью Мейерхольда, режиссера-«формалиста».

Само собой разумеется, что больше всего своим успехом я был обязан самому факту участия в первом спектакле Маяковского-драматурга.

С Маяковским я в личной жизни общался мало, в основном знал его по совместной работе в его пьесах. Поэтому редкие встречи вне театра особенно сохранились в памяти. Помню, ватагой молодых друзей-артистов мы пришли как-то в гости к Маяковскому, жившему тогда в районе Мясницкой. Мы были увлечены в то время четкой, и Владимир Владимирович необыкновенно старательно разучивал вместе с нами этот матросский танец. Па ему упорно не давалось, и он сосредоточенно морщил лоб и неистово курил.

Летом 1921 года я с молодежной группой отправился в гастрольную поездку по Украине. В Москву я вернулся с высокой температурой, еле дошел с далекой товарной станции к себе на Остоженку. Брюшной тиф, затем воспаление легких... Мать буквально вытаскала меня из страшных и цепких лап смерти. Я медленно выздоравливал и был горд, что обо мне справляются и беспокоятся Маяковский и Мейерхольд.

Пока я путешествовал и болел, пришел нэп. В театральной жизни, как и во всей московской жизни, ощущалась перестройка на новый лад. Нэп был тяжелой порой для профессионального театра. Ловкие конъюнктурщики убрали из театра Мейерхольда. Мне пришлось работать в этот период в разных московских театрах.

В Московском драматическом театре я сыграл Тихона в «Грозе». На генеральной репетиции, когда собралась «вся Москва», я играл как на крыльях. И вот я уже давно кончил свою сцену и ушел за кулисы, как вдруг прибегает мой товарищ.

— Игорь! — говорит он. — Тебе аплодируют! Как ты ушел со сцены, с тех пор и аплодируют.

Я рассказываю вам, молодым, об этом случае не только потому, что это был для меня особый и неповторимый успех в моей жизни. А прежде всего потому, что это был успех молодости, успех веры людей в дальнейший путь молодого актера. Если бы я сыграл эту роль позже, я бы не имел и половины такого успеха. Этим рассказом мне хочется воодушевить вас. Сделайте что-нибудь от души, самозабвенно! Молодости должно быть свойственно смелое дерзание! Утверждайте себя!

Если успех в «Грозе» не повторился за всю мою жизнь, то не повторился и успех в «Рогоносце», поставленном Мейерхольдом при Государственных Высших театральных мастерских, которыми он руководил. Мне было 21 год, но я сомневался, выдержу ли эту роль физически. Три акта взрывов восторга, потрясений, бешенства, буйных, страстных монологов. Где взять голос? Можно умереть от разрыва сердца, играя этот спектакль...

Успех был ошеломляющий. Разразившись бурей аплодисментов, зрители, особенно студенты, молодежь, бросились на сцену и качали нас, начиная с Мейерхольда.

Больше меня никогда не качали, даже в театре Мейерхольда...

После триумфа «Грозы» и «Великодушного рогоносца» я не мог избежать некоторого головокруже-

ния от успеха. На этом взлете меня постигла катастрофа. Ухаживая за моей двоюродной сестрой, заразилась сыпняком и умерла мама. Горе мое было велико, так как я был в то время как бы неотделим от матери. Она сделала все, чтобы не потерять меня, когда болел я: своими слабыми руками переворачивала меня в постели, сидела бесконечными ночами над моей кроватью — и победила. А меня жизнь звала на улицу, в «Эрмитаж», на пляж, в театр, и я не смог пожертвовать одним месяцем, чтобы беззаветно ходить за ней... Правда, я ухаживал за матерью, бегал за докторами, достал ей сиделку. Но потом, вспоминая мать, я задавал себе вопрос: все ли я сделал для нее? — и должен был ответить: нет, далеко не все...

С годами я стал все больше и больше задумываться о своей вине, о жестокости эгоизма юности. Но теперь уже ничего не воротить и не исправить...

Сезон 1922—1923 годов стал для меня знаменательным тем, что я был приглашен сниматься в фильме «Аэлита» по роману А. Н. Толстого, где мне поручили комедийную роль сыщика. Это был первый фильм режиссера Я. А. Протазанова в только что организованном акционерном обществе «Межрабпом — Русь».

Работа в немом кино увлекла меня главным образом свободой импровизации. Декорациями для меня, актера, служил в кино весь реальный мир. Я играл на крыше вагона, на радиаторе движущейся машины, на скачущей лошади, играл, плавая в воде. Мало того, силой техники я легко мог подать зрителю игру одного моего глаза, одной брови.

В фильме «Закройщик из Торжка» моей партнершей была юная Марепка, впервые снимавшаяся в кино. О моем герое в этом фильме не без лихости писали в рекламных листовках: «Красив и юн, не чужд культуры, диктатор в девичьих сердцах, есть что-то властное в натуре и мудрость скрытая в глазах». А я играл бесшабашного, простецкого малого, не без хвастливости и показного геройства. Ходил он у меня ловкой походкой на кривых ногах.

У меня появился вкус к некоторым кинематографическим трюкам, в частности к замедленной и обратной съемке. Никому, например, не приходило в голову, что в «Процессе о трех миллионах» я не взбирался по веревке под купол, а скользил по ней с купола вниз. Поиски чисто внешней формы в комедийном жанре настолько привлекали меня, что мне даже прозвище придумали — Игорь Трюжин. По-моему, пошло это от Юлия Райзмана: тогда он был помощником Протазанова.

На съемках фильма «Закройщик из Торжка» мы хорошо «спелись» с А. П. Кторовым. Это был его первый фильм. Потом мы снимались в «Процессе о трех миллионах» и в «Празднике святого Йоргена». И всегда легко и быстро договаривались и понимали друг друга.

Почти все натурные съемки фильма «Процесс о трех миллионах» проходили в Ялте и ее окрестностях. Оказалось, что не так просто найти ровный костюм для Тапиоки, чтобы он выглядел естественно. Свои лохмотья я приготовил сам, пользуясь камнями на пляже. Этот костюм сыграл со мной неважную шутку. После съемок у Воронцовского дворца я, не снимая костюма, поехал в Ялту один. На портовом базарчике один из торговцев вообразил, что я украл у него кусок брызны. Сначала я обрадовался, что меня принимают за настоящего вора, но когда меня повели в милицию, попытался доказать, что я артист. Документов у меня не было, мне не поверили. Хотели отправить в Симферополь, но тут позвонили с кинофабрики. В общем, один «привод» у меня имеется.

Почти одновременно с «Процессом о трех миллионах» я снялся в «Месс-Менд», а потом подряд еще в нескольких фильмах. Я мечтал не только играть в фильме главную комедийную роль, но и участвовать в его режиссуре. Но мне не удалось получить необходимые возможности для серьезной работы над кинокомедией. Я вернулся в театр, к Мейерхольду, и скоро, к нашей общей радости, в театр пришел и Маяковский. Снова окрылила меня роль Присыпкина в пьесе «Клоп» Маяковского.

— Вы должны обязательно послушать, как читает пьесу сам Маяковский, — сказал Мейерхольд. — Маяковский читал роль Присыпкина в своей обычной манере монументальной безапелляционности и торжественного пафоса.

— Я требую, чтоб была красная свадьба, и никаких богов!

И в этой фразе громыхал пафос. А затем совершенно неожиданно Маяковский просто добавлял: «Во». И от этого неуверенного и тулого «во» становился ясен весь облик Присыпкина.

Маяковский и Мейерхольд непрестанно следили за рождением нашего общего дитя — Присыпкина. Многие получалось не сразу. Мейерхольд подчас сердился, Маяковский был ангельски терпелив. Этот, казалось бы, резкий и даже грубый в своих выступлениях человек в творческом общении был

удивительно мягок. Он никогда не шпынял актеров, никогда, как бы плохо они ни играли, не раздражался.

Я очень любил Маяковского, гордился знакомством с ним, считал его талантом и потому долгие годы не мог простить себе совершенный по отношению к нему промах. А было вот как. Маяковский читал мне и моему товарищу «Баню» в Ленинграде, в номере Европейской гостиницы. И я недооценил пьесу. Маяковский привлек к шумной «смеховой» реакции, а тут он читал двум «мрачным комикам». Только в 1951 году я отдал свой долг любимому поэту, сыграв Победоносикова в радиопостановке Р. Симонова.

В апреле 1930 года Театр Мейерхольда гастролировал в Берлине. Однажды хозяин маленького магазинчика около театра показал нам свежую немецкую газету. Я плохо понимал по-немецки, но тут все понял. Вечером на спектакле, по предложению Мейерхольда, актеры и зрители почтили память Маяковского вставанием.

В моих воспоминаниях я отвожу большое место встречам с Маяковским, потому что он имел огромное влияние на мою жизнь. Влияние это не ограничивалось только теми тремя ролями, которые я сыграл, и десятком стихов, которые читал. Я все время ощущал его присутствие — присутствие большого художника. И тогда и позже, после его смерти, я всегда мысленно обращаюсь к Маяковскому. Как бы он отнесся к той или иной моей работе? Вот здесь бы он сказал: «пошло», «мещански мелко», а здесь бы оценил мастерство исполнения...

Каково было мое удивление, когда я узнал от моих друзей-однолеток, что они тоже чувствуют Маяковского как свою художественную совесть.

В тридцатые годы я эмоционально стал отходить от театра Мейерхольда. И в 1935 году ушел из театра: меня манила возможность проявить себя в кино так же самостоятельно, как я проявил себя в художественном чтении, став режиссером самому себе. Я хотел работать и совершенствоваться в кинокомедии, которая так нужна и любима народом. После долгого «простоя» я получил возможность снять фильм «Однажды летом» по сценарию Ильфа и Петрова. Но к моменту съемок фильма темы и характеры сценария перестали быть актуальными. На просмотре нас хвалили и авторы, Ильф и Петров, и их друзья. Но рецензия в «Правде» полностью нас разгромила. После этого фильма я почти три года был вне театра и кино и занимался только художественным чтением...

В труппу Малого театра я вступил 15 января 1938 года, а незадолго до этого Г. В. Александров пригласил меня на роль Бывалова в фильме «Волга-Волга». Александров обладал самым главным и нужным для меня качеством режиссера — прекрасно чувствовал комедию и юмор. Работали мы дружно и спокойно. Фильм был удостоен Государственной премии, его показывали на Тегеранской конференции глав правительств. Я считаю, что с помощью Александрова мне удалось создать сатирический образ бюрократа, имя «Бывалов» на многие годы стало нарицательным.

Во время съемок «Волги-Волги» мне по ходу действия надо было прыгать с палубы в воду. Вода была холодная, осенняя. Можно было взять дублера-пловца, но мне хотелось, оторвавшись от палубы, продолжать в воздухе при падении перебирать ногами, как бы продолжая бег по воздуху. И вообще хотелось сыграть сам прыжок.

Александров указал мне место на палубе, откуда надо было прыгать. Я довольно уныло сказал: «Уж лучше с капитанского мостика. Это было бы позффективней!» Не прошло и десяти минут, как Александров распространил слух, что я буду прыгать с капитанского мостика. Со всех сторон послышались расспросы, возгласы удивления и восторга. Идти на попятную было поздно, и я в сапогах и с портфелем полез на самую верхнюю палубу. Забравшись туда, я уже был менее восхищен своей затеей и почти собрался отказаться. Да вспомнил, как ехидно посмеивались над дублершей Орловой, которая не смогла прыгнуть. Раз, два, три... и мне ничего не оставалось, как прыгнуть. Все сошло хорошо. Больше прыгать мне не пришлось, но в холодной воде довелось еще поныряться. Думаю, этот прыжок мог быть и менее удачным, если бы я не занимался спортом. Отсутствие физической тренировки часто становится уязвимым местом многих актеров. С двадцати до двадцати шести лет я совершенно не занимался физкультурой и спортом. Как результат работы в холодных театрах тех лет у меня начались приступы астмы. Измена спорту обошлась мне довольно дорого. По совету врача я вернулся сначала к дыхательной гимнастике, а потом и на спортивные площадки. Всю жизнь я занимаюсь теннисом, лыжами, коньками. А дыхательная гимнастика, физкультура и длительные прогулки остаются моими постоянными спутниками и сейчас, на пороге восьмидесятилетия. С возра-

стом я стал спать на открытом воздухе. Зимой сплю в теплом мешке, совсем как мой герой из кинофильма «Безумный день». Поверьте мне, что такой сон стоит нескольких дней отдыха и удивительно восстанавливает силы.

Увлечение спортом сделало меня страстным коллекционером: я собираю ключики знаменитых игроков с их автографами. Встречаясь с нашими хоккеистами перед ответственными матчами, читаю им Чехова и Зошченко, переводы Маршак. Спорт так же, как и игра на сцене, требует от человека полной отдачи, вдохновения. Театр так же, как и спорт, невозможен без коллектива единомышленников, без чувства локтя товарища.

Я никогда не жалел времени для занятий спортом. Когда молодые актеры жалуются мне, что они заняты с восьми утра до поздней ночи и у них не остается времени на спорт, я спрашиваю: «А зубы чистить у вас есть время?» Я советую, умудренный примером своей собственной жизни, всем молодым: забронируйте хотя бы час в день для занятий спортом на свежем воздухе. В этом — источник жизни...

В Малом театре меня встретили радостно, в основном молодежь. Моя работа в нем началась с роли Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя и стала началом нового этапа в моем творчестве. Работа над ролью Хлестакова была важна для меня прежде всего своей общей реалистической направленностью. Когда я стал ощущать себя современным актером и в то же время носителем традиции Малого театра, я почувствовал радость от желания участвовать в создании современного Малого театра.

Пров Михайлович Садовский «признал» меня в роли Аркашки в «Лесе», а позже даже говорил, что я лучший Счастливец, с которым ему довелось играть.

Судьба дала мне возможность спокойно поработать в Малом театре три года. Великая Отечественная война нарушила мирную жизнь всего советского народа, нарушила и мирный строй жизни театров, поставила новые задачи перед работниками искусства.

Эту войну нельзя считать годами, ее надо считать днями и ночами, потому что 1418 дней и ночей каждый советский человек делал все возможное, а часто и такое, что не вмещалось в рамки человеческих возможностей, для разгрома фашистских захватчиков. Каждый помнит, что эта война — война за свободу нашей Родины, за то — быть или не быть нашему советскому строю. И мы, деятели театра, деятели искусства, были вместе со всем народом, нашли свое место в этой общенародной битве.

Малый театр эвакуировался в Челябинск, но я, пробыв там недолго, в начале февраля с бригадой нашего театра отправился на фронт. Честно говоря, я ехал и думал, что там, на фронте, не до артистов, что мы: будем в тягость, что, вероятно, надо помогать фронту как-то иначе. Как я ошибался! Для наших солдат мы были живой связью между страной и армией, в нас они чувствовали отношение к ним тех, кто трудится в тылу. Дружески сближаясь с солдатами, мы открывали для себя новые, подчас удивительные черты в характерах и поступках наших людей на фронте. Мы поняли, что на войне не бывает легких дней, что война — это не только подвиги, но и тяжелый каждодневный труд.

Первого убитого гитлеровского солдата, парня лет семнадцати-восемнадцати, я увидел в сорока километрах от Москвы. И, несмотря на суровую военную действительность, подумал о его матери в далекой Германии. Через час я рассказал о своих мыслях командиру части, в которую мы приехали.

— Несколько дней назад их здесь лежали сотни. Немножко теперь подобрали. Незачем им было приходить на нашу землю! — сурово ответил он.

Фронт стал настоящей закалкой для меня и моих товарищей-артистов. Неповторимые переживания глубоко западали в душу, обогащали новым постижением человека. Я заметил, что истинные герои войны отличались простотой и скромностью, говорили о совершенных подвигах как о необходимом и обыденном на войне.

Как-то я познакомился с добродушным и необыкновенно застенчивым человеком. «Ну, это мягкотел вроде меня», — подумал я. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что этот «мягкотел» — героический разведчик, что он проникнул в расположение противника, к самым отдаленным постам в его тылу и собственноручно убил пятьдесят фашистов.

— Неужели не боитесь, привыкли? — спросил я, пораженный сочетанием скромности и смелости в этом человеке.

— Да по-разному, — отвечал он, — вообще-то смотря по обстановке...

Так я начал понимать деловой и трезвый подход солдат и офицеров к героическим по сути и вместе с тем обыденным и будничным на войне делам.

Через несколько лет, репетируя роль матроса Шибаева в пьесе Вс. Вишневского «Незабываемый 1919», я вспомнил этого разведчика и постарался воплотить его «мягкотелую» непреклонность, умение сохранить чувство юмора даже в трагических ситуациях в образе матроса революции.

Группа артистов Малого театра, в которую я входил, дала на фронте более сорока концертов. На личные средства актеров была построена эскадрилья «Малый театр — фронту». Навсегда осталась в памяти церемония передачи самолетов летчикам, на которой присутствовал весь коллектив театра.

Советский народ выстоял в этой войне и победил. Мирная жизнь предъявила новые требования к искусству. Появилась огромная потребность в комедии, и комедия в те годы брала новый разбег.

Я много лет не снимался в кино и возобновил свою работу киноактера только в 1956 году. Этот перерыв объяснялся и годами войны и загруженностью в Малом театре. Я не был удовлетворен ни поставленными задачами, ни их разрешением в фильме «Безумный день», поэтому сразу хочется вспомнить о «Карнавальная ночи».

Фильм получился легким и веселым и был исключительно хорошо принят зрителем. В картине звучало много джазовой музыки, которая тогда была еще редкостью в нашем художественном кино. Было вообще много хороших песен, которые запомнились и оставались популярными долгие годы.

Фильм стал дебютом не только для актеров Л. Гурченко и Ю. Белова, но и для режиссера Э. Рязанова, который до этого работал кинодокументалистом. Рязанов оказался необыкновенно «легким» в работе с актером. Несмотря на молодость и неопытность, Эльдар Александрович раскрылся в этом фильме как режиссер, умеющий понять актера; как тонкий наблюдатель и психолог, умеющий заметить и выявить в каждом исполнителе самое важное для роли.

Сюжет «Карнавальная ночи» не был новым — как и в фильме «Волга-Волга», рассказывалось о самостоятельности, об извечном конфликте старого в лице бюрократа Огурцова, которого играл я, с новым и молодым. Но делался этот фильм с позиций своего времени. Несмотря на схожесть ролей Бывалова и Огурцова, мне кажется, я не повторил в этой роли черт Бывалова.

Лавры комика мне никогда не помогли, приходилось отстаивать свое право играть не только в комедии. Помню, как говорили: «Не надо бы ему играть Кутузова в фильме «Гусарская баллада», как бы не скомпрометировал». То же было и с Акимом в спектакле «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, опять же говорили: «Не его амплу!».

Для меня Аким не был неожиданностью. Не могу сказать, что я всю жизнь мечтал именно о нем, но пришел я к Акиму естественно и для себя лично закономерно. Аким, каким увидел его мы с режиссером Б. И. Равенских, прост и ясен. Его надо чувствовать и любить за богатую и нежную русскую душу, за чистоту и благородство помыслов, за истинно народную мудрость и простоту. Я считал всегда, что Аким — главный герой этой пьесы. Критика подтвердила, что мне удалось этого добиться в спектакле. «Главный герой спектакля «Власть тьмы» — Аким И. В. Ильинского», — писал критик Е. Поляков.

Через двадцать лет состоялся спектакль «Возвращение на круги своя» Друцэ, где я сыграл роль самого Льва Николаевича Толстого. Путь к этому образу был долгий, все эти годы он был со мной в сердце и мыслях. Ведь Толстой — это целый мир. Сотни вопросов вставали передо мной. Кое-кто предлагал играть без грима, но это значило бы ставить знак равенства между собой и Толстым. Я остановился на фотографически точном гриме. Главным для меня стало — раскрыть жизнь духа гениального русского писателя, сделать видной зрителю работу его мысли.

В долгих размышлениях над образом Льва Толстого пришло ко мне и особое видение мира и новое осмысление жизни и творчества. «Чтобы жить честно, — говорит Толстой в спектакле, — надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость!».

Без вечного беспокойства, недовольства собой не может быть художника.

Меня всегда привлекала работа режиссера. Мне довелось поставить в Малом театре такие разные по жанру спектакли, как «Ярмарка тцеславия» Теккерей, «Любовь Яровая» Тренева, «Госпожа Бовари» Флобера, «Ревизор» Гоголя. В прессе меня даже называли «молодой режиссер Ильинский», хотя эти работы я делал не так давно.

Я люблю работать на телевидении. Вместе с

телевизионным режиссером Сааковым был я сам себе режиссером в фильме «Эти разные, разные лица» по рассказам А. П. Чехова. Об этом фильме трудно рассказывать, его надо смотреть. Работа была экспериментальная, чрезвычайно сложная: ведь я играл больше двадцати ролей. Чтобы создать грим только для пяти персонажей, потребовалось около месяца поисков и кропотливого труда. При всем удовольствии от этой работы я считаю, что ей повредила спешка, не всегда были удачными съемки.

Среди множества фильмов, снятых на телевидении, есть фильмы «Ильинский и Зошченко», «Ильинский и Маршак». С писателями сблизила меня работа над художественным словом. Находил время для советов по наполнению моего «чтешего» репертуара К. И. Чуковский. Много лет мы дружим с С. В. Михалковым, не было басни, которую бы он мне не прочитал, выпуская в свет. Так что есть еще много интересных материалов для новых фильмов. И работу на телевидении и на радио я продолжаю с удовольствием. Мне дорога возможность общаться и разговаривать «по душам» посредством телевизионного экрана. Обращаешься как бы к одному зрителю, и вместе с тем этот единственный зритель превращается с помощью техники в многомиллионную аудиторию. И при всем этом не теряется интимность общения.

Я бы даже сказал, что в наше время телевидение создает популярность актерам. Многих своих младших коллег я по-настоящему узнал и оценил с помощью телевидения. Среди них А. Калыгин, Е. Евстигнеев, К. Райкин, Е. Симонова, М. Неелова и В. Гафт. Но больше всего меня интересует самое юное поколение актеров, которому предстоит строить наш будущий театр, по-настоящему освоить работу актера на телевидении. В этом плане мое внимание привлекают не только профессионалы, но и самостоятельные молодежные студии. Я близок знаком с Московским молодежным театром-студией на Красной Пресне. Ее главный и единственный режиссер Вячеслав Спесивцев в свое время в стенах Щепкинского училища год был моим учеником. В труппе его театра ребята от десяти до двадцати пяти лет, которые не только актеры, но и сами организаторы и создатели сложнейшей постановочной части. Сами делают декорации, шьют костюмы, не гнушаются работы по уборке своего театра, отвечают в нем за свет и тишину. Я думаю, что атмосфера такой студии способствует воспитанию высоких нравственных качеств актера. В этом театре не может развиваться ни карьеризма, ни зазнайства, а их я считаю совершенно неприемлемыми для любого художника и для актера, в частности. Актер никогда не придет на репетицию или спектакль неподготовленным, здесь не знают слова «протекция». К сожалению, в театре, где работаю я, такие вещи еще случаются. И я считаю своим долгом коммуниста не только с полной отдачей трудиться, но и подавать пример моральной чистоты, коммунистической нравственности, принципиально бороться с теми, кто преступает моральный кодекс коммуниста и гражданина нашей страны. Я знаю, что многим в театре не по душе мои критические выступления на собраниях, но я никогда не буду терпим к тем, кто подает дурной пример нашей молодежи. Своим первейшим долгом я считаю воспитание молодежи не только словами, а поступками, делами, личным примером. В партии я двадцать лет, избран в партбюро театра. Но беспартийным коммунистом считал себя уже давно, с тех пор, как начал играть в Театре у Мейерхольда, с тех пор, как узнал и сделал своим учителем Маяковского, который хотя и не был членом партии, был коммунистом всегда.

Я часто встречаюсь с молодежью, ей посвятил свою книгу «Сам о себе». Самое страшное для художника, да, по-моему, и для человека вообще, — отстать от жизни, остановиться на достигнутом, не уметь видеть завтрашний день.

Когда-то К. С. Станиславский назвал меня «актером-шалуном», но если бы я остался таким до седых волос, то перестал бы быть художником. Мой творческий путь шел рядом с моим возрастом, с изменением моей психики, вкусов, творческих поисков. И в каждом возрасте я держу экзамен перед временем, перед зрителем, перед самим собой. Такие экзамены не просто трудны, но порой и мучительны.

Недавно я удостоен звания лауреата Ленинской премии. Получая высокую награду Родины, я дал торжественное обещание достойно нести звание лауреата, охранять его всей своей художнической совестью до самой последней минуты моей работы и жизни. А для этого нужно быть актером, остро чувствующим свое время, в любом возрасте сохранять искренность, способность удивляться жизни. Сохранять молодость души.

Записала Заира ЕФИМОВА

На высоте!

О небе она мечтала с детства. Но так получилось, что спортивной-летчицей стать ей не довелось. А вот прыгать с парашютом ей разрешили.

Сегодня в областном авиационно-спортивном клубе имя парашютистки Лидии Горячевой хорошо известно. Более семисот прыжков совершила она. Кроме того, кандидат в мастера спорта подготовила около ста парашютистов-перворазрядников.

А на аллее Трудовой славы Калининского ордена Ленина хлопчатобумажного комбината каждый может увидеть портрет знатной ткачихи, депутата Верховного Совета СССР Л. В. Горячевой. Это та же Лида. Та же задорная улыбка, те же ясные глаза.

Делегат XVIII съезда ВЛКСМ, член обкома комсомола, ткачиха Горячева сегодня работает уже в счет 1983 года!

А в свободное время — аэродром, спортивный самолет и — ни с чем не сравнимое чувство парения в беспредельном небесном просторстве.

Воля, мужество и... женское обаяние — как прекрасно сочетаются они в Лидии Горячевой!

Виктор ТУРЬЯН

Фото Ивана ЖЕРЕБЯТЬЕВА

ТВОРЧЕСТВО

МОЖНО ЛИ ЗАОЧНО НАУЧИТЬСЯ ИСКУССТВУ?

В иные дни по адресу: Москва, Армянский переулок, 13, Заочный народный университет искусств — приходит до тысячи писем. Читаешь и удивляешься необычности сообщений. Так, добрая половина почты может подробнейшим образом рассказывать, как правильно накладывать грим, а другая — что такое композиция в фотоделе. На музыкальном факультете давно стало практикой присылать домашние задания, записанные на магнитофонные ленты.

Заочный народный университет искусств ведет своих слушателей от простого к сложному. Незаметно для себя преодолевают они одну ступень за другой в постижении прекрасного. И часто бывает, что слушатель, закончив один факультет, поступает на другой. Сегодня в университете пять факультетов. Но постоянно открываются новые. Недавно появились кинофотоведческий и хореографический.

За четверть века ЗНУИ принял более трехсот тысяч слушателей. Многие продолжают заниматься своим любимым делом и до сих пор. Они постоянно поддерживают связь с университетом, его преподавателями.

Учиться по переписке нелегко. И университет ищет новые формы работы, чтобы повысить эффективность своего обучения. Специально созданные здесь учебники и учебные пособия по живописи, фотоделу, театральному искусству, музыке пользуются у аудитории большим спросом. Они удобны в работе, помогают быстро и качественно справиться с домашними заданиями. Кстати, набор учебников и звучащих учебных пособий-пластинок, магнитофонных лент каждый слушатель, поступивший в университет, получает в обязательном порядке.

Но сколь ни важны и уникальны учебники ЗНУИ, которыми университет гордится по праву, по-прежнему основной фигурой в обучении остается педагог. Учитель. Да, заочный, да, по переписке... Но почитайте письма, которые приходят в ЗНУИ. Только ли выполненные домашние задания в них? Далеко не так. Ученик просит совета у учителя, делится с ним радостью — рождением внучки, поступлением в музыкальный институт. Случается, что письма и огорчают. Трудности, сложности — не могу у вас учиться, вынужден прекратить занятия. И заочные учителя помогают, подбадривают. Смотришь, и проходишь пора неудач. А потом приходит в университет письмо, в котором добрые слова благодарности.

Слушатели университета принимают участие во многих всесоюзных и зарубежных выставках, конкурсах. Они завоевывают звания лауреатов, медали и грамоты победителей.

Как-то в небольшом уральском городе Ирбите попала я на выставку местного самодеятельного художника. Познакомилась с автором, Анатолием Андрияновичем Стихиным, который работает наборщиком в типографии. Поинтересовалась, где учился.

— Закончил Заочный народный университет искусств в Москве, — без гордости сказал рабочий. — Собираюсь съездить и познакомиться со своим учителем лично. Без его поддержки вряд ли я начал бы рисовать...

Людмила КОХАНОВА,
кандидат филологических наук

ЩЕДРЫЙ ДУБ...

Пятьдесят лет назад сочинский лесхоз получил из-за границы необычную посылку: желуди пробкового дуба. Платили за них тогда золотом. Кудепстинское урочище оказалось самым подходящим местом для «иностранца». Здесь, в русских субтропиках, и высадили семена никому дотоле не ведомого заморского дуба. А через восемнадцать лет уже «сдирали» первый урожай — толстый слой упругой и мягкой коры, из которой делают обычную пробку.

Поначалу рабочих-лесоводов смущали ободранные стволы деревьев. «Посохнут наверняка!» — сокрушались они. Но напрасными были опасения: пробковый дуб прекрасно питается особым камбиальным слоем, что скрыт под корой.

Заморский гость отлично прижился на сочинской земле. И даже дал необычное потомство: его ростки привили к русскому листопадному дубу. И получили плантации отличных пробконосных деревьев, более стойких, привычных к нашим условиям.

Около двух веков живет пробковый дуб. Каждые десять лет дает щедрый урожай коры.

Только за год получаем мы от этого дуба пятнадцать с лишним тонн ценного сырья. А кроме того, желудей, которые придают кофе особый, изысканный привкус.

Яков ПОНОМАРЕНКО,
агроном
Фото Игоря ГРИГОРОВА

НАУКА — УРОЖАЮ

СОЛНЕЧНАЯ... МАТЕМАТИКА

Для осуществления реакции фотосинтеза нужно примерно 400 килокалорий солнечной энергии, из которой теоретически 28 процентов может быть запасено в углеводах. На деле же КПД фотосинтеза и того меньше — около 3 процентов. Значит, если нам удастся увеличить коэффициент по-

лезного использования растением солнечной энергии, это может оказаться равноценным повышению урожая в 5—10 раз!

Но солнце ведь не электрическая лампочка, мы не в силах регулировать режим его излучения... И все-таки, по мнению ученых одной из лабораторий Института астрофизики и физики атмосфер АН ЭССР, которой руководит доктор физико-математических наук Юхан Росс, система «растение — солнце» может и должна работать эффективнее. Ведь распределение солнечной радиации на поле во многом зависит и от «архитектуры» посева — густоты, высоты растений, геометрии их размещения, угла наклона листьев по отношению к солнечным лучам... И вот эти-то величины мы менять в силах.

Как это сделать? Каковы должны быть изменения в том или ином конкретном случае?.. Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, советскими учеными сконструированы приспособления для быстрого и точного замера площади листьев, угла их наклона и ориентации в пространстве. Созданы также приборы, которыми можно производить измерения спектрального состава и интенсивности солнечной радиации — как непосредственно на поле, так и дистанционно, с

вертолета... А главное, эстонскими учеными разработана математическая модель формирования урожая. Она содержит три блока: гидрометеорологический, биофизический, физиологический.

Пока еще далеко не все параметры математической модели известны ученым заранее. Поэтому и о точных результатах говорить еще рано. Но определенные рекомендации специалисты дают уже сейчас. К примеру, не так давно были созданы карты суммарной фотосинтетической радиации по всей территории СССР. Агрономы теперь знают, какое количество солнечной энергии могут получить растения в данном районе. Значит, появилась еще одна возможность более обдуманного отбора сельскохозяйственных культур для посева.

Делают ученые и вероятностные прогнозы будущих урожаев с довольно высокой точностью — ошибка составляет не более 3—5 процентов от истинной величины. А это дает возможность, в свою очередь, заранее спланировать необходимое количество железнодорожных вагонов и автомашин для вывозки сельскохозяйственных продуктов, емкость складов, которые понадобятся для их хранения.

Станислав НИКОЛАЕВ

НА ЗЕМЛЕ ТЮМЕНСКОЙ...

В Сибирь — с берегов Невы

Ленинградские строители уже давно не гости на земле сибирской. Это их руками построены многоэтажные корпуса в Северобайкальске на трассе БАМа.

Вот и сейчас в возведении Нового Уренгоя, самого молодого города страны, участвует ленинградская комсомолья. Лучшие молодые рабочие и их наставники приехали сюда. Их направил на стройку координационный совет, созданный при Ленинградском обкоме партии. Совет спланировал работу всех предприятий и организаций города на Неве, участвующих в приполярной стройке. А объединение «Севзапмбель» уже освоило выпуск удобного комфортабельного жилья для строителей.

«СКОРЫЕ ПОМОЩЬ» — КАСПИЮ

Двадцатая часть волжской воды теряется в раскаленных песках за Краснодарском: ревуший поток, объемом которого достаточно для водоснабжения Горького, Куйбышева, Саратова, испаряется под жгучим солнцем еще на подступах к заливу Кара-Богаз-Гол. В густом сернистом рассоле — рапе — гибнут беззащитные косяки осетров, кефали, каспийские тюлени.

И вот положен предел этому расточительству природы. На отметке 26 метров встала земляная перемычка, перегородившая пролив между Каспием и Кара-Богаз-Голом. Длинной двести пятьдесят и высотой шесть метров она наглухо замкнула барханные берега.

— Следующий этап, — объясняет главный инженер проекта П. Осокин, — накрыть плотину так называемым битумно-гравийным плащом, чтобы закрепить пески.

Заботой о будущем Каспия продиктовано решение перекрыть пролив. Достаточно сказать, что с тридцатых годов уровень моря понизился на 2,6 метра. А падение уровня всего на 10—20 сантиметров перемещает кромку берега более чем на сто метров. В результате сокращаются площади нагула ценных рыб, возникают отмели на судоходных трассах. Угроза Каспию тем реальнее, что растет потребление воды на нужды развивающегося сельского хозяйства и промышленности в бассейнах

Волги, Терека, Урала. Как-никак, а с начала века залив поглотил столько воды, сколько хватило бы, чтобы заполнить три Азовских моря!

Перекрытие залива обосновано и соображениями экономическими. Для спасения Каспия и Азова на юг надо было бы направить часть стока северных рек. Но, по расчетам проектировщиков, чтобы компенсировать потери Кара-Богаз-Гола на испарение каспийской воды, следовало бы израсходовать свыше пятисот миллионов рублей. Строительство же плотины обошлось в пятьсот раз дешевле.

При этом Каспию была оказана немедленная «врачебная» помощь.

Алим КУЧУШЕВ,
руководитель пресс-службы
Министерства мелиорации
и водного хозяйства СССР

А ЧТО
У
ВАС?

МУЗЕИ

ЭКСПОНАТЫ НА КОЛЕСАХ

В составе агитпоезда ЦК ВЛКСМ на трассе БАМА работал необычный вагон-музей. Сотрудники Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея предложили баумцам уникальные экспонаты: коллекцию монет Екатеринбургского и Сузунского монетных дворов, художественные изделия из камня и меди, старые акварели и древние книги... Подобный вагон-музей первый в стране. А в витринах — подлинные экспонаты.

ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ

...И снова — о легендарной «Ангаре»

«Смена» уже писала о том, что комсомольцы Иркутска решили превратить ледокол «Ангара» в необычный корабль-музей. Но доброе начинание, к сожалению, пока что не находит должной поддержки. Об этом нам писали читатели-иркутяне. И вот снова тревожное письмо. «Помогите спасти «Ангару», — пишет в редакцию Галина Егорова. — Если бы вы видели, в каком она сейчас состоянии! Из воды торчит только нос корабля и трубы. Остальное все затоплено...»

Мы опять связались с Иркутским обкомом комсомола. И получили официальный ответ за подписью первого секретаря А. Орлова: «...Решением Иркутского облисполкома ледокол «Ангара» признан историческим памятником. ...В настоящее время соответствующими службами проводятся водолазные работы по подъему кормовой части ледокола».

И все же неясно, когда «Ангара» станет кораблем-музеем. Это беспокоит иркутян, отлично знающих и ценящих героическое прошлое славного ледокола.

Это беспокоит и редакцию журнала.

УВЛЕЧЕНИЕ

КОРАБЛЬ... В БУТЫЛКЕ

В старинной бутылке зеленоватого стекла, которая когда-то называлась штофом, подним паруса, туго натянув изящные кливера, скользит по морским волнам чайный клипсер «Катти-Сарк».

Длина его — двенадцать сантиметров. Как он попал в бутылку, может ответить только его создатель — Михаил Ашполиаринович Михайлов. Как всякий одессит, он любит море, корабли.

Увлечение уникальным моделированием началось более 20 лет назад. Первенцем был четырехмачтовый барк «Товарищ». С тех пор Михайлов создал более 150 моделей различных парусных кораблей: легендарная каравелла Колумба «Санта-Мария», русский линейный корабль «12 апостолов», один из крупнейших барков в мире пятимачтовый «Потосси»...

Некоторые из его моделей экспонируются сейчас в Музее морского флота СССР в Одессе.

Творчество М. Михайлова поистине уникально. Ведь в модели любого парусника несколько сотен мельчайших ювелирных деталей, и, чтобы поместить парусник в бутылку, горлышко которой намного уже, чем его корпус, он проводится туда по частям. И только там с помощью специальных, почти хирургических инструментов склеивается, на корабле поднимаются мачты, натягиваются паруса. Мастером движет вечное стремление человека сделать, казалось бы, невозможное.

Роман БОРИСОВ
Фото автора

СТРАНИЦЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

«ЗА ОСОБЫЕ ЗАСЛУГИ»

Разный, очень разный, порою просто полярный смысл вкладывался в эти слова в разные времена и в разных странах. И только истории было дано объективно судить о подлинности и мнимости тех или иных заслуг. Но тем не менее, не дожидаясь «исторического суда», по собственному разумению даровали государи и правители своим героям особые награжденные знаки. В XVIII—XIX столетиях эти знаки повсеместно стали называться привычными для нас сегодня словами — ордена и медали.

Но задолго до этого, раньше, чем в других странах, обычной массового награждения участников военных походов существовал в Киевской Руси. Тогда наших предков за военные подвиги одаивали золотой шейной гривной. В XV—XVI веках появляются особые награжденные знаки — прабабушки современных медалей, которые получали все без исключения участники события, с одной лишь разницей — чем выше положение награжденного, тем большая по размеру и весу доставалась ему медаль.

Первый же «настоящий» русский орден — орден святого апостола Андрея Первозванного — был учрежден Петром I и должен был выдаваться «...в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям». Жаловалась эта награда весьма скупо. За всю петровскую эпоху андреевскими кавалерами стало менее сорока человек. До нашего времени дошла лишь одна андреевская звезда, принадлежавшая Я. В. Брюсу, который во время Полтавской битвы командовал всей русской артиллерией. Она сейчас хранится в Историческом музее в Москве.

Во времена того же Петра I появился женский орден — «Орден Освобождения». Сию награду получали придворные дамы из ближайшего окружения императора или императрицы. Тем не менее известен случай, когда обладателем женского ордена стал мужчина — тринадцатилетний сын А. Д. Меншикова, Александр, награжденный за

необычайно застенчивый «женский» характер.

Что ж, есть ордена, вызывающие сегодня улыбку, но есть и такие, которые заставляют снять шапку перед подвигами их обладателей. Знаменитые солдатские «георгии». Лишь человек незаурядной храбрости мог стать обладателем «полного банта» — всех четырех степеней георгиевского креста. Однако истории известен случай нарушения статута этой награды — награждение солдата пятью крестами. Аввакум Волков полным георгиевским кавалером стал еще в русско-японскую войну. Но в 1914 году был снова призван в армию и отличился в первом же бою — захватил вражеское полковое знамя. За это он удостоился еще одного креста первой степени и стал единственным в истории русской армии «сверхполным» георгиевским кавалером.

Небольшой штрих из более поздней истории — одним из сотен тысяч советских солдат, сражавшихся с фашистами, был кавалер двух георгиевских крестов С. Кузин, за подвиги в Великой Отечественной войне награжденный также двумя орденами Славы. А полный георгиевский кавалер, донской казак К. Недорубов стал Героем Советского Союза.

Первым советским орденом стал учрежденный в 1918 году орден Красного Знамени РСФСР. Кавалером ордена Красного Знамени РСФСР № 1 был выходец из крестьянской семьи, бывший слесарь, 28-летний красный командир Василий Блохер.

По примеру РСФСР ордена были учреждены во многих советских республиках. История этих наград — забываемые страницы летописи становления Советского государства.

В 1924 году, после учреждения общесоюзного ордена Красного Знамени, награждение республиканскими орденами было прекращено. Сейчас в нашей стране 19 орденов, которыми рабочие и ученые, крестьяне и писатели, воины и художники награждаются за особые заслуги перед первым в мире социалистическим государством.

Валерий ОРЛОВ

— Этого я не говорил. А в «Белый гусар» я тебя не поведу. У меня есть на то вполне обоснованные причины.

— Ты можешь мне сообщить эти причины?

Джулиано просит не мучить его допросом, даже ехидно советует переменить профессию: ремесло следователя мне явно не подходит. Мне не хочется с ним ссориться.

— Ты сам виноват: попал в беду и позвал меня. Чтобы помочь тебе, я должен познакомиться с антуражем.

— Это невозможно, слишком опасно,— вмешивается Анджела.

— Опасно для тебя или для Джулиано?

— Для Джулиано.

Джулиано поднимается, выходим.

— Мне надо показаться,— криво усмехаясь, говорит он,— если я там не покажусь, могут заподозрить.

— В чем заподозрить?

Анджела тянет его за собой, и Джулиано не отвечает мне.

Они прощаются со мной, садятся в роскошный «Ягуар», на которых ездят разве что финансовые тузы, нельзя себе даже представить, чтобы честный труженик мог приобрести такую машину. Может быть, это подарок Анджелы? Или Бианки Виери?

«Ягуар» рвет с места и устремляется по направлению к площади Кавур.

Я залезаю в свой «Фольксваген».

Влажный ночной воздух, проникающий в машину через опущенное стекло, обостряет мою интуицию. Медленно кружу по центральным улицам, монотонный шум мотора развевает чувство одиночества, помогает думать.

Подвожу итоги и обнаруживаю, что результаты очень скромны: Сабина работала в кабаре Эрнесто Виери. Называется кабаре «Белый гусар». Вот и все. На площади Скала покупаю газету «Нотте». В рубрике спектаклей ищу адрес ночного заведения. На первой странице газеты траурными большими буквами сообщается, что в кустах акации у железнодорожной насыпи обнаружен труп девушки двадцати четырех лет, убитой неизвестно кем. В статье говорится о патруле, возглавляемом бригадиром Доменико Сильвестри, имена двух агентов не упоминаются; первым на место преступления прибыл функционер полиции Клелио Финати; тело было обнаружено при прочесывании зоны.

Описание почти соответствует действительности, отсутствие моего имени меня не обижает.

Размышляю о том, стоит ли идти в ночное кабаре, и тут же решаю, что не стоит: Джулиано сказал, что это опасно. Я видел по его глазам, что он не лгал, глаза Джулиано не умеют лгать.

Кружу по площади Дуомо, очень медленно, лишь бы убить время. Настроение у меня плохое, болит голова, сворачиваю по направлению к Порта Витториа, увеличиваю скорость, невольно возвращаюсь в свою зону между бульваром Аргонне и Ламбрете — охотничий заповедник, в котором мне всегда не везет.

Ненавижу эти районы. Деревья стгибаются под внезапными потоками ливня, асфальт блестит как китовая кожа, проходит парочка под зонтиком, бар-пиццерия* на улице Инама спускает железные ставни, и я убеждаюсь, что зря потерял вечер.

Агент Сандри всегда на чеку, советует мне забыть о делах, которые не под силу, все уши прожужжал, что давно пора спать, ведь всего три часа осталось до начала дежурства.

Часы показывают 0.01, начинается новый день, преступно прятаться от него, забываясь в свою берлогу. Возвращаюсь домой, ложусь и первый раз в жизни испытываю, что такое бессонница, двадцать раз зажигаю и тушу свет, умываюсь, путаюсь ногами в брошенном на пол белье, выглядываю в окно.

Прочитываю еще раз заметку о смерти Сабини Сирны, меня бросают в дрожь и в жар последние строки: «Волна преступлений снова ширится в Милане. Почти каждый день мы узнаем о пролитой крови. Ни дня без преступления. Живем в ожидании убийства завтра ночью».

Звонит телефон. Три шага в темноте. Поднимаю трубку.

Просто и невыразительно Анджела сообщает мне, что Джулиано умер.

Снова одеваюсь. Несусь по пустым улицам центра города, перед глазами качаются фонари.

Джулиано лежит на лестнице между первым и вторым этажом, где его нашла Анджела. Лежит в неестественной позе лицом вниз, голова и руки болтаются в пролете. Он хорошо знал, какую опасность представляет лестница без перил. Или был пьян, или его столкнули.

Смотрю в лицо Анджелы, но не вижу ее. Она тоже смотрит на меня, освещая мое лицо фонариком.

* Пиццерия — тип закусочной, в которой подается национальное итальянское блюдо «пицца».

Рисунок
Аллы
СОЛОВКИНОЙ

7

Анджела рассказывает: она поднялась первой. Джулиано сказал, что хочет пройтись вокруг дома.

— Я была в ванной, услышала шум, еще мокрая, выглянула в окно. Потом выскочила на лестницу, позвала его.

Джулиано лежал на ступенях, сперва ей показалось, что он без чувств, увидев кровь, она вернулась в квартиру, чтобы позвонить мне.

— А в полицейский участок?

— Я позвонила туда. Сначала тебе, потом им.

Спрашиваю у нее, как это возможно, чтобы в недостроенном здании лишь в одной квартире был включен свет, пущена вода, установлен телефон? Когда есть протекция, все возможно. За нее похлопотали.

Прибытие полиции прерывает наш разговор.

По лестнице поднимаются четыре агента с бригадиром, за ними двое в штатском, последним появляется представитель судебной власти. Один из агентов несет прожектор, соединенный кабелем с машиной. Начинается ритуал расследования.

Судейский перебирает документы, найденные в кармане Джулиано, спрашивает удостоверение личности у Анджелы, потом обращается ко мне:

— А вы что здесь делаете?

Предъявляю удостоверение агента уголовной полиции.

— Если он был твоим другом, ты можешь нам пригодиться,— переходит он сразу на ты.

Устанавливают, что Джулиано упал или кто-то его сбросил с пятого этажа, покатились вниз по ступенькам и застрял на середине нижнего пролета; следы на ступеньках показывают, как это произошло. Поднимаюсь вместе с ними, на площадке пятого этажа отсутствуют перила. Бригадир говорит о халатности строительной компании.

В свете прожектора замечаю пятно на светлом платье Анджелы. Это, конечно, ничего не значит, но химики в лаборатории будут исследовать это пятно, не кровь ли это. Анджеле предлагают передать свое платье бригадире. Получаю разрешение подняться с ней вместе.

Анджела переодевается, я наливаю немного виски. Вижу в зеркале свое лицо, бледное, без кровинки, отворачиваюсь к окну, за которым нет ничего, кроме тумана и дождя.

— По одному преступлению в день!— говорю громко, из соседней комнаты Анджела спрашивает, что я сказал.— Ничего особенного.

Анджела возвращается в темном платье. Я вижу ее словно впервые, и напоминает она мне статуетку ацтеков.

— У тебя есть хоть какое-то предположение?

— Никакого... Клянусь тебе.

Продолжает лгать, словно Джулиано еще жив. Она не плачет, вероятно, еще не осознала, что Джулиано умер на лестнице дома в нежилом районе, во многих километрах от центра города.

— Я была в двух шагах от него.
— Но на десятом этаже. Убийца должен был хорошо знать и этот дом и вас.

— Кого нас?

— Тебя и Сабину.

Давай глоток виски, чтоб поддержать силы.

— Ты уверен, что его убили?

— Два человека, молодых, здоровых, в течение двух суток падают в одном и том же месте, с одной и той же лестницы... перестань, наконец, разыгрывать комедию!

Никак не могу понять, притворяется она или нет, у нее такой вид, словно предположение, что и Сабину сбросили в проем лестничной клеточки, поразило ее. Неожиданно Анджела спрашивает:

— Думаешь, меня могут обвинить?

— Вполне возможно, хотя и не знаю, по какой причине. Ты же была его подругой, разве не так? Давай подумаем вместе: какая у тебя могла быть причина избавиться от Джулиано? Подскажи мне сама, почему ты могла бы совершить преступление? Смотрю на ее руки и плечи.

— Ты девушка высокая и крепкая, конечно, сильная.

Она не удивляется и не протестует. Пользуюсь ее молчанием, чтобы сказать: я хочу, чтобы она ввела меня в кабаре «Белый гусар».

Анджела говорит, что охотно это сделает, но тут же начинает бормотать, что, мол, только полиция ее отпустит, она уедет из Милана, может быть, даже из Италии. И уедет не одна, вместе со Стефано Платани. Они уехали бы вместе и в том случае, если б Джулиано был жив. Вот тебе и на!

Анджела жестока в своей искренности, меня мучает мысль, что девушка, в которую был влюблен Джулиано, собиралась цинично и хладнокровно бросить его.

— Джулиано любил тебя?

— Думаю, да.

— А ты?

— Думаю, что да.

Мне становится жарко.

— Ты была влюблена в Джулиано, да или нет??

— Это не имеет никакого отношения ко всей этой истории.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

То, что вчера называлось «Площадь Республики», сегодня называется «Площадь Революции»; то, что вчера называлось «Аэропорт Лас-Мерседес», сегодня называется «Аэропорт Аугусто Сесар Сандино»; то, что вчера называлось «Дом Луис Сомоса», сегодня называется «Дом Рикардо Моралес Авилес»... Такие сообщения в течение дня то и дело можно услышать на волне одной из радиостанций Манагуа. Диктор произносит их необычно, голосом, скорее похожим на голос сказочника из детской передачи. Тем самым он как бы подчеркивает особый смысл перемен, стоящих за каждым из вещаемых известий, магическую значимость для страны таких обыденных понятий, как «вчера» и «сегодня». Они словно разделившие два берега части раз и навсегда разведенного моста. На одном берегу, вчерашнем, остались тьма, невежество, нищета, эксплуатация и террор. Другой, сегодняшний, озарился надеждой на прекрасное завтра, лишенное кошмаров прошлого. После трех-четырех сообщений диктор неизменно обращается к слушателям с просьбой информировать радиостанцию о появлении новых названий, и те звонят, пишут, помогают пополнять эту растущую изо дня в день и в самом деле многозначительную коллекцию.

Многое меняется в Никарагуа, и такие радиозаставки — всего лишь поверхностное отражение перемен, пришедших в страну с падением диктатуры. Люди не хотят ходить по улицам, жить в домах и учиться в школах, носящих названия, связанные со вчерашним днем, имена тех, кто десятилетиями жил за счет их страданий, голода и бесправия. Низвергая бронзовые статуи прежних властителей Никарагуа, выкидывая на свалку таблички с ненавистными именами, народ тем самым подводит символическую черту под целой эпохой. Так на картах городов возникают «новые» улицы, площади и районы, а имена людей, еще недавно числившихся в списках «государственных преступников», за головы которых сомосистская охранка готова была выложить карателям или платным доносчикам тысячи кордов наличными, ныне гордо украшают стены домов и светящиеся вывески на площадях. А в местах, где, сражаясь с диктатурой, пали славные сыны Никарагуа, поднимаются скромные, утопающие в цветах временные обелиски.

Переименовать улицу, дом, школу в общем-то нетрудно. Гораздо сложнее изменить образ мыслей людей этой улицы, поставить с головы на ноги уклад жизни человека, живущего в доме с новым названием, дать новые духовные ценности сидящим за партой ученикам.

Никарагуанским революционерам досталось тяжелое наследство — разруха, голод, почти 60-процентная неграмотность населения. Возродить страну, сделать ее подлинно свободной и независимой, культурной и процветающей можно только совместными усилиями всех. Поэтому одной из важнейших задач руководители революции считают формирование у людей передового сознания, принципиально нового отношения к своей родине, к общему делу, к своему рабочему месту и месту каждого в рядах строителей новой жизни.

Но ломка старых взглядов на жизнь, укоренявшихся десятилетиями предрассудков, не может произойти мгновенно. Тем более в такой ранее отсталой стране, как Никарагуа. Об этом у меня был долгий разговор с первым секретарем провинциального комитета Сандинистского фронта национального освобождения Манагуа, легендарным боевым командиром Дорой-Марией Тельес. Ей 24 года.

— Представь себе, — рассуждала она, — швейную фабрику и работницу, которая, скажем, шьет рукава для рубашек. Одни и те же рукава по 8 часов в день — и так 300 с лишним дней в году на протяжении 20 лет. Скучно, не так ли? Я говорю об этом потому, что знаю эту проблему, был у меня подобный случай на одной из фабрик. Так вот, после 20 лет такого монотонного труда на чужой для нее фабрике настает день, когда швея, изготавливая этот несчастный рукав, вдруг должна осознать, что делает его не только для того, чтобы получить несколько кордов, а чтобы люди ее страны были хорошо одеты и довольны. Но и этого мало. Она вдруг должна понять, что и от качества ее работы сегодня зависит благосостояние народа, его настроение, что производить как можно больше рукавов — дело ее чести, трудовой подвиг, что это значит — работать на революцию. Не каждый способен все это понять, по крайней мере сразу. Очень это сложный процесс. Чтобы он начался и успешно развивался, революция должна произойти в сознании каждого отдельного человека. И она происходит. Возьми хотя бы газеты, — продолжает Дора-Мария. — Сколько они пишут сейчас о трудовом героизме, о том, как рабочие в городе или в деревне добровольно и бесплатно восстанавливают и ремонтируют технику, расчищают развалины, пускают в ход

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ
КОМИТЕТА СФНО ПРОВИНЦИИ МАНАГУА.
ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ НИКАРАГУА.
ЛЕГЕНДАРНАЯ «КОМАНДАНТЕ ДОС»
ДОРА-МАРИЯ ТЕЛЬЕС.

НИКАР

сломанные или брошенные безважными из страны прежними хозяевами машины и трактора, открывают магазины и целые фабрики. Все это прекрасные примеры совершенно нового поведения человека в обществе и на производстве, которое он уже не считает враждебным себе.

Дора-Мария делает паузу. Не в поисках подходящих к месту, более убедительных слов — говорит она прекрасно. У меня создалось впечатление, что эти минутные паузы необходимы ей, чтобы оглянуться назад, сверить себя и свое сегодняшнее кредо со всей прожитой жизнью. Так и сейчас, совершив этот, похоже, правильно понятый мной «экскурс» в прошлое, она замыкает свою мысль:

— Да, это очень важная победа. Ради нее стоило бороться, рисковать и побеждать.

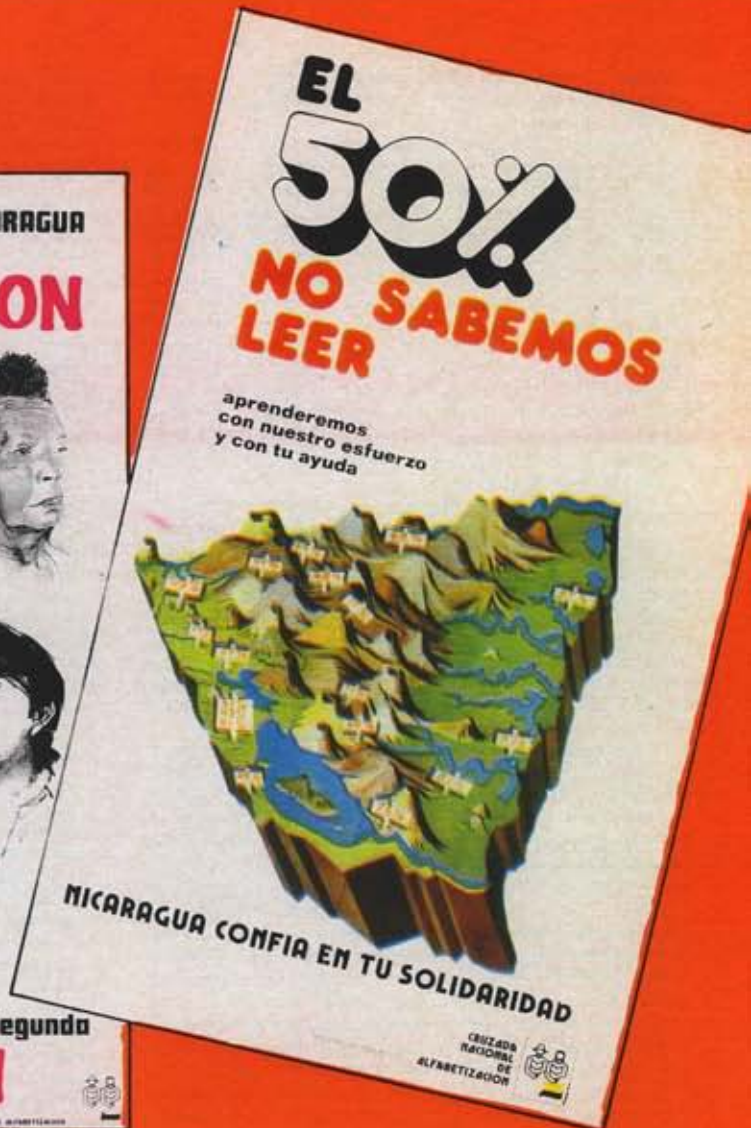
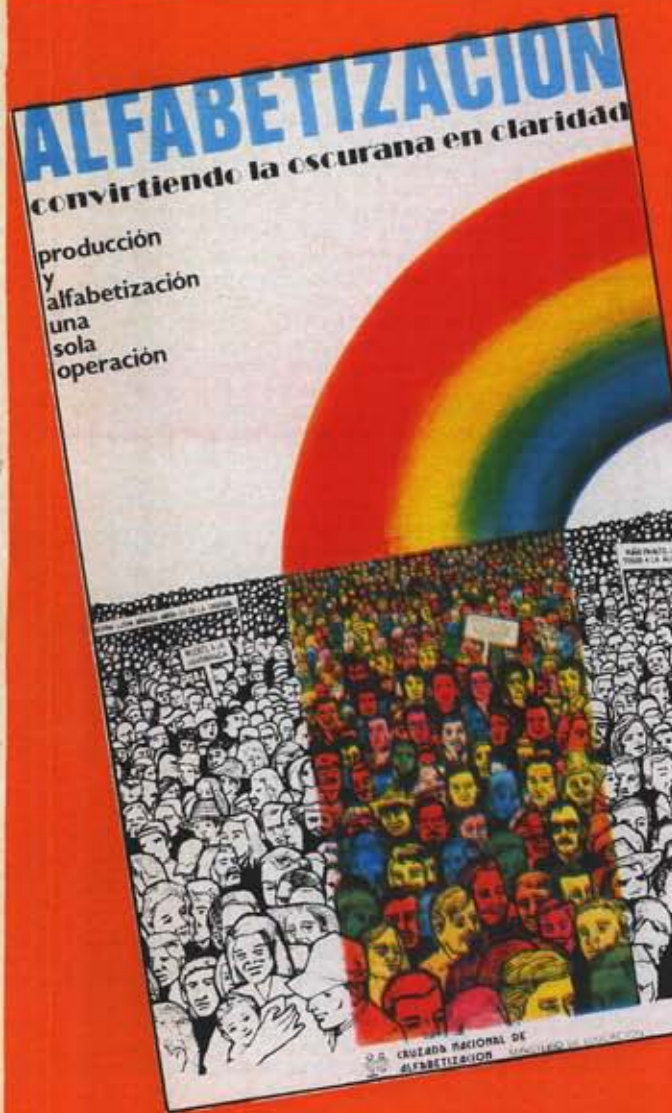
— Скажи мне, — спрашиваю я ее, — были случаи, когда твои аргументы не доходили до аудитории или до конкретного собеседника? Ведь сознание у людей разное, и убедить человека, повести его за собой — дело нелегкое, тонкое и деликатное.

— Случаи такие были, хотя и не часто. Как правило, мне удавалось убеждать. Самые обидные случаи были с молодежью. Представляешь, у нас

**vencimos en la
insurrección
venceremos en la
alfabetización**

JUVENTUD SANDINISTA 19 DE JULIO

**«ПОБЕДИЛИ В ВОССТАНИИ,
ПОБЕДИМ В БОРЬБЕ С НЕГРАМОТНОСТЬЮ» —
ТАКОВ СЕГОДНЯ ЛОЗУНГ
МОЛОДЕЖИ НИКАРАГУА.**

АГУА: МИРНЫЕ БАРРИКАДЫ

появились отдельные молодые люди, почему-то решившие, что раз революция победила, то они имеют право на все, и теперь только давай и давай им, что они пожелают... Рановато. Революция только начинается. Я, например, уверена, что человек, считающий себя достойным всего, не знает цену ничему. Такой вырастет инквиденцем, черствым и эгоистичным, будет потерян для общества. Трудно мне с такими. Я их не понимаю, а они не понимают меня. Им не по душе моя позиция, мои аргументы, мой опыт. Ну, что тут поделаешь! — Она разводит руками. — Хорошо, что таких единицы. И я, признаюсь, не теряю надежды добраться до их сокровенных струн душевных.

ГИМН АЛЬФАБЕТИСАДОРОВ

Еще в ноябре 1966 года, обращаясь к народу, СФНО призывал: «На борьбу, братья-никарагуанцы, на борьбу за землю, работу, за культуру!» Последние слова не случайно оказались в этом призыве. Нельзя изменить общество, не изменив живущих в нем людей, не создав нового человека. Борьба за этого человека, за его культуру в самом широком понимании этого слова ведется сегодня не менее серьезно, чем совсем недавно борьба против человеконенавистнического режима Сомосы. Разорвать узды старых привычек и предрассудков, раскрепостить созидательную инициативу масс непросто. Где-то это приходит само собой, на волне революции, и таких фактов множество, но где-то приходится долго и упорно бороться, разъяснять и убеждать, преодолевая сопротивление враждебной революции пропаганды.

— На пути к победе мы много разрушали, — говорит член секретариата СФНО Карлос Каррион. — Теперь надо восстанавливать, строить, учиться и учить. Подавляющее большинство населения категорически

отвергло все, что десятилетиями адалбливалось в умы сомосистской пропагандой, построенной на слепом пресмыкательстве перед империалистической «массовой культурой», на культе насилия и низменных страстей, на полном отрицании всего революционного, прогрессивного, даже национального. И мы, сандинисты, практически стали святы на чистом поле. Новая духовная пища не могла быть «какой-нибудь». Ее надо было готовить планомерно и целенаправленно и начинать с самых азов. Мы начали с борьбы с неграмотностью.

В гимне альфабетисадоров — тех 170 000 добровольцев, что сейчас, рассыпавшись по всей стране, ведут бой за всеобщую грамотность населения, есть такие слова: «Воздвигнем баррикады из классных досок и тетрадей». Именно так квалифицируют сандинисты битву за превращение своей родины во «вторую территорию Америки, свободную от неграмотности».

Основатель СФНО Карлос Фонсека Амадор однажды сказал, обращаясь к товарищам по оружию: «Прежде чем вручить человеку винтовку, научи его писать». И если в те годы винтовка все чаще вытесняла из рук партизан карандаши и тетради, то теперь, когда кошмар тирании остался позади, сандинисты могли вновь во весь голос бросить свой призыв учить и учиться.

— При Сомосе все образование было сориентировано на сохранение в неизменности системы угнетения и эксплуатации, на ее воспроизводство и на культивирование идеологии, стоящей на страже этой системы, — рассказывал мне координатор кампании алфаветизации 46-летний священник Фернандо Карденаль, брат министра культуры. — Доступ к знаниям был ограничен. Сомоса сознательно держал народ в темноте. Обучать простых людей грамоте считалось при нем таким же преступлением, как и посягать на основы его режима. Право на образование распространялось лишь на узкий круг привилегированных семей. Революция же наша была совершена ради всего народа, ради его освобождения. Планы алфаветизации мы начали разрабатывать задолго до

КУРСАНТЫ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ АЛЬФАБЕТИСАДОРОВ.

победы, и уже через две недели после свержения диктатуры мне поручили вплотную заняться организацией крусады¹.

— Величие алфаветизации может понять только человек, живущий в свободной стране, — как бы дополняя сказанное Карденалем, говорит молодой заместитель министра образования Мигель де Кастилья. — Только в свободной стране, где внимание государства сфокусировано на человеке и его интересах, можно осуществить такую грандиозную программу. «Крусада» обойдется нам более чем в 20 миллионов долларов. Цифра колоссальная, если иметь в виду экономические трудности, переживаемые нашей страной. Однако мы идем на эти затраты. Так же, как в свое время Советская Россия, как революционная Куба. Потому что всеобщая грамотность даст нам такую «прибыль», которую сейчас даже трудно подсчитать. И многочисленные затраты окупятся с лихвой в самый короткий срок.

— Я слышал, что «крусада» — только начало...
— Совершенно верно. Она первый вал. За ним неизбежно последуют второй и третий. Ведь алфаветизация создает целую армию взрослых людей, которые потянутся к среднему, профессионально-техническому, а затем и к высшему образованию. Она разбудит у людей интерес к жизни и к творчеству, откроет народу новые горизонты, повысит его морально-политический уровень, сплотит массы вокруг нашего авангарда — СФНО, укрепит и расширит ряды массовых революционных организаций.

— Как вы думаете, подвести итоги этой кампании?
— Есть одна идея. — Мигель де Кастилья откинулся в кресле, удовлетворенно потер руки. Было видно, что разговор доставлял ему огромное удовольствие. В этом не было ничего удивительного: он занимался планированием политики в области образования. — Мы хотим провести всенародный опрос на тему, которую пока что условно можно сформулировать следующим образом: «Каким должен быть новый человек, чтобы он стал надежной гарантией будущего Никарагуа?» Итоги опроса помогут нам в дальнейшем планировать формирование такого человека, они дадут нам в руки инструменты для осуществления реформы всей системы образования. Даже не реформы, а целой революции, потому что она взорвет, — руки заместителя министра взлетели вверх, изображая этот взрыв, и упали со стуком на стол, — уничтожит прошлое в сознании никарагуанцев и создаст прочный фундамент для будущего.

ОТ АЗБУКИ ДО ГИГИЕНЫ

Каждый день, проведенный в Манагуа, начинался у меня с визита в «Дом молодежи». Так называют здесь штаб-квартиру организации «Сандинистская молодежь 19 июля». И почти каждый день у входа я встречал новую группу парней и девчат. Видно было, что они прибыли издалека либо собираются в дальний путь. Их рюкзаки и походные сумки лежали около двери, а они сидели или стояли вокруг, читали книги, газеты и журналы, слушали транзисторные радиоприемники. Иногда, задержавшись дольше обычного, я видел, как они собирались в просторном холле и один из руководителей «СМ 19 июля» о чем-то беседовал с ними, а они внимательно слушали его, что-то записывая в блокноты. Потом к дому подкатывал «пикап», и они, погрузив свое походное снаряжение и забравшись в кузов, куда-то уезжали. На следующий день появлялись другие, и все повторялось. В конце концов я заинтересовался, кто же эти ребята, откуда они и куда их увозят. Херман Руис, член исполкома «СМ 19 июля», удивился:

— Разве ты не знаешь? Это же будущие бойцы Народной армии алфаветисадоров. Они приезжают к нам из разных концов страны по рекомендации ячеек сандинистской молодежи. Мы снабжаем их необходимой литературой, проводим с ними беседы, и они едут в свою школу. Ирвин, — обратился Херман Руис к стоящему рядом пареньку, — показал бы журналисту свое хозяйство.

Ирвин Лариос оказался ответственным за политическое воспитание курсантов Народной школы алфаветисадоров (НША). По дороге в школу, которая находилась километрах в 30 от Манагуа, он рассказывал о своей работе.

Идея создания НША возникла одновременно с рождением молодежного отряда СФНО — «СМ 19», то есть сразу после победы. Готовность принять участие в «крусаде» высказали десятки тысяч юношей и девушек. Но движение это не могло быть стихийным, руководить им должны были люди хорошо подготовленные, политически грамотные, отлично знающие цели и задачи революции. Обучая неграмотных чтению и письму, алфаветисадоры одновременно будут вести среди них работу по разъяснению политики правительства и СФНО, готовить людей к восприятию

новых принципов жизни, объединять их в массовые организации, способствовать развитию коллективных форм труда. Кроме того, перед бойцами НША поставлена задача составления «минералогической карты» страны, изучения ее флоры и фауны. В ходе «крусады» бригадисты будут собирать народный фольклор, записывать рассказы очевидцев и участников революционной борьбы. Специально обученные бригадисты будут бороться с эпидемиями, вести общемедицинское и гигиеническое просвещение среди населения. Такая разносторонняя деятельность требует серьезной подготовки. Для этого и были созданы школы. Ребята получают здесь основы поллитрамоты и общие сведения по всем областям знаний, которые пригодятся им во время «крусады». Живут они рядом с крестьянами, знакомятся с их бытом и трудом, помогают им в работе. Бригадист должен быть готов к любым трудностям и лишениям. Там, где ему придется работать, условия могут быть очень суровыми. Не исключены провокации со стороны контрреволюционеров. Поэтому в программу школы включена и военная подготовка, хотя это — отнюдь не главное.

Пройдя курс обучения в НША, каждый вернется домой и создаст свою бригаду, эскадрон или полонну, которые потом вольются в национальную Народную армию алфаветисадоров. А по окончании «крусады» эти подразделения станут основой строительства и укрепления массовых молодежных организаций.

ОДИН ИЗ 170 000

Мы приехали в НША в неудачный час. Большинство учеников были в поле и на занятиях строевой подготовкой. В доме оставались только дежурные и те, кто из-за простуды находился на карантине.

К автомобилю подошел курчавый парень и стал помогать выгружать газеты и книги. Ирвин представил его мне:

— Рамиро Банегас, наш выпускник, завтра отправится к себе в Чичигальпу.

Мой вопрос: «Почему решил стать алфаветисадором?» — заметно озадачил Рамиро. Для него такое решение было естественным и логичным шагом. Разве он мог остаться в стороне от самого главного дела революции, когда вот уже два года подряд вся его жизнь неразрывно связана с ней? Уж кто-кто, а он-то знает, что даст алфаветизация его родине, потому что он отлично знает и то, что несет народу неграмотность.

— В наших краях, — рассказал Рамиро Банегас, — как, впрочем, и по всей стране, патронам (хозяевам. — А. К.) было выгодно держать крестьян в темноте. Неграмотный работник не знал ни своих прав, ни законов. Хозяева обращались с ним по своему усмотрению, эксплуатировали как скотину, за малейший проступок или ошибку наказывали как раба. Так было здесь испокон веку. Грамота же, учеба дают людям силу, достоинство. С такими патронами справиться нелегко.

Рамиро рос старшим из десяти детей в полунищей семье крестьянина. 650 кордов в месяц, когда у отца была работа, не хватало даже на то, чтобы накормить голодных ребятишек. А ведь среди соседей были семьи, мечтавшие даже о таких «доходах». Родители Рамиро были неграмотны, но они не хотели, чтобы он — хотя бы он, старший! — повторил их печальный путь темных и забытых крестьян. Однако каждый год учебы в средней школе, не считая тетрадей, учебников и формы, стоил двух самых удачных месячных заработков отца. И тогда на поиски работы отправилась мать. С огромным трудом, за жалкие гроши удалось ей устроиться чернорабочей на разделку свиных туш. Привыкшая к лишениям семья подтянула ремни и стала копить деньги на учебу сына. На учение других детей средств все равно бы не хватило.

— Я много видел несправедливости, унижений и жестокости, которым подвергали патроны и власти наших крестьян и сельскохозяйственных рабочих. Ненависть к Сомосе, к его порядкам и законам, к его хозяевам и слугам кипела во мне, как вулкан. Я искал пути и формы протеста и борьбы. Но не стихийные — такие обычно кончались плачевно, а серьезные, организованные, имеющие ясную цель и перспективу. И как только нащупал концы нити, ведущей к Фронту, то уцепился за них железной хваткой. Нить привела меня к ребятам-школьникам, имевшим контакт с людьми из СФНО. И те помогли мне найти верный путь в жизни. Сначала меня открыто и по-товарищески предупредили, что борьба против диктатуры опасна, а я слушал и вспоминал, как жили мы и наши соседи, — и ответил, что лучше честно погибнуть за дело свободы, чем вырасти и стать рабочей скотиной на ферме патрона. Разговор этот состоялся в начале 78-го. А в сентябре мы уже всей школой участвовали в восстании, делали бомбы с горючей смесью, устраивали засады на патрули «национальной гвардии». Учились войне и воевали. Потом, когда стало ясно, что на этот раз свалить диктатуру не удастся, мы отступили и стали готовить новое наступление.

После сентябрьских событий «национальная гвардия» в каждом никарагуанце видела своего смертельного врага. В общем-то так оно и было. Их жестокость, развязанный ими террор превзошли все предыдущие преступления. Убивали всех подряд без разбора по малейшему подозрению или доносу. Особенно жестоко обращались с молодежью. В то время я был связанным на юге Чичиндеги. Весной 79-го мне поручают работу сразу в трех коллегиях: агитация, организация боевых бригад, поиски и сбор оружия и боеприпасов. В июне, за месяц до победы, мне доверили командование боевым эскадром. Оружия было мало. Выручала внезапность атак. И еще, наверное, ненависть. Очень нам не хотелось отступить второй раз. Да и нельзя было. Сомоса перерезал бы, передумав и расстрелял бы половину населения страны. Он чувствовал, что этот бой решающий. А мы-то уж тем более... Помню, вошли мы в мою родную Чичигальпу, а «национальная гвардия» встретила нас такой контратакой, что пришлось отойти. Но стремление вышвырнуть их оттуда было так велико, что мы чуть ли не сразу снова бросились на город. По ходу отбили танкетку и — в атаку. Сомосисты не ожидали такого, и мы взяли их гарнизон. Помогло население. Это было 22 июня, и Чичигальпу так и осталась в наших руках.

С этого дня Рамиро организовывал комитеты гражданской обороны, ночами патрулировал улицы Чичигальпы, боролся с остатками головорезов из числа укрывшихся солдат «национальной гвардии», помогал создавать ячейки Ассоциации сельскохозяйственных рабочих, комитеты здоровья. После победы, когда в их городок пришло известие о решении создать молодежный отряд СФНО, он собирает лучших, самых надежных и закаленных ребят, и они образуют у себя первый комитет «Сандинистской молодежи 19 июля».

— А ты спрашивал меня, почему я стал алфаветисадором! — говорит Рамиро, возвращаясь к началу нашего разговора. — Кто же, как не мы, молодые сандинисты, должны были взять на себя ответственность за эту работу? Мы вот вчера здесь беседовали, и один компа² заметил, как меняется у нас значение самых простых слов. Раньше слово «никогда» было связано со всей жизнью простых людей. Учиться — никогда, лечиться — никогда, сытно питаться — достойно жить — никогда. А теперь это слово повернулось своим острием назад, в прошлое, которое не повторится никогда. И мы, молодые сандинисты, сделаем все, чтобы именно так было всегда.

ФЛАЖКИ И ФЛАГИ

Алфаветизация, именем которой в Никарагуа назван 1980 год, стала поистине национальным движением. Основу Народной армии алфаветисадоров составили молодые люди — добровольцы: учителя, студенты и школьники, чей возраст часто не достигает и 15 лет. Мальчишки и девчонки рвались в ряды ННА с такой же страстью, как всего год назад — в партизанские отряды. Мне довелось не раз видеть массовые демонстрации школьников. Они шли по улицам городов с написанными наспех, от руки, плакатами: «Родители, отпустите нас на крусаду!», «Папы и мамы, не препятствуйте нам строить новую родину!». Это было трогательно и прекрасно.

Фернандо Карденаль подарил мне плакат. На нем изображен контур страны с флажками. На флажке, воткнутом в Манагуа, стоит цифра 41, на Атлантическом побережье — 87, на горном хребте, пересекающем страну с севера на юг, — 69, и так далее. Это страшные цифры. Они говорят о проценте живущих в этой местности людей, никогда в жизни не державших в руках ни книг, ни тетрадей, ни карандашей. Плакат символизирует направление титанической работы тысяч людей, обшаривших все самые далекие, самые захолустные уголки страны, каждый городской дом, крестьянскую хижину, каждый индейский поселок. Люди выискивали тех, кто сегодня, склонившись над тетрадкой, старательно выводит первые в своей жизни буквы и слова. Плакат висит передо мной на стене. Глядя на него, я часто думаю о том, что пройдет всего несколько месяцев, и настанет день, когда вместо этих печальных, изображенных на карте флажков в каждом городе и поселке взовется красно-черный сандинистский флаг как свидетельство того, что этот населенный пункт навсегда объявлен свободным от неграмотности, что здесь «культурное восстание» завершилось полной победой. И, может быть, та же радиостанция, о которой мы упомянули в начале нашего рассказа, сообщит в одной из своих мини-заставок: «Никарагуа, вчера занимавшая третье место в Латинской Америке по числу неграмотных, сегодня стала страной 100-процентной грамотности».

Такой день непременно настанет, и он наверняка войдет красной датой во все будущие календари этой страны.

¹ Крусада — крестовый поход (исп.). Так в Никарагуа называют кампанию по борьбе с неграмотностью.

² Компа — типичное для никарагуанских революционеров сокращение от слова «компаньеро» — «товарищ».

СИНИЯ БАБОЧКА

Александра ПИСТУНОВА

Жруглой беличьей кисточкой гжельский художник пишет подглазурными красками свой узор... Знаменитый синий кобальт в эти минуты кажется черным, он засинеет лишь после обжига... Рука должна владеть кистью свободно, гибко, мягко, различая тончайший, едва заметный след и плотную линию, не давая им растечься, храня впечатление объема — цветка, листика, живой, словно качающейся перед глазами ветви, распустившей хвост сказочной птицы... Узор обегает форму, ложится в нее или прилегает к ней, обнимая ее собою. Но и после того, как сияющая глазурь соединит белый фарфоровый фон и сияющую роспись, возле лучших произведений Гжели вам покажется, что синее только прислонилось к белому, как летняя тень, а встанет солнце выше — и узор соскользнет с фарфоровых стенок, растворившись в синей блистающей чешуе реки или воплотившись в волнистую линию перелета синицы над маленькими цветами луга.

Так показалось и мне около работ Валентина Розанова, двадцатипятилетнего ярко-синеглазого человека. Будто просверк гжельского кобальта, раскрывается вам навстречу на этом лице и становится понятен смысл старинного слова «глазурь»: может быть, его придумал кто-то, глядевший вот в такие сияющие молодые глаза. Гжельский художник, самый юный среди мастеров, множачих трехвековую славу старинного русского фарфорового промысла, Валентин Розанов — и скульптор, и живописец, и график. Все эти жанры изобразительного искусства должны соединиться в его неповторимом, единственном. Прибавлю к тому, что мастер сегодняшней Гжели обязан быть еще и знатоком истории искусства, пейзажистом, анималистом, исследователем и создателем орнаментов, владеть тайной натюрморта, гончарным кругом да и мало ли еще какими секретами своей удивительной профессии. Как вложить все эти знания и умения в гибкую точность безошибочнейшей руки, тонких пальцев, которые твердо и эластично держат беличью кисть, а во время натуральных зарисовок — карандаши и акварельные кисточки, минут фарфоровую глину, режут гипс, лепят изящнейшую ручку для кумгана, «хваток» для его крышки, похожий на птенца? Как успеть это все к двадцати пяти годам?

Валентин рассказывает свою биографию очень кратко. Родился в Подмоскowie, в семье офицера-связиста. Рос на Сахалине, где служил отец, там начал рисовать... Пытаюсь узнать, что же именно рисовал, где рисовал — на берегу океана, в лесу, дома, в школе? Ответ — подобный ответам всех на свете художников: рисовал все, везде и всюду. Рисовать хотелось всегда. Больше всего — красками, по памяти, по воображению... Потом отца перевели в город на Волге. Увлечен лепкой, глины на берегу были хорошие, «стряпал» игрушки, обжигал их в русской печи, расписывал гуашью, маслом, акварелью. Пришел в изокружок при Доме пионеров и там встретил одного замечательного человека...

Сколько ни изучай биографии художников — от древности до наших дней, — всегда найдешь на их пути некоего «замечательного человека», известного или неизвестного, состоявшегося или несостоявшегося в искусстве, но преданно любящего искусство и примечательного искру таланта в юном существе. Руководителя изокружка звали Николай Ильич Хлебородов. Валя произносит его имя с нежностью, синие глаза сияют: «Он возился с нами, все понимал, научил любить цвет. Я пришел к нему, когда учился в пятом классе, и занимался три года, пока не окончил восьмой...»

Валентин не раз слышал, что под Москвой, в Абрамцеве, есть художественное училище, и, закончив восьмилетку, решил держать туда экзамены. Отец понимал серьезность выбора сына, поддержи-

вал его. А конкурс был немалый: восемь человек на место.

Факультет росписи, абрамцевский музей с творениями Врубеля, Поленова, Серова, фонды декоративно-прикладного искусства в Московском историческом музее, студенческая практика в Гжели... Четыре года промелькнули быстро. И вот уже преддипломная работа на легендарной фарфоровой фабрике под руководством старого мастера Татьяны Сергеевны Дунашовой. А потом уникальный гжельский диплом: ваза с «абрамцевским» сюжетом — птица-сибирин, которую так любил еще Васнецов, прославленный терем, сова, лесные цветы. Такова была синяя кобальтовая роспись на его дипломной вазе, и композицию этой росписи он искал не меньше, чем форму самой вазы, ее пропорции, размер, тон фарфора.

Казалось бы, все в розановском дипломе было традиционно: пейзажно-растительный мотив (его от века любили в старой Гжели); классическая форма сосуда. И однако все тут было необычно: редкая, но насыщенная роспись (хоть и выглядевшая легкой, ибо уже в дипломе Валентин Розанов проявил редкое чувство меры, столь необходимое художнику и в особенности фарфористу); монументальность такого древнего и утилитарного сосуда, как ваза. Абрамцевско-гжельские уроки понимания и продолжения традиций русского декоративно-прикладного искусства соединились в этой работе молодого художника. По стилю — и это удивительно — первые гжельские произведения Валентина более всего были близки работам его руководителя Татьяны Сергеевны Дунашовой, художника романтической росписи, автора пышных — будто выпуклых — розанов на круглых боках сахарниц, чайников и кружек, которыми могли бы пользоваться кустодиевские красавицы.

Вот она-то и помогла Валентину Розанову войти в гжельский промысел, найти в нем свое.

Что же такое это свое у синеглазого молодого человека?

Можно ответить общо: простота, натурность чаще всего цветочных — а не геометрических — орнаментов, удивительное чувство ритма. Можно попытаться ответить образно: если иные мастера, обращаясь к растительному орнаменту, ищут для его модели редчайшие цветы садовой флоры, то Валентин предпочитает обыкновенные — лесные и полевые, — маленькие, незаметные травы или дикие цветочки. Я нахожу в его росписях всякие виды клевера, огородный выюнок, васильки, иван-чай, степные колокольчики, ландыш. Он пишет два или три фризиста вокруг своих сосудов, мотив орнамента повторяется, усиливается, гаснет — и, рассматривая его работы, ощущаешь этот восходящий и нисходящий ритм, некое качание, как в народных песнях. Сначала чувствуешь этот ритм и уже потом начинаешь вглядываться в точный, легкий, неназойливый узор, писанный беличьей кисточкой. Он всегда очень изящен, как бы краток: плавный, пропорциональный форме, подчеркивающий ее скульптурность; и вместе с тем — напряженный, строгий, заставляющий твой взгляд несколько раз переместиться от круглого днища и бокастой ножкей половины кружки, расписанной выюнком, к средней части, где словно бы висят мелкие синие колокольчики, а потом — к верхнему широкому краю, где распластались тонкие усики маленькой земляники и бледный кант цепляется за край внутри чашки. Глядишь на пустую кружку, на внешнюю роспись, а чувствуешь, как медленно остывает в ней душистое питье...

Валентин работает много, жадно, как говорят, со страстью. Получив распределение в Гжель после абрамцевского училища, он начал на фабрике работать в цехе росписи. Однако его самостоятельные работы, участие во многих конкурсах, выставках декоративно-прикладного искусства (в том числе в «престижных», как принято говорить) — экспозиция в Русском музее или в новом Центральном выставочном зале Союза художников на Крымской набережной — убедили руководство Гжели перевести его на должность художника. Теперь он — заместитель главного художника промысла.

ВАЛЕНТИН РОЗАНОВ — САМЫЙ МОЛОДОЙ ХУДОЖНИК СРЕДИ ГЖЕЛЬСКИХ МАСТЕРОВ, МНОЖАЩИХ ТРЕХВЕКОВУЮ СЛАВУ СТАРИННОГО РУССКОГО ФАРФОРОВОГО ПРОМЫСЛА.

Валентин Розанов понял весь процесс гжельского производства, освоил его этапы и ныне одинаково хорошо владеет и формой и росписью. Он показывал мне свое натурное рисование: бесчисленные акварельные и карандашные студии того, что принято называть малым миром. Склонившийся от тяжести соцветия стебель ромашки, травяная гвоздика, прямой султанчик тимфеовки, папоротник, стрекоза, еловая шишка, похожая на тольпан. «Ботанические рисунки!» — шутит Валентин, и я вспоминаю, как Татьяна Алексеевна Маврина в течение лет сорока по два раза в неделю ходила в зоопарк или в уголок Дурова и похоже называла свои альбомы, сделанные там, — «анималистическое рисование». Однако из этих подробных и точных натуральных зарисовок родился ее знаменитый альбом «Сказочные звери», где животные были вместе и правдой и легендой, где жили бести, волшебники (коты, зайцы, петухи, лисы), но поверить в их волшебство зритель мог лишь оттого, что находил в них сходство с истинным обликом. Вот так на краю правды рождается легенда, сказка, и тебе кажется, что ты сам давно разглядел в мавринских зверях их волшебную суть, как и в цветах, птицах, травах Вали Розанова, улегшихся в строгом ритме вокруг его сосудов.

Рассматривая эту заветную папку Валентина, я заметила, с каким вниманием вглядывается он в подробности: краешек листа, соединение стебля и соцветия, радуга оперения птицы или узор крыльев бабочки, касания растений друг друга, их приближение к цветению, их усталость... И как потом в росписях, которые он создает для фарфора, подробности почти совсем уходят и, однако, чуть остаются: будто кто-то поет за стеной песенку, и ты напрягаешь слух, чтоб разобрать слова, которые и сам хорошо знаешь.

Роспись меняет форму сосуда: более насыщенная, «густая», делает его меньше, массивней; более нежная, редкая словно бы увеличивает сосуд, удлиняя его, если она вертикальна, расширяя, если роспись идет фризом. Когда мы глядим на сахарницу, чайник, кумган, они кажутся легче, если густым кобальтом не закрашены ручки и крышки, а легонькая синяя травинка, изогнутая по затейливым лепным деталям, только подчеркивает контур сосуда. Это, на взгляд художника, секреты простые. Валя Розанов часто создает экспериментальные варианты в материале — ставит рядом вещи одной формы и смотрит, какой узор более соответствует назначению сосуда. Назначению? Будто мы не станем пользоваться чашкой (если это чашка), шкатулкой или масленкой (если это шкатулка и масленка), каков бы ни был их декор. И все-таки... Художник ищет утилитарный образ каждой своей вещи, ищет впечатление его будущего владельца от общения с этими простыми, обычными предметами. Вот, скажем, сырная доска, приспособленная для того, чтоб ее повесить на кухонной стене (и тогда она напомнит старинные изразцы), но это конкретная обиходная вещь, не украшение (хотя, разумеется, и украшение). На доске будет лежать кусок желтого сыра, он поместится на синем букете, и в какой-то миг синее сольется с желтым, как в детском

"ГРАД ИМЕНИЕМ ТОБОЛЬСК"

Юрий ТЮРИН.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Начиналась Сибиряда Тобольском...

Владимир Солоухин, увидев Тобольск, назвал его «вторым Суздалем». Это красивая, но вольная аналогия: облик Тобольску придавала более смелая, широкая рука, привыкшая корчевать тайгу, выбирать полные рыбой сети, крепко сжимать скользкое тяжелое весло. Да и постройки старого Тобольска суровее, проще, других таких не сыскать на всем тысячеверстном пространстве Сибири.

Но как город-заповедник, город-музей Тобольск действительно уникален, подобно Суздалю.

Сравнительно недавно — двенадцать — пятнадцать лет назад — Тобольск не смел мечтать о сравнении с прославленными нашими заповедными городами. Он лежал в стороне от привычных туристских маршрутов. Тогда показалось бы невероятным, чтобы какой-то человек, собираясь пройти на байдарке, скажем, по рекам Полярного Урала, добирался кружным путем до Салехарда: не самолетом, как все, а по Иртышу и Оби на теплоходе — через Тобольск. На такого человека посмотрели бы как на чудачка, зато теперь смотрят с уважением и отчасти с завистью: ведь он побывал в Тобольске...

Не однажды бывал в Тобольске и я. Кажется, достаточно отчетливо понимаю, откуда идет, откуда рождается это высокое чувство благодарности старинному русскому городу, вставшему на богатейшем, неукротимом Иртыше, откуда возникает восхищение

им, неодолимая потребность воспеть и восславить его, «град Тоболеск», ворота Сибири...

Его бесценные архитектурные сокровища.

Его многовековую историю — гордость и боль России.

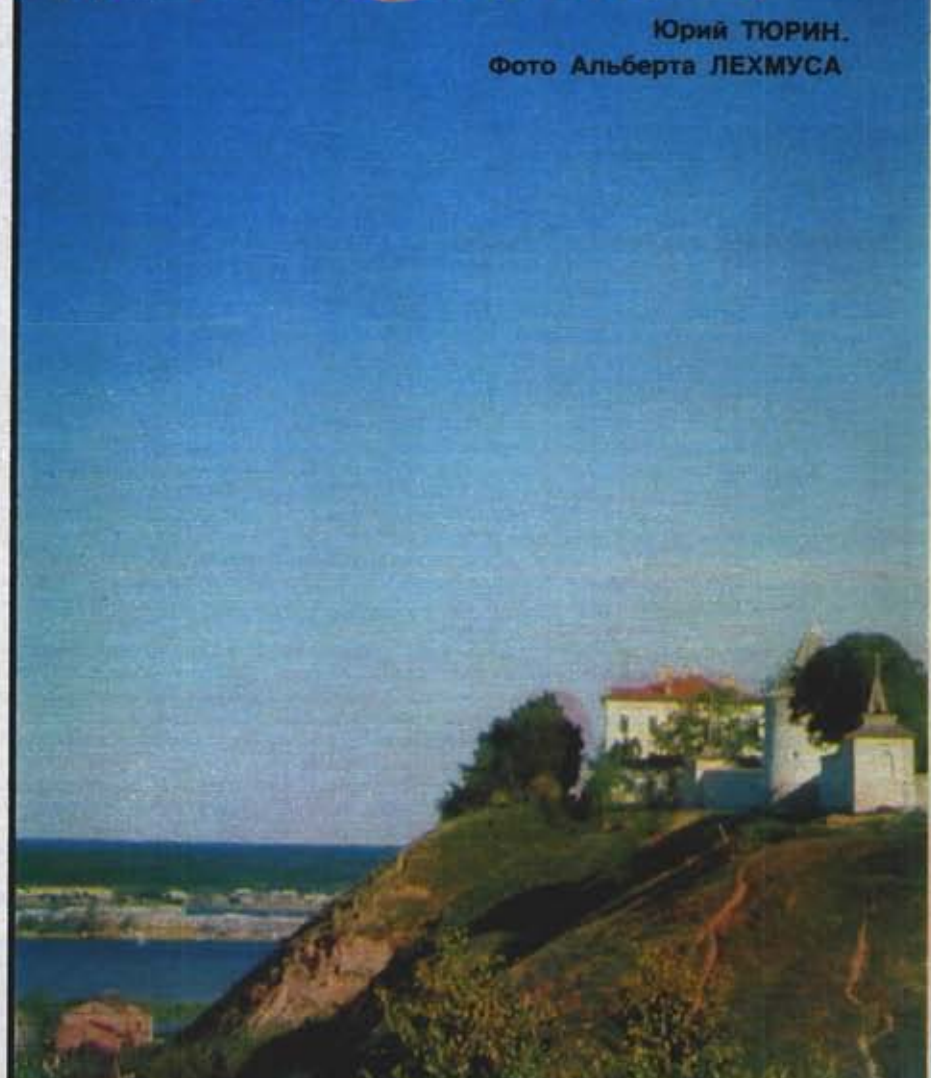
Его будущее, неотрывное от преобразования всей древней Югорской земли, всего тюменского севера.

Почти двести ступенек по крутой деревянной лестнице Прямского взвоза ведут от подгорной части Тобольска к вершине резко очерченного Троицкого мыса. Думаешь ли, насколько тяжело дается подъем по этим бесконечным скрипучим ступеням, когда наплывают на тебя темные арочные проемы рентерей (арсенала) с ее основательной, хозяйской кладкой из векового кирпича? На гребне великана холма чеканно застыл величавый кремль — единственный в Сибири, возведенный из камня древнерусскими мастерами. Они начали постройку ансамбля в 1681 году и продолжали ее десятки лет: пятиглавый Софийский собор, крепостные стены и башни, Гостиный двор, покои архиепископа. Руководил работами местный зодчий, человек удивительной и трудной судьбы, Семен Ремезов, картограф и летописец.

По тем временам размах каменного строительства был немал, да это и неудивительно: обстраивался центр огромной губернии, которая одной своей стороной упиралась в Европу, а другой граничила с Америкой.

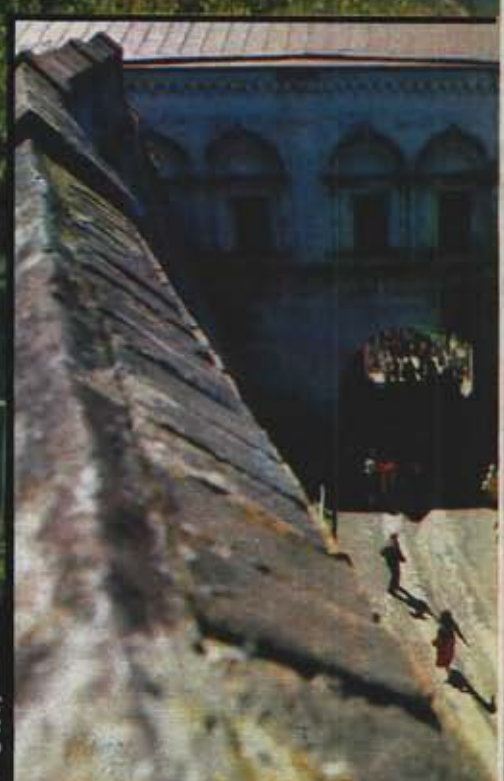
Последняя по времени постройка в Тобольском кремле — многоярусная колокольня. Пусть архитектура ее заурядна, зато колокольня эта как бы скрепляет все здания Тобольского кремля, ей отведена почетная роль ориентира, который виден за много

НОВЫЙ ВОКЗАЛ — ОБРАЗЕЦ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ПРАХ ЗНАМЕНИТОГО СКАЗОЧНИКА П. ЕРШОВА.

УНИКАЛЬНЫЙ В СВОЕМ РОДЕ ПРЯМСКОЙ ВЗВОЗ СОЕДИНЯЕТ НИЖНЮЮ И ВЕРХНЮЮ ЧАСТИ ГОРОДА.

**ЮНЫЕ ГРАЖДАНЕ
ДРЕВНЕГО ГОРОДА.**

**НАД МОГУЧИМ ИРТЫШОМ
ВОЗНЕССЯ ЗНАМЕНИТЫЙ
ТОВОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ.**

километров от города, особенно различного с реки, и, надо полагать, не раз капитаны веселили, заметив впереди бело-зеленую вертикаль. Колокола звонницы молчат, но она не заброшена: тут устроены сейчас смотровые площадки городского музея. Выложенная в толще стен змеевидная лестница ведет к наверхию здания.

Удивительно живописен «град Тоболеск» с высоты птичьего полета! Нет, это не Суздаль, который я давно и хорошо знаю... Полукольцо могучей реки, неохватная равнина заречья; россыпь невысоких каменных и деревянных домов по правобережью Иртыша — какая неразрывная связь «старого» города и сказочно неповторимой земли! Это был особый дар наших предков, чутье с вековой традицией — ставить город так, что делался он частью природы, ее кровным, любимым детищем. «Лета 7095 (1587 год.— Ю. Т.), при царе Федоре Ивановиче указ воеводе Даниле Чюлкову, прислано 500 человек поставить град Тоболеск. И по промыслу божию, доплыв воевода Данила Чюлков, и против устья Тоболу поставил град именем Тоболеск на горе...» Так свидетельствует летопись.

А несколькими годами раньше, осенью 1582-го, тут, где река Тобол впадает в Иртыш, атаман Ермак разгромил войско хана Кучума, открыв дорогу в «дальнюю заочную вотчину» — Сибирь. «Казачье вершним дело, а обернулось оно общерусским», — имел право сказать атаман.

Пятнадцатиметровый памятник-obelisk отважному сыну русского народа отчетливо виден с любой смотровой площадки кремлевской колокольни.

А неподалеку от обелиска Ермаку — алая каменная гвоздика пятиконечной звезды: она возложена тоболяками в память тех, кто пал в борьбе с колчаковцами, мятежниками-эсерами и кулаками.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — отмечал Пушкин. И воскряшая, вспоминая ныне историю Тобольска, думаешь в первую очередь о декабристах — друзьях и современниках великого поэта России.

Четырнадцать этих богатырей, ко-

**КОСТОРЕЗЫ ОЛЬГА
И МИХАИЛ КУЛЬМАМЕТОВЫ
ПРОДОЛЖАЮТ ТРАДИЦИИ
СТАРЫХ МАСТЕРОВ.**

**И СЕГОДНЯ ЖИТЕЛИ ТОВОЛЬСКА
ГОРДЯТСЯ ИМЕНАМИ
ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО Д. МЕНДЕЛЕЕВА
И ПОЭТА-ДЕКАБРИСТА В. КЮХЕЛЬБЕКЕРА.**

Конкурс одного стихотворения

Дорогие товарищи!

Напоминаем, что конкурс одного стихотворения продолжается. Обращаемся ко всем пишущим стилям (членам Союза писателей) с предложением принять участие в нашем ставшем уже традиционным конкурсе.

Рассказывайте обо всем, что живо волнует вас: о ваших трудовых успехах и дерзаниях, о романтике повседневного поиска, о замечательных людях, которые вас окружают, о красоте родной земли.

Пусть жизнь нашего народа, нашей молодежи, кипучая, многогранная, наполненная героикой соиздания, послужит основой, на которой возникнут ваши стихи.

В письмах с пометкой «На конкурс одного стихотворения» должны быть указаны фамилия, имя, отчество автора, возраст, профессия, домашний адрес.

Девиз конкурса прежний — «Пою мое Отечество». Напоминаем: вы должны прислать только одно стихотворение, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Юрий ЁНОВ,
журналист,
пос. Советский,
Крымская обл.

СВЯЗЬ

Памяти героев Перекopa

Заглохла атака у самого рва.
Ни Врангель, ни холод, ни грязь
Бойцам не страшны,
Но сегодня с утра
Со штабом оборвана
Связь.

И нету в степи телеграфных столбов.
И рота бойцов поднялась,
И в озере встала,
И каждый готов
На смерть,
Чтобы выжила
Связь.

И все-таки провод протянут сквозь мрак!
Скользит из ладони — в ладонь.
А если ладони не держат —
В зубах
Спасают его
Над водой.

Взрываются яростью крики:
«Ур-ра-а!»
Пехота на штурм поднялась.
И рушится крепость
У старого рва,
И держится вечная
Связь.

Лев ЗУБАЧЕВ,
культурработник,
Клин

Пусть прошла моя служба,
От нее я далек.
Но, как флотскую дружбу,
Помню Дальний Восток.
Сняты солпки крутые,
С трех сторон океан,
Корабли боевые,
Предраассветный туман.
По сигналу «Тревога!»
Пехотинцев морских
Поджидала дорога
На просторах больших.
Сняты солпки крутые,
Океан с трех сторон —
Корабли боевые
Заплывают в мой сон.

ванных из чистой стали, как сказал о них Герцен, отбывали в разное время ссылку в Тобольске. Вот их имена: В. Кюхельбекер, А. Муравьев, П. Свистунов, С. Семенов, И. Анненков, П. Бобрищев-Пушкин, А. Барятинский, Н. Бобрищев-Пушкин, Ф. Башмаков, Ф. Вольф, С. Краснокутский, М. Фонвизин, В. Штейнгель, Н. Чижов. Пребывание декабристов в Тобольске — особо чтимая страница его летописи. Лишенные возможности продолжать политическую борьбу, находясь под строжайшим надзором полиции, оторванные от общественной жизни страны, ссылки революционеры тем не менее нашли в себе силы быть полезными и деятельными. Неустанному труду этих страдальцев Тобольск был обязан развитием здравоохранения, народного образования, музыкальной культуры.

Декабристы вдохнули свежий воздух в оцепеневший Тобольск. Полвека спустя об этом с благодарностью вспоминал великий Менделеев, когда последний раз увидел свой родной город: «Тут жили почтенные и всеми уважаемые декабристы Фонвизины, здесь Анненков, тут Муравьев, близкие нашей семье... Уже нет никого из тех в живых, и теперь можно говорить, что семьи декабристов в те времена придавали тобольской жизни особый отпечаток, наделив ее светлыми воспоминаниями. Предание о них живет и до сих пор в Тобольске».

Последние свои слова Менделеев мог бы сказать и теперь. Город сохротно хранит память об этих поборниках воли. Одна из тобольских улиц названа в честь декабристов. Создается музей декабристов. Оберегаются деревянные дома, где жили некоторые из поселенцев.

Пусть рассказ о декабристах кажется своего рода «очерком в очерке», беда невелика. Зато мы частью возместим «долги наши» перед историей Отечества, перед поклонением судьбам отважных и замечательных людей, первыми поведших Россию на встречу Полярной звезде — символу надежды...

Дорогу в Тобольск «проложил» ссылкой декабристам член Северного общества лейтенант Николай Алексеевич Чижов, «государственный преступник 8-го разряда» (лишение чинов, дворянского звания, ссылка на поселение). Десять лет Чижов служил в городе рядовым, он же первым вернулся в Европейскую Россию.

Вторым, но только в 1853 году, получил свободу Фонвизин.

В нагорной части Тобольска стоит одноэтажный деревянный дом с

мезонином, на фасаде — мемориальная доска: «Здесь жил декабрист Михаил Александрович Фонвизин. 1845—1853». Но прибыл в город племянник автора «Недоросля» гораздо раньше: еще в 1838 году.

Офицер гвардии, Михаил Фонвизин с двадцати лет участвовал в сражениях, дрался с наполеоновскими захватчиками, получил чин генерал-майора, с которыми и вышел в отставку. Нередко на его московской квартире собирались будущие декабристы. К моменту восстания Фонвизин формально уже не состоял членом тайного общества, но, безусловно, был очень близки связан с виднейшими его участниками. Да и мог ли Николай I простить отставному генералу такие, например, слова: «Самовластие между правлениями есть то же, что черный цвет между цветами, то есть — отсутствие света»? «Государственный преступник 3-го разряда», Фонвизин был осужден на 15 лет каторги (затем этот срок был снижен до 12).

«Во глубину сибирских руд» за мужем поехала и Наталья Дмитриевна Фонвизина. Самоотверженно и терпеливо несла она крест судьбы все годы заключения мужа... Интересно, что высокий подвиг русских женщин, воспетый лирой Некрасова, был предвзят задолго до этого Е. Рубановской, женой Александра Николаевича Радищева.

Более полугодом, до июля 1791 года, жил в Тобольске по пути в Восточную Сибирь автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Сюда и приехала с двумя малолетними детьми писателя Елизавета Рубановская, последовавшая за Радищевым в Илимский острог. Шесть лет она мужественно переносила тяготы ссылки, и надо же было так случиться, что умерла она на возвратном пути — именно в Тобольске, где и была похоронена. Долго и безуспешно искали затем ее могилу на городском кладбище. До сих пор никто этого не знает, есть только догадки...

Возвращаясь к рассказу о декабристах, следует вспомнить, что, кроме Фонвизинной, в Тобольске жила еще жена И. Анненкова — француженка Поллина Гельб.

Прекрасные строки о женах декабристов оставил Достоевский.

11 января 1850 года в Тобольск, где находился тогда Главный приказ о ссылках, привезли закованных в кандалы петрашевцев. Смотритель тобольского тюремного замка доносил тогда полицмейстеру: «Преступники Сергей Дуров, Федор Достоевский и Иван Ястржембский... приняты закованными в ножных кандалах и поме-

щены на подсыдном дворе в особой комнате отдельно от прочих арестованных».

В «Дневнике писателя» за 1873 год Достоевский вспоминал это время: «...В Тобольске, когда мы, в ожидании дальнейшей участи, сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдальцев, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Свидание продолжалось час».

А еще ранее, в письме брату Михаилу, Достоевский сообщал: «Хотелось бы мне очень подробнее поговорить о нашем шестидневном пребывании в Тобольске и о впечатлении, которое оно оставило. Но здесь не место. Скажу только, что участие и живейшая симпатия почти целым счастьем наградили нас. Ссылки старого времени (т. е. не они, а жены их) заботились о нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением! Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас».

16 января петрашевцев повезли в Омск, в каторжную тюрьму. Фонвизины провожали Достоевского и Дурова за Иртыш. Достоевский увозил с собой Евангелие, подаренное ему в Тобольске: с книгой этой он не расставался ни в остроге, ни по возвращении в Петербург — так дорого было ему внимание декабристов.

Через своего знакомого А. Сулоцкого Фонвизины следили за пребыванием петрашевцев в Омске. Наталья Дмитриевна переписывалась непосредственно с Достоевским и спустя несколько лет. Не забыли его и Анненковы: они помогали писателю по выходе его из острога — перед определением солдатом Сибирского корпуса в Семипалатинске.

...Трагически закончил свою жизнь в Тобольске бывший князь Александр Петрович Барятинский. Близкий друг П. Пестеля, Барятинский возглавлял Тульчинскую управу декабристов. Сторонник республики, он «умышлял на царевубийство с назначением лица к свершению оного». Верховный уголовный суд приговорил «государственно-го преступника 1-го разряда» Александра Барятинского к смертной казни «отсечением головы».

Казнь была затем заменена на 20 лет каторги и вечное поселение.

В 1840 году Барятинский приехал в Тобольск, чтобы спустя несколько лет угаснуть. Служить поначалу декабристам запрещалось. Казенное пособие

было ничтожно, и судьба ссылных зависела преимущественно от того, какую помощь оказывали им родные или друзья в России. Философ и поэт, высоко одаренный человек, Барятинский влачил нищенское существование. После его смерти полиция составила опись вещей: несколько книг, холщовая рубашка да две пары носков были оценены в 11 рублей 3 копейки. Удивительная арифметика у полицейских, протокольная сухость и педантизм, от которых щемит сердце...

Печальны были слова И. Пушкина: «Мы не на шутку заселяем сибирские кладбища... Редкий год, чтобы не было свежих могил». На руках Пушкина, приехавшего в Тобольск из соседнего Ялutorовска, умирал его друг-лицеист Вильгельм Кюхельбекер.

«Государственный преступник 1-го разряда» Вильгельм Карлович Кюхельбекер стрелял на Сенатской площади в брата царя, Михаила. Снег подмочил порох, и пистолет дал осечку. Великий князь остался жив, и по его просьбе Николай I заменил смертную казнь Кюхельбекеру на 20 лет каторги и вечное поселение.

Весной 1846 года Вильгельм Карлович с женой и детьми получил разрешение переехать в Тобольск. Поэт был почти слеп, практически без средств. Его навещал Петр Павлович Ершов, читал ему стихи. Кюхельбекер плакал. Он пытается сочинять, но силы его на исходе. Об этом повествуют нам последние страницы романа Тынянова «Кюхля».

11 августа поэт скончался. Декабристы на руках отнесли гроб на Завальное кладбище. Согласно воле покойного, его похоронили рядом с могилой С. Краснокутского, члена Южного общества.

Тут, на старом этом кладбище, устроенном два века назад за городским валом (отсюда и название — Завальное), среди разросшихся буйно деревьев — семь надгробий декабристов.

...Достоевский говорил, что в Сибири, по дороге на каторгу, промерзал до сердца. Сильно сказано, этот образ навечно запоминается. Но кто же не замерзнет, едучи в открытых санях, закованным в железные кандалы?

Сибирь, Сибирь... Пророчествовал о тебе Ломоносов, никогда тут не живший. Прикипел к тебе сердцем Дмитрий Иванович Менделеев, умница человек, видевший за Сибирью славу России.

За словом «Сибирь» — столетия истории русской, свидетельства стойкости, взросления русского национального характера. И как тут не вспом-

**СТУДЕНКА ПЕДИНСТИТУТА
ЛЮДМИЛА СОРОКИНА
БУДЕТ ПРЕПОДАВАТЬ ХИМИЮ.**

**НА ТЕРРИТОРИИ КРЕМЛЯ
РАЗМЕСТИЛОСЬ
МУЗЫКАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ.**

Всесоюзной ударной стала и другая стройка Западной Сибири — возведение Тобольского нефтехимического гиганта.

7 мая 1974 года этот гигант нефтехимии, строительство коего рассчитано на полтора десятка лет, взял старт. В тот день были высыпаны первые кубометры песка на площадку пионерной базы: быть тут заводам товарного бетона и раствора, железобетонных конструкций, керамзитового гравия. Быть городку строителей нефтехимического комплекса. И я воочию видел этих обожженных приторным ветром, веселых людей — экскаваторщиков, водителей, студентов из стройотрядов, одетых в неизменные прорезиненные зеленые куртки с белыми крупными буквами на спине.

Возведение нефтехимического комплекса, этого набирающего колоссальную силу механизма, в решающей степени повлияет, да и сейчас влияет на преобразование прежнего, относительно спокойного города. Стройка общенациональна, она по плечу лишь державе, обладающей неисчерпаемыми природными ресурсами, опытом грандиознейших строек, достаточными материальными средствами. В Тобольске появятся не просто несколько новых заводов — это будет крупнейший в стране и один из крупнейших в мире комплекс, опирающийся на запасы нефти и газа западносибирских кладовых. Такой гигант не возведешь за год или за два, тут сроки перспективные. Исполнительная многомерная работа разбита на несколько этапов. План предусматривает отстроить пионерную базу, этот первый малый плацдарм, где размещаются снятые с эшелонов грузовики и бульдозеры, ремонтные мастерские и склады. А отсюда уж ударить в тайгу, но еще не на основные площадки, а на второй, широкий плацдарм, где встанут строительные заводы. И уж тогда, вооружившись, построив для людей новый город, всей мощью двинуть на нефтехимию.

Тобольск в начале коренных перемен.

— Почему строим именно в этом

месте? — спрашивает генеральный директор комбината Владимир Александрович Дзиарев. И отвечает своими доводами: — Близость сырья. Обилие пресной иртышской воды. Кроме того, мы умышленно перенесли комбинат на жесткие, непригодные для земледелия земли.

Мое последнее путешествие по городу начиналось именно отсюда — со стройплощадки. Как бы из будущего я постепенно передвигался в прошлое — в старый Тобольск, где оставила свои столь явные следы история...

Мы иной раз справедливо беспокоимся о судьбе памятников нашей культуры, о наследии предков наших, оставленном нам как живая память о минувших столетиях. Рачительно ли бережем мы это наследие, не слишком ли расточительны по отношению к нему?

Вот Тобольск, его две ипостаси, два

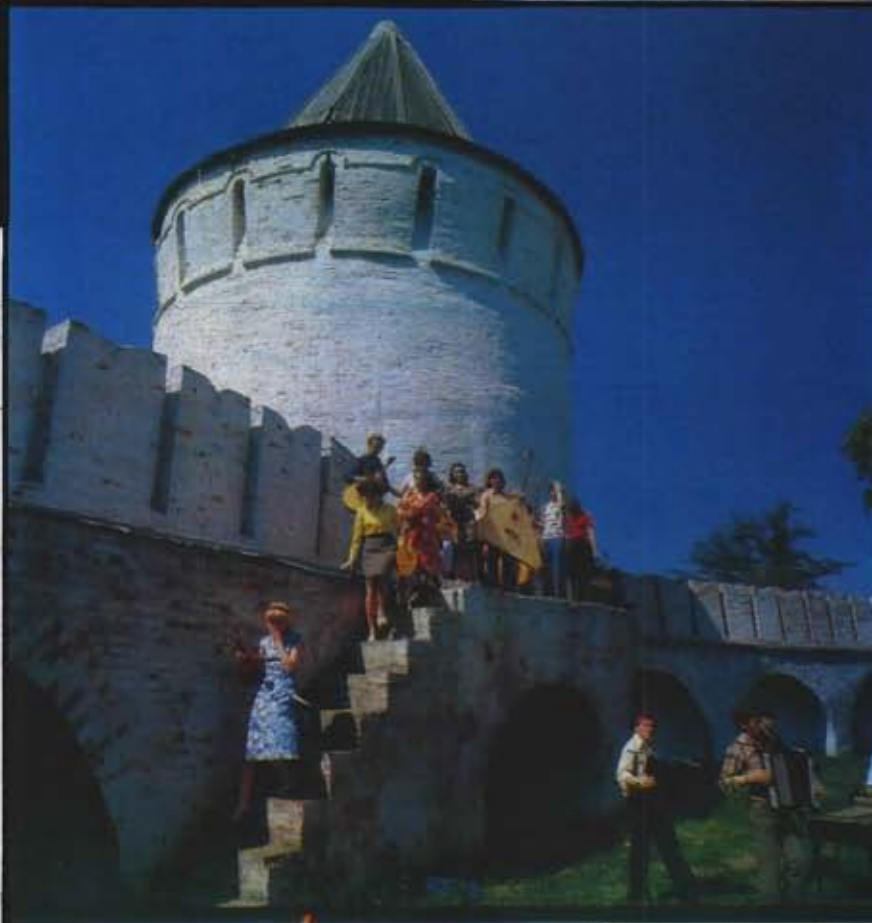
**РЯДОМ С ДРЕВНИМ
ДЕРЕВЯННЫМ ГОРОДОМ
РАСТУТ ЭТАЖИ
НОВЫХ КВАРТАЛОВ.**

непохожих облика: подгорная часть — старая, заповедная, сложившаяся веками, и новая — качественно иная застройка нагорья. Грозит ли это своего рода несовместимостью? Со временем, когда вдвое, втрое развернется здесь строительство, не замолчит ли архитектурная летопись «Тоболеска»? Ведь город серьезно пострадал от непонимания ценности архитектурных сокровищ, от неверной и узкой оценки так называемых «культовых зданий». С болью пишет об этом в своей книге «Размышление о Тоболь-

ске» давний и верный почитатель сибирского града Л. Славолубова. Такой тревожный вопрос правомочен: эта озабоченность — родная сестра патриотизма.

— Такой он непобедимо красивый сейчас, — говорила Маргарита Алигер после поездки в Тобольск, — со своим белокаменным кремлем, зелеными высотами, приотливо петляющими Иртышом и Тоболом, что хочется думать: градостроители и хозяева города решат сложную задачу: воздвигая новые многоэтажные дома, сохранят

**НЫНЕ ПУШКИ СТАРОЙ КРЕПОСТИ
«ОБЕРЕГАЮТ» ВХОД В ГОРОДСКОЙ МУЗЕЙ.**

**СЛАВЕН ТОБОЛЬСК БЫЛ
И СВОИМИ КУЗНЕЦАМИ.**

старый Тобольск в его прелести и неповторимом своеобразии.

Если писатель «истец», то «ответчики» — архитекторы города-заповедника. И ответ их звучит обнадеживающе:

— Мы отлично сознаем, что памятники истории и культуры — непреходящая ценность, что это предмет национальной гордости нашей. Так что прилегающие к старинному кремлю кварталы не будут застраиваться. Этот оригинальнейший памятник русского зодчества, уникальный в истории культуры Сибири, ничто не заслонит. Многоэтажные дома современного архитектурного стиля встанут в северной части города, где планируется создание центра Тобольска нового. (В скобках замечу, что подобную задачу решают «градостроители и хозяева города» Загорска — здесь современная застройка как бы обтекает всемирно известный ансамбль Троице-Сергиевой лавры.)

Тобольск расширит свои границы, займет весьма солидную площадь — 30 тысяч гектаров: это в два с половиной раза больше, чем сейчас. Да и население вырастет до 250 тысяч...

Но где найти времен «связующую нить»? Как воссоединить — гармонически, ненавязчиво — «град камен Тоболеск» и новый, промышленный Тобольск? Ответ неоднозначен: его недаром ищут многие специалисты — московские, новосибирские, томенские, эстонские архитекторы.

Судьбой сибирского города интересуются всерьез.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.08.80. Подписано к печати 03.09.80. А 06649. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1130000 экз. Изд. № 2279. Заказ № 2938. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗОВУ ИКАРА

Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО.
Музыка Юрия САУЛЬСКОГО

Летел он, легко над землею скользя,
Ему говорили, что к солнцу — нельзя,
А он не послушался, бедный Икар,
И рухнул на жесткое скопище скал.
Легенды людей за собою зовут,
На нашей планете Икары зовут.
Икар — это трепетный зов высоты,
Не имя, а свойство души и мечты.

Смеются, влюбляются, сводят с ума,
Мечтают и строят, спешат и грустят,
Идут по земле и над нею летят.
И там, где проходит Икар, навсегда
Ложатся дороги, встают города!

Припев.

Несется планета в межзвездной пыли.
В Икары играют все дети Земли.
Икары бессонны,
Как сердце в груди.
Икары — в работе,
Икары — в пути.
Они устремляются
В завтрашний день,
Светло и задумчиво нянчат детей.
И новых Икаров зовут за собой,
Для них никогда не кончается бой!

Припев.

Припев:
Нельзя в этой жизни
Гореть вполнакала!
Любить вполнакала!
Мечтать вполнакала!
Зову я Икара, и верю в Икара,
И славию Икара, Икара, Икара!..

Легенды людей за собою зовут.
На нашей планете Икары живут.
Икары — где страшно,
Где звезд кутерьма,

КРОССВОРД

Составил В. БОРИСОВ,
гор. Ковров

По горизонтали:

7. Гимнастический снаряд.
8. Советский спортсмен, чемпион VII зимних Олимпийских игр в лыжной эстафете.
9. Овальная дощечка для смешивания красок в живописи.
11. Музыкальная пьеса в стремительном темпе.
12. Планета солнечной системы.
13. Советский кинофильм на спортивную тему.
16. Тропическое плодовое дерево.
18. Химический элемент, металл.
19. Группа небесных светил; объединенных одним названием.
20. Советский гроссмейстер, экс-чемпион мира.
21. Стихотворение Я. В. Смелякова.
24. Область распространения определенного вида растений, животных.
27. Русский архитектор XVIII века.
29. Живопись водяными красками по штукатурке.
30. Волокнистый минерал.
31. Писатель, основоположник социалистического реализма.
32. Английский

бальный танец. 33. Действующее лицо балета С. С. Прокофьева «Сказ о каменном цветке».

По вертикали:

1. Дикая утка.
2. Молочный продукт.
3. Советский космонавт.
4. Вид ювелирной техники.
5. Небольшое судно.
6. Марка советского автомобиля.
10. Боевой самолет.
14. Электрическая соединительная арматура.
15. Певца, народная артистка СССР.
17. Самостоятельно существующий организм.
18. Пушистый зверек.
22. Инициатор соревнования женских тракторных бригад, Герой Социалистического Труда.
23. Ценная промысловая рыба.
25. Фламандский живописец.
26. Героиня повести А. С. Грина «Алые паруса».
27. Резная планка для карнизов, оформления картин.
28. Травянистое растение семейства крестоцветных.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 18

По горизонтали:

5. Килогерц.
6. Мурманск.
9. Степанова.
10. Ирак.
12. Фриг.
13. Ротонда.
16. «Страх».
17. Верди.
18. Система.
19. Орган.
20. Гаусс.
22. Маслина.
24. Стан.
26. «Роза».
28. Бадминтон.
29. Наливкин.
30. «Бригадир».

По вертикали:

1. Оляха.
2. Центавр.
3. Гравюра.
4. Ангар.
5. Комитас.
7. Калгар.
8. Палеонтология.
11. Катамаран.
12. Генератор.
14. Олифа.
15. «Демон».
19. Опискин.
21. Семафор.
22. Малакка.
23. Антонио.
25. Атолл.
27. Орадя.

СИНЯЯ БАБОЧКА

рисунке, и вам увидится зеленое: луг, трава, сытая корова, подарившая вам этот вкусный сыр. Фантазии? Да ничуть. Психологи давно знают способность точных и прекрасных вещей влиять на душу человека, дарить ей ощущение покоя, гармонии, красоты.

К XXII Олимпийским играм Валентин Розанов создал модель для сувенирного кумгана, в узор которого вписана олимпийская эмблема с башенкой-звездой и пятью кольцами и шрифт «Москва-80». Эмблему держат между собой раскрытые крылья-листья, синие, сказочные. Птица ли это? Или могучее волшебное растение? Легонькие веточки с цветами аквилегии, счастливые трилистнички вроде лесной кислицы — они отходят к ручке и носику кумгана от крутых его боков — заставляют подумать о растении. Но дольше глядишь и видишь, что между синими крыльями плывут, шевеля голубыми плавниками, пузатые рыбки, и весь этот павлиний веселый султан вздымает вверх олимпийскую башенку. Да здесь целый мир: природы, здоровья, радости, и этому юному миру поет птенец — хваток фигурной крышки. Красотища!

Глядя на олимпийский кумган Розанова — один

ВАЛЕНТИН РОЗАНОВ НЕ ТОЛЬКО АВТОР ДЕКОРА, НО И МОДЕЛЬЩИК СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ. ЕГО ВЕЩИ ВСЕГДА ОТЛИЧИШЬ ОТ ДРУГИХ ГЖЕЛЬСКИХ РАБОТ! ОНИ КАК БЫ ОСОБО ПРОЧНЫ, НО В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ИЗЯЩНЫ.

из многих, пожалуй: не менее пятнадцати вариантов этой труднейшей и традиционной формы гжельского фарфора создан двадцатипятилетним художником, — я думала и о его силуэте и о его росписи. То и другое очень просто, имеет ортодоксальные «золотые» членения, но четкость частей, формы и узора, их плавность и в то же время напряженность вызывают у зрителя обостренное внимание. Здесь роспись лепит форму, а форма ведет за собой роспись, и такой синтез вызывает ощущение, что иначе не может быть, ощущение узнаваемости, которое всегда сопутствует нашему общению с большим искусством, когда кажется, что мы давно знаем какие-то строки, а их с трудом и болью выронил из своего сердца поэт, или помним мелодию, таким усилением слуха изъятую композитором из звенящего воздуха.

Валентин всегда и модельщик (скульптор) своих произведений, не только автор декора. «Тулова», как говорили в старину, его вещей всегда отличишь от других гжельских работ: они как бы особо прочны, но в то же время изящны, иногда он декорирует борт и рант в фарфоре, иногда дает иллюзию скульптурной лепки росписью. В олимпийском кумгане он соединил эти возможности: полосатенький носик с напряженным, как у поющей птицы, горлышком и синим раскрытым «кловом». Такая же ручка — «хвост». Шаровидное «тело» на коротеньком, стаканчиком, полосатом основании с синим же рантом; и крышка-полусфера с поющим птенцом... Можно, вероятно, найти какие-то аналоги в исторической, на полтора века отстоящей от нашего времени коллекции старой Гжели, но молодой художник не цитировал, не повторял давно найденное. Он создал произведение глубоко современное, хоть и восходящее к лучшим традициям русского фарфорового промысла: аллегория здоровья, силы, молодости в такой

конкретной утилитарной вещи, каков кумган, или попросту — большой торжественный чайник.

Художник только начинает путь в большое искусство. У него множество замыслов, множество прекрасных идей. Но художественная личность его уже состоялась, ибо и сегодня коллекция его работ разнообразна и обширна. Одинарный подсвечник с ручкой (то есть ночник) и подсвечник двойной, где два разновысоких рожка сцепились внутри незакрытыми кольцами; вазы, похожие на амфоры, и вазы с треугольным, как бы смятым горлышком; чайные сервизы; кружки, шкатулки, широкогорлые чаши, которые когда-то называли терины; основания для электросветильников и ламп; смешные, очень удобные пепельницы; торжественные блюда; конфетные листы; корзины для сластей; кофейники и к ним чашечки с крышками, молочники и маленькие сливочки; бульонные чашки, тарелки и разные масленки, в том числе такие, которые похожи на старинные гжельские «маслиницы на тарелках».

Когда у себя дома Валя Розанов расставил на письменном столе свои сокровища, я не в силах была оторвать от них глаз. «Выйдут такие серииз?» — спросила у художника. Он гордо ответил: «Конечно!» И я представила радость их многочисленных будущих владельцев, согревающих свою душу при взгляде на эти простые, удобные, необходимые вещи. Ведь душа возвышается, если перед тобою, перемещаясь и на секунду даваясь тебе в руки, свершает свой лет синяя бабочка.

